

ГРОССМЕЙСТЕРЫ
ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

РИХАРД ЗОРГЕ

КТО ОН
НА САМОМ
ДЕЛЕ?

ЕЛЕНА
ПРУДНИКОВА

Annotation

Рихард Зорге – одна из самых романтических фигур в мире разведки. Яркий пассионарий, красавец, любитель вина и женщин, он стал одним из прототипов Джеймса Бонда. Вообще легенд о нем ходит куда больше, чем известно конкретных данных. Говорят, что именно он из далекой Японии первым сообщил в Москву о дате нападения на СССР, о составе и количестве нацистских сил, обрисовал общую схему военного плана вермахта. Правда это или нет? Кто он на самом деле? Незаурядный разведчик или обычный резидент? Человек, незаслуженно отмеченный Хрущевым, или действительно имеющий исключительные заслуги перед Отечеством? Советский патриот или двойной агент? На чью разведку он работал? Имел ли отношение к антисталинским заговорам? Почему в СССР узнали о Рихарде Зорге только в 1964 году и почему о нем вообще узнали?

- [Елена Прудникова](#)
  -
  - [Введение](#)
  - [«Премьер-министр» с Моцартштрассе](#)
  - [Теория и практика коммуниста Зорге](#)
  - [Как Зорге пришел в разведку](#)
  - [СССР и его дальневосточный сосед](#)
  - [Рихард и его команда](#)
  - [Разведка в стиле казино](#)
  - [Жизнь и смерть Екатерины Максимовой](#)
  - [Программа-максимум Гиити Танака](#)
  - [Новая командировка](#)
  - [«Рамзай» начинает работу](#)
  - [Будни разведчиков](#)

- [Работа группы в самом разгаре](#)
- [Почему Сталин не поверил Зорге?](#)
- [Провал](#)
- [Брошены и забыты](#)
- [Использованная литература](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)

- [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
-

Елена Прудникова Рихард Зорге. Кто он на самом деле?

© Прудникова Е.А., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Введение

Известность для разведчика – дело случая, причем случай этот далеко не счастливый. По одной очень простой причине: чтобы стать известным, надо провалиться. Имена нераскрытых разведчиков крайне редко становятся достоянием общественности. В России можно назвать, пожалуй, один случай – Ян Черняк. И то публикации о нем появились через пятьдесят лет после того, как он закончил свою нелегальную работу, буквально за несколько недель до его смерти. И произошло это в 90-е, когда режим секретности, окружающий деятельность советских спецслужб, по известным причинам давал сбои. А потом двери архивов захлопнулись – и все вернулось на круги своя.

Известность для разведчика – дело случая вдвойне. Чья биография попала на глаза журналистам, кинематографистам, писателям и пр., того они и берут в работу. Вот кто у нас знает о сидевшем в Швейцарии в 40-е годы Рудольфе Рёсслере? А он, между прочим, считается лучшим агентом Второй мировой войны, способным ответить на *любые* вопросы Центра о немецкой армии. Между тем о Леопольде Треппере и Анатолии Гуревиче с их «Красной капеллой», сделавших гораздо меньше, написаны книги и статьи, а «Красная капелла» стала, пожалуй, самой известной разведывательной организацией того времени. Одна беда – из этих книг и статей так и не удалось выяснить, чем конкретно они занимались.

Лев Маневич – «Этьен», – проработавший в фашистской Италии около двух лет и собиравший достаточно обычную, рядовую техническую информацию, поразил литераторов своей романтической биографией. В результате, чтобы более

убедительными были книги и фильм о нем, ему даже «добавили» четыре года нелегальной работы. А вполне реальный Генри Робинсон, около десяти лет очень результативно работавший в Европе и геройски погибший в фашистских застенках, так ничего внимания и не привлек, хотя биография его романтична ничуть не меньше, чем у Маневича.

Тройка, семерка, туз...

...В конце 50-х годов в руки французского кинорежиссера Ива Чампи попала книга бывшего нацистского дипломата Ганса-Отто Мейснера «Человек с тремя лицами». Мейснер перед войной работал в германском посольстве в Токио и хорошо знал обаятельного и немного беспутного журналиста Рихарда Зорге. Когда выяснилось, что этот отличный парень, замечательный собутыльник и покоритель женских сердец работает на советскую разведку... сказать, что получился скандал – значит не сказать ничего. Это был гром среди ясного неба. Пораженный случившимся, Мейснер после войны, благо в изобилии имелись японские и американские материалы исследований, написал книгу. Ив Чампи в 1961 году выпустил на экран фильм «Кто вы, доктор Зорге?». С него и началась слава «Рамзая».

Фильм прошел по Европе с огромным успехом, и француз решил показать его на родине героя. Должно быть, он ожидал благодарности от нашего правительства: в конце концов, человек делал за советских кинематографистов их работу и мог рассчитывать хотя бы на «спасибо». В 1962 году Ив Чампи предложил ленту для показа в СССР. Фильм посмотрели сотрудники Министерства культуры во главе с незабвенной товарищем Фурцевой. Причем люди из Минкульта справились сами, не пригласив никого ни из военной разведки, ни из КГБ хотя бы для

вежливости. И сами решили, что фильм нам не подходит.

Когда в 1963 году в СССР был образован Государственный комитет по кинематографии (знаменитое Госкино), Ив Чампи снова предложил свою ленту теперь уже новому киношному начальству, Алексею Романову. И тут вмешался Его Величество Случай. Совершенно случайно о намечавшемся просмотре узнал человек из службы внешней разведки, посмотрел кино, доложил по начальству, что фильм хороший, разве что с эротикой француз переборщил, ну так чего и ждать от француза... Дальше дадим слово Николаю Захарову, заместителю председателя КГБ:

«Тут же я позвонил А. Романову:

– Ну что, Алексей Владимирович, как фильм?

– Знаете, Николай Степанович, по-моему, Фурцева была права, что отказалась его покупать. В нем много серьезных недостатков и есть такие фрагменты, которые не принято показывать.

– А мне докладывают, что фильм хороший. Давайте так: пленку я заберу и покажу ее руководящему составу КГБ. Если фильм понравится, покажем его на субботнем просмотре членам Политбюро.

В КГБ СССР фильм одобрили. Я попросил начальника личной охраны Н. Хрущева, полковника Литовченко, ознакомить Никиту Сергеевича с аннотацией фильма, подобрал нескольких сотрудников, великолепно владевших французским языком, снабдил их нашими миниатюрными спецприборами синхронного перевода, и к 19 часам они были в Доме приемов, где демонстрировали фильмы. Вскоре собрались члены Политбюро и секретари ЦК... Всем подали чай и разнесли список десяти готовых к демонстрации фильмов. Ленты о Зорге в нем не было. Собравшиеся

стали обсуждать, что бы сегодня посмотреть, как вдруг Никита Сергеевич предложил:

- А вот Захаров рекомендует фильм о разведчике Зорге. Может, посмотрим?

Все, конечно, согласились. Во время сеанса тишина в зале стояла гробовая. Когда фильм закончился, все вышли в фойе и окружили Хрущева.

- Ну, как фильм? - спросил Никита Сергеевич.

В ответ - выжидающе молчание.

- А по-моему, фильм хороший. Мне, например, понравился... Захаров, - обратился ко мне Никита Сергеевич, - передайте Романову, что фильм нами одобрен. Его надо купить, перевести на русский язык, скорректировать отдельные эпизоды и пустить на большой экран...»

Так началась российская слава Рихарда Зорге - сначала книга, написанная немцем, затем фильм, снятый французом, потом уже работы советских журналистов, более или менее перевиравших факты. Вскоре руководство КГБ предложило наградить участников группы «Рамзай» и нашло полное понимание в «верхах»: эпоха требовала новых героев.

Впрочем, рассказывают и такую версию этого награждения. Посмотрев на даче в очередной раз «Кто вы, доктор Зорге?», Хрущев от полноты впечатления воскликнул:

- Вот как надо снимать! Знаешь, что все это выдумки, а сидишь от начала и до конца как на иголках, все ждешь, что же дальше будет...

- Так ведь это не выдумки, Никита Сергеевич, - сказал кто-то из присутствовавших кагэбэшников. - Это чистая правда...

Хрущев снял трубку «вертушки», позвонил в КГБ, там подтвердили: да, был такой разведчик...

– Так почему же о его подвиге до сих пор не знает страна? – возмутился генсек.

Дальнейшее было уже делом техники. Срочно создали специальную комиссию, изучившую материалы, и уже 5 ноября 1964 года был подписан Указ Президиума Верховного Совета о присвоении Рихарду Зорге звания Героя Советского Союза. Главное разведывательное управление советской армии (группа «Рамзая» числилась за военной разведкой) хранила молчание.

После всех этих событий Рихарда Зорге по какому-то молчаливому уговору стали считать «разведчиком номер один». Не то чтобы так оно на самом деле и было – на самом деле подобного супергероя можно сделать из доброй половины разведчиков-нелегалов. В их жизни всегда найдется из чего вылепить сценарий для фильма. Просто так удобнее. При этом как-то забывается, что работа против Германии не являлась основным заданием Зорге – сведения о немецких планах были сопутствующей информацией. Резидентура «Рамзай» была создана для освещения японских дел, а дату начала войны в Москве знали из множества куда более близких к Берлину источников.

Как ни странно, серьезных исследований жизни разведчика в СССР не велось. В библиографии книги «Рихард Зорге» из серии «Жизнь замечательных людей» всего 14 источников, из них три принадлежат самим авторам книги. Так серьезная работа не ведется. Для сравнения: библиография книги немецкого исследователя Юлиуса Мадера «Репортаж о докторе Зорге» насчитывает около 150 наименований. Тридцать пять лет Мадер собирал все, что известно о разведчике, подготовил около ста публикаций о нем, написал две книги. Притом что Зорге не так уж долго жил в Германии и не так уж много для нее сделал. Его жизнь и работа были поставлены на службу Советскому Союзу.

Впрочем, если бы речь шла только о разном размере библиографических списков, то это бы еще полбеда. Но и реальные факты из жизни своего героя наши и зарубежные исследователи тоже приводят по-разному, а это уже гораздо хуже.

А с другой стороны, в СССР, да и в ГДР, и на Западе Зорге залакировали – каждый своим лаком. Так всегда бывает при создании культовой фигуры: кто-то вылепливает своего персонажа в соответствии с господствующей идеологией, а кто-то – с предполагаемыми вкусами зрителей. Получается монумент или восковая фигура, но все равно кукла. Но ведь это был яркий человек, живший в сложное время, то и дело естественным образом переходившее в страшное! И как время это было неудобным для всех, кто его описывал, так и люди этого времени плохо годятся для парадных портретов.

Такие дела...

«Премьер-министр» с Моцартштрассе

...Даже самое начало биографии Рихарда Зорге разные исследователи излагают по-разному. Сходятся они на том, что – да, в начале 80-х годов XIX века на бакинские нефтепромыслы действительно прибыл молодой, но уже достаточно опытный и квалифицированный немецкий инженер по фамилии Зорге. Но дальше пишут кто во что горазд. Юлиус Мадер утверждает, что инженера звали Густав Вильгельм Рихард Зорге, русские почему-то переименовали его в Германа Адольфа Рихарда Курта и снабдили чрезвычайно романтической семейной историей. У герра Зорге была жена-немка по имени Эмма, которая родила ему четверых детей: сыновей Вильгельма и Германа и дочерей Эмму и Амалию. Во время очередной эпидемии холеры жена умерла, и Густав Вильгельм и т. д. остался с четырьмя маленькими детьми на руках.

От той же эпидемии умерли и родители двадцатидвухлетней Нины Кобелевой, оставив семерых детей. Нина, старшая, чтобы прокормить братьев и сестер, нанялась в прислуги к немецкому инженеру. Вскоре хозяин сделал ей предложение. От этого брака и родился пятый, последний, ребенок в семье – сын Рихард.

Но, думаю, все же стоит поверить Мадеру: он намного обстоятельней, и его книга производит гораздо более солидное впечатление, да и к семейным архивам он ближе. Итак, согласно его версии, отца Зорге звали Густав Вильгельм Рихард, родился он в 1852 году и происходил из старинной прусской семьи. Его отец был

хирургом, более дальние предки торговали лекарствами. Однако молодой человек не захотел поддерживать семейную традицию. В городе Веттин, где он родился, имелась каменноугольная шахта. Мистический германский дух окружил шахтеров романтическим ореолом, и мальчик, с детства слышавший сказки о тайнах подземного мира, став подростком, всерьез заинтересовался горнодобывающим делом. Но практичный Густав Вильгельм довольно скоро понял, что каменноугольная промышленность доживает свой век, дело это бесперспективное, и переключил свои интересы на добычу нефти, принявшись за дело с чисто немецкой хваткой и обстоятельностью. Изучая нефтедобычу, молодой человек несколько лет проработал в США, став хорошим специалистом по глубокому бурению.

И тут начался нефтяной бум в Баку. Братья Нобели, шведские фабриканты, купив по дешевке концессии на разработку нефтеносных земель, поставили дело с размахом. Их компания охватывала весь цикл – от бурения до сбыта продукции нефтепереработки. Производство ящиков, бидонов, канистр, транспорт – железнодорожные цистерны и нефтеналивные баржи – все свое. Империя Нобелей имела 20 % от общей суммы иностранного капитала в российской нефтяной промышленности.

Естественно, для такой работы требовалась огромная армия специалистов – отсталая Россия могла поставлять на заводы разве что рабочих. Компания Нобелей вербовала их, где только было возможно: дешевый труд русских рабочих позволял хорошо платить инженерам без серьезного ущерба для прибылей. Так что тридцатилетний, но уже опытный инженер не имел оснований жаловаться на недостаток средств.

Теперь можно было подумать и о том, чтобы обзавестись семьей. Практичный немец не стал гоняться за деньгами и титулами. В жены он взял совсем молодую девушку, Нину Кобелеву, дочь железнодорожника и фабричной работницы. Девочка была не избалована жизнью, она рано осиротела и вместе с пятью братьями и сестрами выросла в приюте. Густав Вильгельм не прогадал – ему не пришлось жалеть о совершенном мезальянсе. В свою очередь, он отплатил добром за добро – помог получить хорошее образование всем пятерым братьям и сестрам жены.

Нина Семеновна подарила мужу десятерых детей: четырех мальчиков и шесть девочек. Правда, на старой семейной фотографии присутствует только пятеро детей, что вроде бы подтверждает русскую версию, но, в конце концов, в то время далеко не все дети выживали. В российской империи детская смертность была равна тридцати процентам по первому году жизни да столько же по второму. И вот 4 октября 1895 года у супругов родился самый младший сын – Рихард. Отцу тогда было сорок три года, а матери – двадцать восемь. Если детей было и вправду десять, то замуж она выходила лет шестнадцати-семнадцати, не старше...

Первые годы жизни мальчика прошли в поселке Сабунчи, прокаленном солнцем местечке на берегу соляного озера, где стоял двухэтажный дом инженера Зорге. Впрочем, об этих местах его детская память почти не сохранила воспоминаний. В 1898 году, когда здоровье отца пошатнулось, а денег было накоплено достаточно, семья переехала в Германию. Они обосновались в берлинском пригороде Ланквиц, на известной нашим телезрителям, по иронии судьбы благодаря фильму о разведчике, Моцартштрассе. Густав Вильгельм собирался заняться научной работой, но, когда ему предложили стать директором банка,

согласился: это обеспечивало им всем безбедное существование.

Что касается убеждений Густава Вильгельма, то сам Рихард называл отца «националистом и империалистом». В том же духе глава семьи старался воспитывать и детей, правда не слишком успешно. Там ведь была еще и мама, проводившая с детьми гораздо больше времени, чем глава семейства. Семья была двуязычная, в быту на равных использовались и немецкий, и русский языки. Все ее члены, включая младшего Рихарда, живо интересовались тем, что происходило на их далекой родине. А дела там творились крайне интересные.

Закавказье являлось одним из центров русской социал-демократии. Российские эсдеки, в отличие от своих европейских коллег, не увлекались идеями «социального партнерства» и не видели себя в качестве посредников между рабочими и буржуазией. Они были настроены на борьбу, причем не только радикалы-большевики, но и более умеренные меньшевики. Отсюда и результаты.

В 1904 году в Баку три недели длилась мощнейшая стачка нефтяников, в результате которой был подписан первый в России коллективный договор. А дальше сорвалась лавина. Закавказье стало одним из центров революции 1905 года, в которой забастовки являлись «стартовым пакетом». Дальше шли «экспроприации», или «эксы» (а по-простому, налеты), теракты, драки с полицией, боевые отряды... Кстати, именно в Баку тогда работал молодой революционер по кличке Коба, который вскоре станет известен всему миру под другим своим партийным псевдонимом – Сталин.

Идеи социального равенства, классовой борьбы носились и в европейском воздухе, а члены семьи Зорге отчасти помнили, а отчасти знали по рассказам старших, в каких нечеловеческих условиях живут

российские рабочие. Так что неудивительно, что один из старших сыновей имел крайне левые убеждения, а младший и вовсе стал коммунистом, коминтерновцем и советским гражданином. Сам Зорге впоследствии говорил, что чувствует себя русским.

...В 1902 году Рихарда отдали в повышенное реальное училище в Лихтенфельде, одном из районов Берлина. С самого начала мальчик «прославился» тем, что все время нарушал дисциплину. *«Я был трудным учеником, – впоследствии охарактеризовал он сам себя, – нарушал школьные порядки, своевольничал и был крайне несдержан на язык».* Впрочем, не только на язык. Если его что-либо не устраивало, он был просто не способен молчать, чуть что, пускал в ход кулаки – тот еще скандалист... Что касается упрямства, повышенной разговорчивости, своеволия – таким он оставался и потом, уже став взрослым, да и кулаками помахать был не прочь даже тогда, когда уже перешагнул за сорок лет.

Мальчишка был способным, что несколько компенсировало трудный характер, хотя таланты имел весьма узконаправленные.

«По истории, литературе, философии и, конечно же, по гимнастике, а также по уровню политических знаний я намного превосходил других учеников. Зато по другим предметам мои успехи были ниже среднего уровня. В пятнадцать лет я начал запоем читать Гёте, Шиллера, Лессинга, Клопштока, Данте и других “трудных” авторов. Однако все мои попытки постичь историю философии и учение Канта оказались тщетными. Моими любимыми темами по истории были французская революция, наполеоновские войны и эпоха Бисмарка. В социальных и политических проблемах Германии я разбирался лучше большинства взрослых. Год за годом я внимательно следил за развитием

политических событий. Поэтому в училище меня прозвали “премьер-министром”»^[1].

Можно представить себе, какая каша наполняла голову школьника, отец которого был «империалистом и националистом», брат – левых убеждений, а мать из рабочей семьи. Из такого коктейля мог сформироваться кто угодно: анархист, коммунист, социалист, нацист... Сформировался, как известно, коммунист, но для этого потребовалось еще много пройти.

...В 1907 году внезапно умер Густав Вильгельм Зорге. Рихард очень тяжело переживал его смерть. Мальчик замкнулся, стал глубже, серьезнее, несколько отдалился от всех и еще больше увлекся книгами. Кроме того, он вступил в социал-демократическое рабочее гимнастическое общество. Представление о реальном рабочем классе впоследствии оказалось полезным, а симпатии к социал-демократам определили дальнейшую направленность политических приоритетов Рихарда – он выбрал левую сторону политического спектра. Скорее всего, в будущем из него получился бы образцовый политолог, социолог или что-нибудь в этом роде и не менее образцовый социал-демократ. Но жизнь распорядилась по-иному.

Последнее каникулярное лето они с друзьями решили провести в Швеции. Возвращались домой в конце июля. Странные дела творились в Германии: в порту скопилось огромное количество военных кораблей, поезда были переполнены, так что ребята едва сумели добраться до Берлина. Ехали почти исключительно военные, для штатских места в вагонах почти не оставалось, станционные пути были забиты воинскими эшелонами. 1 августа началась война.

Немецких мальчиков всегда воспитывали патриотами. И, когда с началом войны страну охватило патриотическое безумие, его первой жертвой стала

молодежь. Мальчишки-старшеклассники толпами записывались в армию. Юный романтик Рихард, которому давно надоело училище, да и вообще вся эта скучная буржуазная жизнь, тут же отправился на пункт призыва, даже не сообщив о своем решении матери. Было ему в ту пору неполных девятнадцать лет.

Судьбе этого поколения немецких школьников посвятил свое творчество Ремарк, специально придумавший для мальчиков, прямо со школьной скамьи брошенных в мясорубку войны, термин «потерянное поколение». Война с такой силой вломилась в жизнь этих детей, еще ничего не успевших узнать, что те, кто уцелел, потом с огромным трудом приспособлялись к мирной жизни, в которой не имели корней. Многие так и не смогли к ней привыкнуть – и одним из таких был Рихард Зорге. Но все это будет потом. А пока он проходил подготовку в запасном батальоне 91-го пехотного полка, где вчерашних школьников быстро избавили от романтических настроений.

«У нас не было твердых планов на будущее, лишь у очень немногих мысли о карьере и призвании приняли уже настолько определенную форму, чтобы играть какую-то практическую роль в их жизни; зато у нас было множество неясных идеалов, под влиянием которых и жизнь, и даже война представлялись нам в идеализированном, почти романтическом свете.

В течение десяти недель мы проходили военное обучение, и за это время нас успели перевоспитать более основательно, чем за десять школьных лет. Нам внушали, что начищенная пуговица важнее, чем целых четыре тома Шопенгауэра. Мы убедились – сначала с удивлением, затем с горечью, а потом с равнодушием – в том, что здесь все решает, как видно, не разум, а сапожная щетка, не мысль, а заведенный некогда

распорядок, не свобода, а муштра. Мы стали солдатами по доброй воле, из энтузиазма; но здесь делалось все, чтобы выбить из нас это чувство... Козырять, стоять на вытяжку, заниматься шагистикой, брать на караул, вертеться напра-во и нале-во, щелкать каблуками, терпеть брань и тысячи придилок – мы мыслили себе нашу задачу совсем иначе...

Мы испытали на себе, пожалуй, все возможные виды казарменной муштры, и нередко нам хотелось выть от ярости... Но мы бы сочли себя достойными осмеяния, если бы сдались. Мы стали черствыми, недоверчивыми, безжалостными, мстительными, грубыми – и хорошо, что стали такими. Именно этих качеств нам и не хватало. Если бы нас послали в окопы, не дав нам пройти эту закалку, большинство из нас, наверно, сошло бы с ума. А так мы оказались подготовленными к тому, что нас ожидало»^[2].

Можно себе представить, каково в этой обстановке пришлось Рихарду – с его-то характером! Впрочем, уже через несколько месяцев они мечтали о казарме как о чем-то далеком и недостижимом. После шести недель подготовки – что, спрашивается, можно успеть за шесть недель! – их отправили на войну, на тот самый западный фронт, который «без перемен». Там те, кто не погиб в первые дни, навсегда излечились от романтики. В ноябре 1914 года четыре резервных корпуса 4-й армии – как раз таких вот наспех обученных солдат, вчерашних школьников, перемешанных с рабочими, крестьянами, безработными, которые были старше, но ничуть не опытнее в военных делах, – под командой давно забывших службу офицеров-резервистов бросили в прорыв во Фландрии, цепями под пулеметы, на верную смерть. Позднее, года через два-три, статистика боев, по оценке Ремарка, была такая: на одного

бывалого солдата гибло пять-десять новобранцев. Но в 1914 году на этой войне не существовало опытных бойцов: это была первая такая война в истории Европы. Ранее приобретенные знания никому помочь не могли: слишком много технических и тактических новинок было опробовано на этой войне.

«Среди ночи мы просыпаемся. Земля гудит. Над нами тяжелая завеса огня. Мы жмемся по углам. По звуку можно различить снаряды всех калибров... Каждый ощущает всем своим телом, как тяжелые снаряды сносят бруствер окопа, как они вскапывают откос блиндажа и крошат лежащие сверху бетонные глыбы. Порой мы различаем удар более глухой, более сокрушительный, чем обычно, удар, словно разъяренный хищник, бешено вонзает когти в свою жертву. Это прямое попадание в окоп...

Наступило утро. Теперь к огню артиллерии прибавились разрывы мин. Нет ничего ужаснее, чем этот неистовой силы смерч. Там, где он пронесся, остается братская могила...

...Еще одна ночь. Теперь мы уже отупели от напряжения. Это то убийственное напряжение, когда кажется, что тебе царапают спинной мозг зазубренным ножом. Ноги отказываются служить, руки дрожат, тело стало тоненькой пленкой, под которой прячется с трудом загнанное внутрь безумие, таится, каждую минуту готовый вырваться наружу, безудержный, бесконечный вопль. Мы стали бесплотными, у нас больше нет мускулов, мы уже стараемся не смотреть друг на друга, опасаясь, что сейчас произойдет что-то непредвиденное и страшное. Мы плотно сжимаем губы. Это пройдет... Это пройдет... Быть может, мы еще уцелеем...»^[3].

Может быть, после бомбежек по площадям, после Хиросимы это и не так впечатляет. Но тогда все это было впервые.

Рихард выжил в том фландрском наступлении, в аду Диксмойде, но стал смотреть на все по-другому. У оставшихся в живых не было общего языка с теми мальчиками с горящими глазами, которые еще полгода назад распевали патриотические песни, а также с теми, кто, сидя в тылу, пел их сейчас. Теперь он, как и его товарищи, совсем иначе видел войну – как бессмысленную бойню, а на место романтического подъема пришла безысходность обреченных, чей единственный жизненный лозунг: «Быть может, мы еще уцелеем». Храбрость не вела к смерти, а трусость не спасала, и Рихард стал отчаянно храбрым. Это соответствовало его характеру, а главное, его гордости. Впоследствии он вспоминал:

«Это дикое кровавое побоище глубоко потрясло и меня, и моих товарищей. Как только рассеялась романтическая дымка и была утолена жажда битвы, наступили месяцы глубочайших душевных потрясений и тупой безысходности... Никто из моих фронтовых товарищей не понимал целей этой войны, не говоря о ее подлинном значении. Большинство солдат были молодыми людьми в расцвете сил. Рабочие и ремесленники, почти все они состояли в профсоюзах, многие принадлежали к социал-демократическим организациям. Среди них был всего один настоящий радикал – седоволосый каменотес из Гамбурга, попросту отказывавшийся вести с кем бы то ни было дискуссии о своих политических взглядах. Мы сдружились; он рассказал мне о своей жизни безработного в Гамбурге, где постоянно подвергался

преследованиям. Это был первый пацифист, встретившийся мне. Он погиб в начале 1915 года...» [4]

Вскоре ранило и самого Рихарда.

Пребывание в госпитале с нетяжелым ранением солдаты рассматривали как отдых, подарок судьбы. Времени было много, и Рихард начал потихоньку разбираться в реальной политической подоплеке войны. Теперь он мог бы сказать словами Ретта Батлера, героя книги «Унесенные ветром»: «Войны ведутся из-за денег». Он и пытался разобраться, кто какие интересы имеет. Интересы у всех были разные – у кого-то деньги, у кого-то земли, уголь, нефть – но тем, кого гнали на бойню, война не давала ничего, кроме страданий и смерти. Однако выхода он не видел, да и никто его не видел. Обратного хода не было – этот путь надо пройти от начала до конца.

За то время, которое Рихард провел в госпитале, его часть перебросили на Восточный фронт, в Галицию, где в то время началось крупное наступление. Теперь он был вынужден стрелять в русских. Впрочем, испытание длилось недолго: уже через три недели он «словил» осколок и снова оказался на госпитальной койке в Берлине.

Дома за это время стало еще хуже. Уровень жизни населения стремительно катился вниз. Буржуазия опустилась до положения рабочих, рабочие голодали. Патриотический подъем был давно позади, и его место заняла мрачная озлобленность у одних и жалкие попытки уцепиться за остатки патриотизма у других. В тылу было невыносимо, и Рихард, не дожидаясь окончания отпуска, попросился на фронт. «Я считал, что лучше сражаться в других странах, чем еще глубже погружаться в болото в своей стране», – позднее напишет он.

Во время лечения Рихард успел сдать экзамены на аттестат зрелости, а также получить унтер-офицерские погоны и Железный крест II степени за храбрость. Решение это нелегко далось военному начальству. Действительно, он был отчаянно смелым, но, освоившись в армии, стал и отчаянно недисциплинированным, и агрессивным. Правила приличного поведения остались в тылу (да и в тылу-то он их не соблюдал), и споры, в том числе и с унтер-офицерами, он предпочитал решать кулаками. В самом деле, почему бы и нет? За драку с унтером не расстреливали. А гауптвахта – что гауптвахта? На фронте это три – пять – десять суток отдыха, чем плохо-то? Однако теперь, имея аттестат, унтерские нашивки и Железный Крест, он мог сделать и военную карьеру – стать офицером, и гражданскую. В перспективе ему была открыта дорога в любой университет Германии. Если уцелеет...

А еще именно тогда ему в руки попали листовки группы «Спартак». Это были немецкие левые социалисты, близкие по взглядам русским большевикам – вскоре они войдут в число основателей Коммунистической партии Германии. С социал-демократами их «развело» отношение к войне. 4 августа 1914 года, после того как фракция СДПГ в рейхстаге проголосовала за военные кредиты, левая социалистка Роза Люксембург объединила противников войны внутри своей партии в группу «Интернационал». Группа выступала против политики «гражданского мира», выдвинутой правительством и поддерживаемой СДПГ, и стояла за солидарность рабочих всего мира против войны. Руководили ею известные впоследствии деятели: Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин, Вильгельм Пик, Франц Меринг. С января 1916 года они сменили имя своего объединения и стали называться группой «Спартак» и тогда же начали

печатать так называемые «политические письма», которые распространяли и в госпиталях, и в окопах.

Не всегда спартаковцы выражались понятными словами, но измученным войной солдатам достаточно было того, что эти люди «против войны». Ну а Рихард понимал все, что они писали, ибо умел изъясняться политическим языком, но и ему эти слова попали точно в сердце, как в «яблочко». Это был третий лежащий перед ним путь – путь политической борьбы, и Рихард выбрал его, как выбирали этот путь многие недовольные устройством жизни и до него, и после него...

...Итак, в начале 1916 года ему торжественно вручили аттестат зрелости, унтерские нашивки и отправили обратно в его 43-й резервный полк полевой артиллерии, на самый север мощного оборонительного вала французских войск, под стены малоизвестной крепости, которая называлась Верден.

Германское командование сконцентрировало на этом участке фронта огромные силы: оно готовило операцию под претенциозным названием «Суд». Кронпринц Вильгельм лично командовал 5-й армией, которая должна была послужить острием тарана, пробивающего брешь во французской обороне. Таран был мощнейшим. На участке фронта протяженностью всего в 13 километров немцы сконцентрировали 6 дивизий, 1225 орудий и 202 миномета, которые за время кампании израсходовали 20 млн снарядов. Однако все это оказалось тщетной тратой сил. За три месяца ожесточенных боев германские войска не продвинулись ни на метр. Верден стал кровопролитнейшим сражением Первой мировой войны, и в этот ад угодил Рихард.

Как-то раз, возвращаясь под огнем из разведывательной вылазки за линию фронта, он был

тяжело ранен. С перебитыми ногами он трое суток лежал среди воронок и колючей проволоки, с каждым часом все меньше и меньше надеясь на помощь. Но его все же нашли и вытащили к своим.

Теперь Рихард оказался на больничной койке надолго, хотя, в общем-то, повезло, могло быть намного хуже. Он перенес несколько операций и сохранил ноги, хотя хромота осталась на всю жизнь как память о Вердене. Глубокий шрам остался и в душе, и даже двадцать лет спустя он не мог избавиться от этих воспоминаний. Его знакомые вспоминают, что он то и дело принимался рассказывать о Вердене, ужас этого сражения жил в нем всегда.

На сей раз его отправили не в Берлин, а в Кенигсберг. Раны были тяжелыми и болезненными, и, отчасти чтобы отвлечься, Рихард начал читать книги. Одолеl наконец философию – Канта и Шопенгауэра, занялся экономикой. Именно тогда у него появился интерес к исследовательской работе. И тут судьба подкинула удивительную встречу. За ним ухаживала молодая медсестра. Ее отец, врач того же госпиталя, был марксистом. Услышав от дочери фамилию Зорге, достаточно редкую, доктор подумал: а уж не приходится ли этот молодой человек родственником Фридриху Адольфу Зорге, близкому другу Маркса и Энгельса? Так оно и оказалось. Тогда через дочь доктор передал ему подшивку социал-демократического журнала «Ди нойе цайт» со статьями Фридриха Адольфа Зорге. Так Рихард впервые узнал о тех своих родственниках, о которых в их буржуазном доме говорить было не принято.

...Все началось с прадеда Георга Вильгельма, который для разнообразия не торговал лекарствами, а был сельским пастором. Он отличался на редкость независимым характером и, будучи к тому же

отчаянным правдолюбом, все время конфликтовал с церковными и светскими властями. Мимо него не проходила ни одна европейская смута. В 40-х годах дом пастора служил станцией подпольной «железной дороги» – так называли конспиративный канал, по которому польских революционеров переправляли во Францию и в Бельгию. Естественно, всемерно помогая чужим революциям, он не мог остаться равнодушным к своей собственной и принял самое активное участие в событиях 1848 года вместе со своими сыновьями. Его сын Фридрих Адольф (тот самый!), человек с самой мирной на свете профессией учителя музыки, был в числе организаторов восстания в герцогстве Баден, в котором участвовал и его младший брат Герман Генрих. После поражения восстания Фридрих Адольф отправился в Швейцарию, затем в Бельгию, Англию и, наконец, оказался в США. В Штатах он вместе с другими немецкими эмигрантами основал коммунистический клуб, став его председателем, был организатором американской секции I Интернационала, затем секретарем его Генерального совета, написал несколько книг по вопросам рабочего движения. Вместе с Энгельсом, Августом Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом он с 1881 года сотрудничал в социал-демократическом журнале «Ди нойе цайт». Умер он в США в 1906 году, за год до смерти отца Рихарда.

Наличие таких родственников, о которых он раньше ничего не знал, стало для молодого человека шоком, впрочем, нельзя сказать, чтобы неприятным. Заинтересовавшись этим аспектом семейной истории, дальше он естественным образом перешел к увлечению марксизмом, в чем ему старательно помогали новая знакомая и ее отец. Лечение длилось не один месяц, и все это время он запоем читал социал-демократическую литературу. Это были уже не листовки спартаковцев, а серьезные научные работы.

Впоследствии он вспоминал:

«Я читал Энгельса, а затем Маркса, изучая каждую книгу, которую только мог достать. Я изучал также врагов Маркса и Энгельса, людей, которые бросили вызов их теоретическим, философским и экономическим построениям, рылся во всей истории рабочего движения в Германии и остальной части мира. За эти несколько месяцев я приобрел основные познания о Марксе и началах практического образа мышления»^[5].

Из госпиталя Рихард вышел марксистом, променяв старое романтическое увлечение на новое.

Теория и практика коммуниста Зорге

В январе 1918 года Рихарда демобилизовали: после тяжелого ранения он был признан непригодным для воинской службы. Война для него закончилась. Сбылась отчаянная надежда фронтовика: он уцелел и даже не стал инвалидом – хромота не в счет. Что такое хромота, когда ноги целы? Но что касается другой части заклинания: «Это пройдет!» – то она не сбылась. Ничего не прошло. Слишком многое он повидал за эти два года. Артобстрел, минометный обстрел, газовые атаки, рукопашные схватки, мучения и смерть товарищей, таких же мальчишек, как и он сам. Он научился бить другого человека саперной лопаткой в лицо и спокойно счищать с себя клочья человеческого мяса. После такого человек не становится прежним. Как сказал один из героев Ремарка, войну «нельзя сбросить с себя, как сбрасывают грязное белье».

«Мы больше не молодежь. Мы уже не собираемся брать жизнь с бою. Мы беглецы. Мы бежим от самих себя, от своей жизни. Нам было восемнадцать лет, и мы только еще начинали любить мир и жизнь; нам пришлось стрелять по ним. Первый же разорвавшийся снаряд попал в наше сердце. Мы отрезаны от разумной деятельности, от человеческих стремлений, от прогресса. Мы больше не верим в них. Мы верим в войну».

Молодые ветераны оказались в мирной жизни чужими. Им были смешны бюргерское существование и бюргерские ценности – с теми, кто провел войну в тылу, они общались как с инопланетянами. Впрочем, в тылу

тоже было беспокойно. Война тяжело отозвалась на положении простых людей, захватив к 1918 году и средний класс. Рабочие голодали, в городах вспыхивали стачки. Январь 1918 года был отмечен мощнейшей политической стачкой в Берлине. Полиция и специально сформированные унтер-офицерские части разгоняли демонстрантов саблями. Подумать только: Рихард мог быть в их рядах! Нет, очень вовремя его демобилизовали...

Семья жила трудно. Небольшого семейного капитала почти не осталось, все съела инфляция. Братья и сестры Рихарда делили остатки. Обстановка в доме стала такой, что матери пришлось уехать и жить отдельно – может быть, она и вправду была старшим детям мачехой? Дом развалился.

Рихарду было легче, чем другим фронтовикам. Увлечение политикой помогло хотя бы отчасти справиться с последствиями войны, а борьба за переустройство общества была как бы ее продолжением. Ему не пришлось вживаться в чуждую мирную жизнь, он продолжал воевать.

«...На фронте, Эрнст, я много думал, но никак не мог добраться до корня вещей. А теперь, когда война позади, мне хочется узнать уйму всякой всячины: почему это могло случиться и как происходит с людьми такая штука. Тут много вопросов. И в самих себе надо разобраться. Ведь раньше мы думали о жизни совсем по-иному...» [\[6\]](#)

Рихард начал разбираться, не дожидаясь окончания войны, еще в госпиталях. А теперь он решил всерьез понять, «как происходит с людьми такая штука» и еще много других «штук». Для начала он поступил в берлинский университет на философский факультет. Но

ни там, ни в своей умеренно буржуазной семье Рихард с его марксизмом не находил единомышленников. Дома жить становилось невозможно. Да и философия разочаровала: теперь он был вполне способен понять даже Канта, но совершенно утратил к нему интерес. И он решил уехать из Берлина, начать новую жизнь на новом месте.

Рихард выбрал Киль – промышленно развитый город со старейшим, основанным еще в XVII веке университетом и, что было для него еще более важным, очень беспокойный город. В университете он стал изучать экономику и социологию – это оказалось гораздо ближе к жизни, чем философия. Но не только наука привлекала его – в Киле, избавившись от семейной опеки, он решил заняться и практической политикой и стал искать для себя подходящую по духу политическую партию. Больше всего привлекал «Спартак», чьи листовки проторили Рихарду путь в новое политическое видение, но со «Спартаксом» связаться не удалось, и летом 1918 года он вступил в ряды Независимой социал-демократической партии Германии, которая образовалась из отколовшегося от социал-демократической партии левого крыла (в эту партию входили и спартаковцы в качестве автономной группы). Это было куда ближе молодому радикалу, чем половинчатые социал-демократы, хотя и не совсем то, чего хотелось.

Первым партийным поручением Рихарда стало организовать и привлечь в партию группу студентов, руководителем которой он естественным образом и стал. Здесь в полной мере проявилось еще одно качество этого человека – поистине безмерное обаяние. Он умел привлекать к себе и подчинять всех, кто с ним соприкасался – и мужчин, и женщин. Итак, он легко создал требуемый кружок и получил следующее поручение. Одно задание следовало за другим. Вскоре

он стал председателем комиссии партучебы по месту жительства, курировал работу инструкторов, затем организовал кружок среди матросов. Нет, мирная жизнь, кабинетные науки были определено не по нем.

Там же, в Киле, Рихард познакомился с человеком, который стал одним из его самых близких друзей. Это был профессор университета, тридцатилетний доктор философии Курт Альберт Герлах. Как и Рихард, профессор был выходцем из буржуазной среды – впрочем, он давно порвал всякие связи с отцом, директором фабрики. Герлах занимался изучением профсоюзного движения, актуальнейшими в то время вопросами охраны труда, долго жил в Англии и даже вступил там в лейбористскую партию. С началом войны он ушел на фронт, служил шофером в санитарном батальоне и хотя не был непосредственно на передовой, но тоже навидался немало. В Киле Герлах, кроме работы в университете, негласным образом читал лекции на тему «Социализм и коммунизм».

Рихард удачно выбрал город. Именно здесь состоялись события, послужившие началом революции 1918 года в Германии. Едва ли он заранее мог предвидеть, что здесь произойдет – просто повезло.

Политика «социального мира» к тому времени давно и безнадежно провалилась. Выступления рабочих шли по нарастающей. Уже в 1917 году общее количество участников стачек в Германии достигло 1,5 млн человек. Экономические требования перемешивались с политическими: рабочие требовали улучшения снабжения хлебом и углем, мира без аннексий и контрибуций и создания Советов по русскому образцу – всего понемножку. Но прежде всего – мира. В начале 1918 года, когда населению показалось, что процесс мирных переговоров с Россией идет слишком медленно, то, чтобы подстегнуть его, 28 января разразилась

колоссальная политическая стачка. Она охватила все крупные промышленные центры Германии, и участвовало в ней около 2 миллионов человек.

В начале октября 1918 года спартаковцы провозгласили курс на революцию. К счастью для Запада, они были относительно маленькой группой, пользовавшейся небольшим, по сравнению с социал-демократами, влиянием в массах, несмотря на всемерную помощь из Советской России. Впрочем, Германия держала курс на революцию и без спартаковских призывов.

Осенью 1918 года пришел долгожданный конец войне. Войска Антанты перешли в наступление по всему германскому фронту. Не выдержав их натиска, измотанная немецкая армия отступала, проклиная тех, кто затеял эту войну. Над фронтом стоял крик, как год назад стоял в России: дайте мир! Любой, пусть самый похабный! Такой же крик стоял и над страной, в которой давным-давно угас патриотический пыл.

5 октября 1918 года новое германское правительство под руководством принца Макса Баденского попросило страны Антанты о перемирии. Однако долгожданное окончание войны уже не могло спасти положение. Поздно! Страна была пороховой бочкой, и оставалось лишь поднести спичку...

24 октября 1918 года командующий германским Флотом Открытого Моря^[7] предписал своим кораблям вступить в «последнюю решающую битву» с британским флотом. Попытка была совершенно самоубийственной, шансов никаких, разве что погибнуть с честью. По-видимому, адмирал решил воплотить в жизнь старый девиз тевтонского ордена: «Победить – значит не сдаться». Однако моряки рыцарями не были и погибать не хотели, тем более теперь, когда начались переговоры о мире.

Перед боем германский флот встал на якорную стоянку возле Вильгельмсхафена. И тут в ночь с 29 на 30 октября часть экипажей двух линкоров – «Тюрингия» и «Гельголанд» – отказались подчиниться приказу. Фактически это был мятеж – тут уж не до наступления. Арестовав под угрозой пушек мятежников (более тысячи человек), командиры вернули корабли в порт приписки Киль. Однако они не учли, что большинство неприсоединившихся матросов тоже не хотели погибать.

1 ноября, отправившись в увольнение на берег, экипажи мятежных линкоров сумели связаться с кильскими профсоюзами, а также с социал-демократами – как обычными, так и «независимыми». 2 ноября состоялся митинг, на котором было принято решение провести на следующий день большую демонстрацию в поддержку заключенных моряков. Полиция разогнала митинг – как видим, начало уже не обещало ничего хорошего.

Ничего хорошего и не произошло. 3 ноября демонстрация моряков и примкнувших к ним рабочих (пока еще мирная) была расстреляна^[8]. В ходе усмирения погибли 9 и были ранены 29 человек. В ответ один из матросов застрелил командира стрелявшей команды, после чего толпа разоружила солдат. Так началось уже собственно восстание. Первым делом восставшие взяли арсенал, и через несколько часов у них было 20 тысяч вооруженных бойцов.

Губернатор балтийских портов адмирал Сушон приказал вызвать в Киль войска. Однако пехотинцам тоже до безумия надоела война, и они выступили на стороне восстания. К вечеру 4 ноября весь город был в руках восставших. Они, по русскому образцу, создали Совет, избрав председателем кочегара Карла Артелята, и выдвинули пакет требований, получивший название

«14 кильских пунктов», во многом напоминавших знаменитый «Приказ № 1» образца 1917 года: освобождение арестованных, человеческое обращение офицеров с нижними чинами, свобода слова и печати, запрет на выход флота в море и пр.

Пример оказался очень кстати: восстание тут же перекинулось на другие города и пошло гулять по стране. 5 ноября Совет появился в Гамбурге, 6-го – в Бремене, затем в Ганновере, Лейпциге, Штутгарте, Мюнхене... 9 ноября восстание добралось до Берлина. Рабочие и солдаты захватили рейхстаг, ратушу, вокзалы. Кайзер Вильгельм отрекся от престола и бежал в Голландию, принц Баденский ушел в отставку, и в Германии была объявлена республика. Начало, как видим, очень напоминает революцию в России, однако продолжение было иным.

По сравнению с обстановкой в Берлине Петроград октября 1917 года мог считаться образцом порядка. При известии об отречении кайзера социал-демократы собрались в здании рейхстага и стали думать, что им делать дальше. Среди их лидеров имелся некий Фридрих Эберт, шорник по профессии. Он сильно не любил революцию, ратовал за конституционную монархию английского типа и видел на престоле одного из сыновей кайзера.

В нескольких кварталах от них, в императорском дворце, заседали спартаковцы, которые собирались провозгласить Германию советской республикой. Когда об этом узнали в здании рейхстага, социал-демократы пришли в ужас. Еще один их лидер, Филипп Шейдеман, высунулся в окно и, обращаясь к собравшейся под окнами немаленькой толпе, объявил республику. На следующий день то же самое сделали и спартаковцы. Но то ли толпа перед рейхстагом была больше, чем перед императорским дворцом, то ли день опоздания сыграл свою роль, однако социалистической революции

в Германии не получилось. К власти пришел так называемый Совет народных уполномоченных. Партий в Германии было много, но в Совете оказались представители только двух социал-демократических партий – СДПГ и «независимых», а во главе государства оказался Эберт. Социал-демократом он был правым, но возглавляемое им правительство все равно было левым, революционным, и, как он примирял этот факт со своими монархическими симпатиями, знал только он один.

Впрочем, едва эсдеки получили власть, всю левизну с них как ветром сдуло. И неудивительно: правительство Эберта оказалось в положении, которому не позавидуешь. С одной стороны, надо было как-то завершать войну, договариваться с противником об условиях мира, который, как все понимали, будет очень тяжелым. С другой – перед глазами неотступно маячил призрак коммунистической революции, тем более что рядом была Советская Россия, откровенно рассматривавшая Германию как плацдарм для будущего мирового пожара. Рабочие требовали национализации заводов, обыватели требовали порядка, военные страдали от поражения и мрачно хмурились из-под касок. И все без исключения хотели есть...

Балансируя между противоборствующими силами, правительство, с одной стороны, отменило осадное положение, объявило свободу слова, собраний, союзов, ввело 8-часовой рабочий день. С другой, предвидя неминуемые последствия дарованных народу свобод, оно начало искать, кто бы навел в стране порядок. Ну а кто может его привести? Уже 11 ноября Эберт обратился за помощью к начальнику Генерального штаба Гинденбургу, исполнявшему в то время обязанности главнокомандующего вместо бежавшего кайзера, и его заместителю Гренеру, фактическому начальнику

генштаба. Они договорились, что офицерский корпус поддержит правительство, если возникнет необходимость пустить в ход войска. А то, что такая необходимость возникнет, видно было невооруженным глазом, потому что активность масс, несмотря на победу революции, и не думала идти на спад.

К концу ноября бастовали рабочие Берлина, Верхней Силезии, Рурской области. Они требовали повышения зарплаты, что все равно от правительства не зависело, и социализации крупной промышленности, что от правительства зависело, но очень не хотелось.

6 декабря, выполняя договоренность с правительством, офицеры предприняли попытку разогнать Берлинский Совет. Социал-демократы, пожалуй что, и проглотили бы произвол, но не спартаковцы! Они тут же подняли рабочих, и из «замирения», кроме большой драки, ничего не вышло. 16 декабря в Берлине открылся съезд Советов. Помня, чем год назад закончилось подобное мероприятие в России, вся страна пребывала в напряжении. «Союз Спартака», само собой, тут же выкинул лозунг «Вся власть Советам», однако приличное социал-демократическое большинство съезда его не поддержало. В итоге было принято решение о выборах в Национальное Учредительное собрание.

После этого спартаковцы решили, что с социалистами им дальше не по пути. 30 декабря они вместе с другими леворадикальными социалистическими группировками создали Коммунистическую партию Германии. Естественно, члены новорожденной партии, вдохновленные русским опытом, горели желанием поучаствовать в чем-нибудь эдаком, революционном, и случай не замедлил представиться. 4 января был уволен полицей-президент Берлина Эйхгорн, «независимый» социал-демократ, популярный среди рабочих. Народу это не понравилось,

и на следующий день товарищи Эйхгорна по партии организовали маленькую такую демонстрацию протеста, всего-то на 150 тысяч человек, которая увенчалась традиционными столкновениями между рабочими и полицией. «Независимые» создали Военно-революционный комитет – и тут к восстанию радостно примкнули коммунисты и, в то время как заварившие всю эту кашу «независимые», действуя по своему плану, начали переговоры с правительством, попытались перехватить руководство и приступить к революции.

Пока прежние и новые руководители восстания разбирались между собой, Эберт оперативно передал власть военному министру Носке. Тот ввел в Берлин войска и к 15 января навел относительный порядок. Под шумок, не затрудняя себя юридическими тонкостями, военные расправились с лидерами коммунистов Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, попросту шлепнув их в какой-то подворотне.

Дальше события развивались по двум параллельным сценариям. С одной стороны, все было прилично демократично: 19 января прошли выборы в Национальное учредительное собрание, Центральный Совет рабочих и солдатских депутатов торжественно передал ему свои полномочия, Учредительное собрание избрало Эберта президентом республики, а новое коалиционное правительство возглавил Шейдеман.

Но у коммунистов-то были свои планы! Не обращая внимания на какие-то там выборы, они еще 10 января подняли на восстание рабочих Бремена. Рабочие отряды выгнали из своей земли войска и провозгласили Бременскую советскую республику. Республика продержалась до 4 февраля, что, в общем-то, совсем неплохо. Едва власти разобрались с Бременом, как в середине февраля началась всеобщая забастовка в Рурской области, перекинувшаяся на Среднюю Германию, Баварию и Вюртемберг. В начале марта

снова поднялся Берлин: рабочие захватывали полицейские участки, начали строить баррикады. В город опять ввели войска и «замирили» восставших. Все вроде бы стало утихать – и тут вдруг советскую республику объявили в Баварии, причем на сей раз сделали это резко полевевшие «независимые». Управление смутой у них тут же перехватили коммунисты и стали «делать революцию»: ввели рабочий контроль, национализировали банки и железные дороги, начали формирование Красной армии. Лишь 1 мая республику удалось ликвидировать, для чего потребовался воинский контингент в 100 тысяч человек.

На этом первая серия германской революции закончилась, если не считать того, что продолжались постоянные забастовки, но по сравнению с тем, что было, да и с тем, что будет, это такие мелочи...

Рихард, естественно, принимал самое горячее участие в событиях. В ноябре он организовал кружок матросов, участвовал в демонстрациях, вместе с Герлахом был избран в Объединенный совет рабочих и матросских советов Киля. Попутно получил еще одно поручение – организовать в городе народный университет.

В январе, когда начались берлинские события, Рихард вместе с товарищами отправился в Берлин на помощь восстанию. Однако было уже поздно, в городе хозяйничали военные. Прибывших арестовали прямо на вокзале. Правда, работали стражи порядка из рук вон плохо – при обыске револьвера у Рихарда не нашли, иначе бы он так легко не отделался. За ношение оружия в то время могли и расстрелять. А так их всего лишь выслали обратно в Киль.

Естественно, бурная деятельность Рихарда на революционном поприще не осталась незамеченной –

имя Зорге давно уже значилось в списках полиции. Тогда он решил, от греха подальше, перебраться в Гамбург, второй по величине город страны, где было сильно влияние социал-демократов. Расстояние между Пруссией и Северной Германией для полиции оказалось непосильным – туда они не дотянулись, а организованность немецкой полиции, равно как и вообще немецкая организованность и пунктуальность, вообще-то говоря, сильно преувеличены, и это еще сыграет в судьбе нашего героя спасительную роль.

Рихард и не думал «ложиться на дно», порывать с революцией. Однако и становиться профессиональным революционером-нелегалом тоже не собирался. Раз уж в бурном течении его жизни наступил штиль, он решил воспользоваться периодом затишья и продолжить образование. Вообще, в этом человеке парадоксальным образом уживались кабинетный ученый и неуправляемый авантюрист, кропотливый исследователь и искатель приключений. В мирной жизни от него было больше толку, поскольку, когда у Зорге доходили руки до научных занятий, он показывал себя серьезным ученым, но мирную жизнь он выносил лишь до поры до времени – и снова в нем просыпался прадедушка-пастор, втравливая правнука в какую-нибудь историю по ту сторону закона. Однако пока на какое-то время страсть к активным действиям была утолена. Начинался «период науки».

В Гамбурге существовал только что, сразу после Ноябрьской революции основанный университет. В то время в Германии можно было получить ученую степень, не имея диплома о высшем образовании, и Рихард, которому надоело сидеть за столом в аудитории, решил заняться самостоятельными исследованиями. Он записался на факультет государства и права в качестве соискателя ученой степени и семь месяцев спустя уже представил ученому

совету свою диссертацию. Называлась она «Имперские тарифы Центрального союза немецких потребительских обществ» и была на самом деле серьезным исследованием работы союзов потребителей – рабочих организаций, предшественников профсоюзов, которые занимались тем, что обеспечивали своих членов качественными и недорогими товарами. Защита прошла с отличием, и Рихард Зорге стал доктором государственно-правовых наук.

Кроме подготовленной в рекордные сроки диссертации, этот невероятно работоспособный человек начал в Гамбурге свою карьеру журналиста, которая позднее станет его основным прикрытием в разведработе – в то время он печатался в газете «Гамбургер фольксцайтунг».

Однако и в этом городе Рихард задержался ненадолго. После защиты диссертации он перебирается в Ахен вслед за профессором Герлахом, который к тому времени начал преподавать на кафедре экономических наук Ахенской высшей технической школы. Зорге становится его ассистентом. Вечера же он по-прежнему проводит в доме Герлахов. Курт Альберт и его молодая двадцатилетняя жена Кристина любят и привечают Рихарда, зовут его давним детским прозвищем – Ика.

«К нему тянулись и женщины, и мужчины, – вспоминала позднее Кристина. – У него был глубокий, пронизывающий взгляд, привлекающий к себе и от которого нигде, казалось, нельзя скрыться. Если женщина попадала в обозримое им поле, она была уже в его плену. В плену легком, туманном, обаятельном...»

Кристина тоже попала в это поле, хотя осознала это несколько позже.

В Ахене Рихард наконец-то нашел себе и партию по вкусу, присоединившись к коммунистам. В компартию он вступил 15 октября 1919 года. Район, где находился Ахен, был еще оккупирован странами-

победительницами, оккупационные власти запрещали как Советы, так и компартию, поэтому легально он оставался членом НСДПГ, которая была хоть и ненамного, но правее и входила в число разрешенных организаций, а главное, не имела такого страшного названия – коммунисты. Но своим партийным билетом социал-демократа он пользовался для работы совсем на другую организацию. И тут опять в его поперечно-полосатой жизни пришло время активных действий.

...Пока власти разбирались с красными, появилась новая угроза, совсем с другой стороны. Военным ведь тоже не нравилось происходящее! Кроме оскорбленной национальной гордости, у них был и мощный интерес: условия подписанного летом 1918 года мирного договора резко ограничивали численность немецкой армии. В начале 1920-го, в соответствии с договором, правительство, во главе которого в то время стоял правый социал-демократ Бауэр, приступило к ее сокращению. Военные, не питавшие ни малейшего уважения к демократии вообще и к социал-демократам в частности, тут же вскинулись на дыбы. Генерал Лютвиц, командующий Берлинским военным округом, предъявил правительству Бауэра ультиматум, потребовав прекратить сокращение армии и распустить Национальное собрание.

Получив отказ, Лютвиц не стал действовать парламентским путем, а повел одну из добровольческих бригад на Берлин. Правительство попыталось было вывести навстречу войска, однако в войсках Лютвица уважали куда больше, чем какого-то там Бауэра, так что военные послали власти очень далеко и остались в казармах. 13 марта 1920 года мятежники беспрепятственно вступили в германскую столицу и тут же объявили о создании нового правительства, во главе

которого встал крупный помещик Капп. В то же время такой же путч произошел и в Мюнхене.

Правительству оставалось лишь бессильно ручками разводить, если бы не рабочие, которые решили, что с военной диктатурой им совершенно не по пути. Уже 13 марта в Берлине началась забастовка, которая, распространяясь по стране, тут же стала всеобщей. Оперативно сформированные отряды Красной гвардии разоружили армейские части и с оружием в руках выступили против путчистов, так что через четыре дня, 17 марта, те бежали из Берлина. В столице и особых боев-то не было.

Однако рабочим показалось обидно так скоро все закончить, ведь как хорошо началось! И все пошло по новой. Всеобщая забастовка в Руре переросла в вооруженное восстание. 19 марта рабочие захватили Эссен, где сформировали теперь уже не Красную гвардию, а Красную армию численностью в 100 тысяч человек – ровно столько, сколько, по условиям перемирия, Германии позволялось иметь солдат в рейхсвере. И снова пришлось вводить войска.

...По правде сказать, это постоянное балансирование правительства между правыми и левыми изрядно всем надоело. В июне 1920 года состоялись выборы в рейхстаг, на которых большинство получили буржуазные партии, а главой правительства стал один из лидеров католической партии «Центра» Ференбах. Однако легче все равно не стало, поскольку дело было отнюдь не в политике. Погибала германская экономика, а политика шла уже прицепным вагоном.

Во время капповского путча Рихард, само собой, не скучал за письменным столом. Он входил в забастовочный комитет и занимался, как фронтовик, организацией отрядов сопротивления. В «благодарность» за это ректор училища, в котором работал Рихард, получив из полиции уведомление о

том, что доктор Зорге принимал участие в организации забастовки, «на всякий случай» уволил его, а вслед за ним и профессора Герлаха. Однако Зорге не стал пока что искать для себя новый университет. Он сделал неожиданный для всех шаг – пошел работать на шахту чернорабочим.

Одиннадцать месяцев Рихард проработал под землей, на рудниках Рура и голландской провинции Лимбург. Для него, интеллигента по воспитанию, да еще и трижды раненного, это было далеко не легко, однако чрезвычайно полезно. Кроме обычного для себя дела – организации коммунистических ячеек – он занялся тем же, чем занимался в свое время его прадед. Земля Рура была изрыта подземными ходами, как сыр дырами. Некоторые из штолен проходили и под германо-голландской границей, и Рихард организовал переправку в Голландию тех немецких коммунистов, которым по разным причинам было опасно оставаться на родине.

В конце концов он все же обратил на себя внимание. Владелец шахты в Лимбурге заинтересовался странным шахтером с ученой степенью и известил полицию, та установила слежку... В общем, вскоре Зорге арестовали и выдворили обратно на немецкую сторону. В Руре оставаться тоже было бессмысленно, он слишком много уже там наследил. Тогда по партийному поручению в марте 1921 года Рихард отправился в землю Северный Рейн – Вестфалия, в Золинген, где снова занялся «бумажной» работой, став политическим редактором коммунистической газеты «Бергише арбайтштимме».

Кроме редакторской работы, он преподавал в партийной школе в промышленном центре Вупперталь, читал лекции в народном университете города Олигс. И если курс «Философские основы общественных наук» был трудно применим на практике, то другие два – «Курс экономики для фабричных советов» и «Что

необходимо знать о законе о фабричных советах» – пользовались популярностью. Неудивительно, что рабочие округа Северный Рейн – Вестфалия избрали его делегатом на Иенский съезд КПГ, проходивший в конце августа 1921 года.

Компартия Германии уже тогда была мощной и организованной, в ней насчитывалось около 300 тысяч человек, и она неукоснительно принимала участие в любой заварушке – от стачки трамвайщиков до вооруженного восстания. Власти реагировали соответственно. Но Зорге пока не трогали, он как раз проходил очередной «кабинетный» период, так что прицепиться к нему было трудно. Он как бы не скрывал своих взглядов – и в то же время не давал полиции возможности применить против него репрессии, хотя сильно мешал власть имущим. Приходилось ждать повода, и Рихард не замедлил его предоставить, дав на сей раз основание обвинить себя в безнравственности.

...Куда бы ни забрасывала Зорге судьба, он продолжал поддерживать связь с Герлахами. Впрочем, его давно уже привлекала в дом наставника не только дружба с хозяином дома. Слишком уж часто они виделись с Кристиной. Муж молодой женщины был неизлечимо болен, а рядом, так близко находился другой мужчина – красивый, смелый и неотразимо притягательный, он всегда был неотразимо притягателен для женщин. Не то чтобы Рихард «уводил» жену друга – нет, он просто не мешал Кристине влюбиться в себя. Позднее она скажет: «Ика никогда ни на чем не настаивал, люди сами тянулись к нему...». «Сама потянулась» и Кристина, да так основательно, что муж все заметил и заговорил о разводе. Молодая женщина, не в силах выбрать, уехала к мачехе в Южную Германию, откуда, хорошо подумав, вернулась не к мужу, а к Рихарду. Они стали жить вместе, дав наконец властям и бюргерской

«общественности» долгожданный повод. После того как Зорге привел в дом чужую жену, против него началась настоящая травля – их даже требовали выселить из города. Из выселения, конечно, ничего не получилось, не те были времена, но все равно из Золингена надо было уезжать. В октябре 1922 года Рихард и Кристина перебираются во Франкфурт-на-Майне.

«Увод» жены, как ни странно, не испортил отношений между мужчинами, впрочем, в революционной среде на подобные вещи смотрели просто. Во Франкфурте Рихард вместе с Герлахом входит в число основателей Общества социологических исследований и получает место преподавателя в институте социологии, относящемся к этому обществу. Директором института должен был стать профессор Герлах, однако не успел, умер в 1923 году. В том же институте получила работу и Кристина, а вскоре институт социологии был присоединен к Франкфуртскому университету, и таким образом статус его работников несколько повысился. Именно во Франкфурте Рихард завел те многочисленные связи в научной среде, которые позднее помогли ему успешно выполнять работу разведчика. Люди, с которыми он тогда работал как социолог, делали свою карьеру, некоторые достигли многого, и, когда у Рихарда возникла потребность в связях для успешной легализации, старые знакомства очень и очень помогли.

Рихард не сказать чтобы совсем, но в достаточной мере был равнодушен к денежной и бытовой сторонам жизни, однако теперь появилась жена, и неплохо было бы обзавестись сносным жильем. Им все удастся, инфляция и жилищный кризис этой пары словно не касаются, по-видимому, платят в институте достаточно хорошо. В парке возле богатого особняка они сняли конюшню с жилым помещением для конюхов и переделали жилую часть в симпатичный домик.

Художник из числа друзей Зорге занялся оформлением комнат, покрасив одну в красный, другую в желтый, а третью – в голубой цвет. Несмотря на нетрадиционное оформление, дом притягивал к себе людей. Сюда во множестве приходили друзья Рихарда по институту и редакции газеты, вечером собирались художники, музыканты, писатели. В общем, было весело – не менее весело, чем в доме Герлаха.

Кристина вспоминает о своем втором муже: «Он любил кошек и собак и играл с ними, как мальчишка. Не будучи особенно разборчивым в еде, он тем не менее с удовольствием готовил. Его меню было не очень обширным, однако, определенно, больше моего... Если блин разваливался, он мрачнел. Его не утешало, даже если я называла бесформенное произведение его кулинарного искусства королевским блюдом...».

Рихард к тому времени успел повысить и свой статус в партии. Он заведует партийной кассой своей организации, отвечает за картотеку членов учета и, кроме того, является связным между Франкфуртом и Берлином. Однако в его жизни все как-то уж слишком мирно. Учитывая логику биографии, это не могло быть надолго...

В конце 1922 года к власти пришло еще одно правительство во главе с экономистом Вильгельмом Куно. Экономика страны находилась на грани катастрофы, и новое правительство отказалось платить репарационные платежи. В ответ французы тут же оккупировали Рур, который давно хотели прибавить к уже захваченному Саару. Начиная с 1921 года они при каждом возникающем осложнении между Германией и союзниками угрожали оккупацией Рура, где было сосредоточено 90 % немецкой добычи угля и 70 % выплавки чугуна, и вот наконец дождались момента. Однако толку от этого не вышло никакого и никому.

Немецкое правительство призвало шахтеров не давать французам угля, так что уголек не получил никто. Более того, нерасчетливая алчность французов аукнулась так, что державы-победительницы притихли всерьез и надолго.

Лишенная топлива, экономика Германии вошла в тяжелейший кризис. По всей стране закрывались заводы, количество безработных выросло до 5 миллионов человек, инфляция приняла невероятные размеры. В августе 1923 года курс золотой марки составлял 1 млн, в сентябре – 23,5 млн, в октябре – 6 млрд, а в ноябре – 522 млрд бумажных марок. Население голодало. Мясо, молоко, жиры для большинства немцев были давно уже недоступны, а теперь не хватало даже хлеба и картофеля. Землевладельцы отказывались продавать продукты, торговцы придерживали товары, еще больше провоцируя инфляцию. По всей стране начались голодные бунты. Рабочие и безработные сбивались в продотряды, которые откровенно грабили деревню, выкапывали на полях картофель и собирали зерно. В сентябре, когда урожай был собран, а энергия недовольства масс по-прежнему требовала выхода, начались забастовки. Как оно обычно бывает в подобных ситуациях, рабочие «полевели» – не зря же Ленин в качестве одного из условий революционной ситуации ставит возросшие нужду и бедствия трудящихся масс. Резко выросло влияние коммунистов.

И тут в действие вступила Советская Россия, которая никогда не упускала из виду обстановку в Германии. Точнее, не совсем Советская Россия, а гнездившаяся в Москве совершенно замечательная организация – Коммунистический интернационал, или сокращенно Коминтерн, сборище профессиональных поджигателей мирового пожара. Сбивались самые смелые мечты марксистских теоретиков – вот она,

долгожданная немецкая революция! Надо лишь немножко помочь, подтолкнуть...

Кого только не было в августе – сентябре 1923 года в здании советского посольства! В Германию отправилась группа эмиссаров ЦК – Пятаков, Рудзутак, Радек, Крестинский – и военных, числе которых были такие знаменитые «красные генералы», как Якир и Уборевич. Наконец, туда послали – и от них, пожалуй, оказалось больше всех толку – группу специалистов по тайным операциям. Это были люди чрезвычайно серьезные. Например, «главный диверсант Разведупра»^[9] Христофор Салнынь, который занимался созданием боевых отрядов компартии Германии и оборудованием тайных складов с оружием. Вольдемар Розе, известный под псевдонимом Скоблевский, стал организатором «немецкой ЧК» и «немецкой Красной армии». Вместе с Артуром Сташевским он разработал план проведения восстаний в промышленных центрах Германии. Семен Фирин, военный агент полпредства СССР, организовал на советские деньги закупку оружия, предназначенного якобы для Красной армии, а на самом деле для восставших.

Советские инструкторы располагались открыто, без всякой конспирации, в здании советского представительства в Берлине. Их группу называли «аппарат на Унтер-дер-Линден» или «группа Алоиза». (Под этим именем был известен в Германии еще один видный деятель Коминтерна и по совместительству советской разведки Стефан Жбиковский). Несмотря на разную ведомственную принадлежность, публика эта была почти сплошь коминтерновская. В то время вообще трудно было понять, кто к какому ведомству принадлежит: военная и политическая разведка имели общих резидентов и всю использовали иностранных

коммунистов, так что опознавательный знак был один: наши – не наши...

Помещение советского посольства больше всего напоминало Смольный в октябрьские дни. Приемные были полны народом, повсюду звучала русская и немецкая речь. В разных комнатах проходили какие-то таинственные совещания, туда-сюда бегали люди с разнообразными пакетами, свертками, гранками... Планы у организаторов восстания были колоссальными. Волей судьбы в сентябрьские дни 1923 года в германское посольство занесло нашего разведчика Бориса Лаго, которого посвятили в предполагаемый расклад дальнейших событий, о чем он позднее написал в мемуарах. «Не позже как через месяц во всей Германии вспыхнет революция. Начнется она одновременно из Гамбурга и Дрездена. Сигналом послужит крупное вооруженное столкновение на улицах Берлина. Потом оно разольется по всей Германии. Есть полное основание думать, что Франция отправит свои войска для подавления революции. При первом же появлении хотя бы одного французского солдата в Германии – будут ли они отправлены по собственному почину Франции или же по приглашению одной из реакционных групп – Красная армия, в частности красная кавалерия, прорвется в Германию. Уже заключено соглашение с Литвой о пропуске советских войск. В случае если Польша заколеблется, она будет раздавлена...». Ну и так далее. Особенно умиляет это «Польша будет раздавлена», ведь совсем недавно Красная армия позорно проиграла польский поход.

В России тоже готовились. Троцкий отменил демобилизацию в РККА. Началась переброска конницы к польской границе. В Петроградский порт стягивали сухогрузы, загружая их продовольствием для германских товарищей, готовили эшелоны. По стране

прошла мобилизация тех, кто свободно владел немецким языком. 4 октября 1923 года Политбюро утвердило дату начала вооруженного выступления: германская революция должна была стартовать 9 ноября.

Однако при проверке готовности оказалось, что все развивается совсем не по Марксу. Во-первых, страны Антанты каким-то образом оказались в курсе секретных планов большевиков (что совсем неудивительно, учитывая, что в том же советском посольстве их выбалтывали первому встречному). Французы на Рейне и поляки на советской границе привели войска в боевую готовность. Впрочем, это едва ли остановило бы деятелей из Коминтерна – их вообще можно было остановить только пулей! – но тут выяснилось, что и в Германии воевать, собственно, некому и нечем. Оружия приобрели гораздо меньше, чем потратили денег, двенадцать готовых к выступлению дивизий, как оказалось, существовали только на бумаге – и прочая... Как водится, в последний момент предали социал-демократы, имевшие большой вес в рабочем движении, по сути, рабочее движение накануне выступления раскололось, и не в пользу коммунистов. Узнав обо всем этом, советские руководители отменили восстание.

Однако входивший в ультралевую фракцию КПГ Эрнст Тельман не согласился с этим решением и поднял собственную революцию в Гамбурге. Коммунистов там было 18 тысяч, плюс сочувствующие, плюс просто недовольные...

22 октября забастовали рабочие верфей, к ним присоединились портовики, рабочие пакгаузов и угольных складов, начались массовые демонстрации безработных, погромы хлебных лавок, столкновения с полицией. Боевые отряды взяли штурмом 17 полицейских участков, убивая этим сразу двух зайцев: дезорганизовав работу полиции и захватив оружие. В

предместьях города появились баррикады. Однако изолированное восстание было изначально обречено на провал – и его быстро подавили.

Весь этот базар получил название «Германского Красного Октября».

Впрочем, еще раньше «красного октября» едва не наступил «черный». Поскольку стотысячная германская армия – рейхсвер – не способна была справиться с маломальски серьезными беспорядками, командование военных округов получило деньги для найма штатских лиц, которые должны были составить «добровольческие формирования» для поддержания порядка. Эти формирования создавались из бывших фронтовиков и получили красноречивое название «черный рейхсвер». Войска «черного рейхсвера» дислоцировались на польской границе и насчитывали около 20 тысяч человек. А сколько их было на самом деле – непонятно, поскольку у этой организации очень быстро проявились типичные черты тайного общества. Она, например, возродила практику тайных судов. Версальский договор имел своих достаточно многочисленных сторонников на территории Германии – либералов, которые, в полном соответствии с предательской сущностью этой публики, работали на врага. Они внимательно следили за армией, выявляя нарушения условий мира, и либо сообщали о них контрольной комиссии союзников, либо публично выступали на митингах и в печати. Этим-то людям и выносили смертные приговоры тайные суды «черного рейхсвера».

И вот осенью 1923 года, видя, что творится в стране, деятели черного рейхсвера решили поучаствовать в событиях. В их планах было взятие Берлина и свержение ненавистного республиканского правительства, а пока что в ночь на 30 сентября войска «черного рейхсвера» захватили три форта восточнее Берлина. Они явно рассчитывали на поддержку армии,

однако командующий рейхсвером Ганс фон Сект решил иначе. Когда президент Эберт попытался выяснить, какую позицию во всеобщем хаосе этой осени занимает армия, командующий ответил предельно откровенно: «Армия поддерживает меня». Сект не поддержал заговорщиков, силы регулярной армии окружили форты, и после двухдневного сопротивления те сдались.

Впрочем, октябрь пытались сделать и «коричневым». 9 ноября (по иронии судьбы в день, назначенный Коминтерном для начала немецкой революции) свой переворот попытались произвести и нацисты. Поскольку начался он в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер» (между прочим, там на политическое мероприятие собралось 3000 человек – такие в Германии пивные), то его называли «пивным путчем». Результаты выступления были те же, что у красных и черных. Только быстрее – «пивной путч» подавили в тот же день.

Германские власти воспользовались «красным октябрем», чтобы запретить компартию, «черным» – чтобы распустить «черный рейхсвер», и «коричневым» – чтобы переарестовать самых видных деятелей НСДАП. Было ликвидировано право на забастовки, а хозяева тут же воспользовались случаем, чтобы отменить восьмичасовой рабочий день, завоеванный Ноябрьской революцией.

Рихард в этой обстановке чувствовал себя как рыба в воде. Во время событий он выполнял функции курьера КПГ, держа связь между Берлином и Франкфуртом, Гамбургом и прочими охваченными волнениями областями.

После поражения восстания, когда руководителям КПГ пришлось перейти на нелегальное положение, Рихард продолжал работать курьером, обеспечивая связь ЦК с Северо-Западом. В этом качестве он носил

кличку «Тедди», в Гамбурге звался «Робертом». Его квартира была явкой и для других курьеров КПГ. Такая двойная жизнь – ученого-исследователя и подпольщика – его более чем устраивала, примиряя обе стороны этой противоречивой натуры.

Едва ли репрессии послужили бы к успокоению бунтующих масс, но тут уже правительства страны-победительниц поняли, что перегнули палку, уничтожая побежденного. Едва ли они жалели немецкий народ, но перспектива получить в дополнение к красной России еще и красную Германию – неуправляемый, непредсказуемый и непобедимый союз, да еще взявший на вооружение стратегию «революционной войны» – заставила бы содрогнуться кого угодно. Поняв, что может произойти, страны-победительницы начали вытягивать Германию из кризиса. В августе 1924 года на Лондонской конференции был принят новый репарационный план, Францию все-таки заставили очистить Рурскую область, был определен щадящий порядок выплаты репараций. Экономическое положение стало понемногу улучшаться, и активность масс пошла на спад. Уже в феврале 1924 года было отменено военное положение, однако чрезвычайное положение сохранялось еще достаточно долго. Компартия вроде бы вновь получила легальный статус, официального запрета на ее деятельность не накладывалось, однако нечего было и думать работать открыто: полиция всегда найдет, к чему придраться.

И вот в этой-то обстановке в начале апреля 1924 года было решено провести IX съезд КПГ, и не где-нибудь, а во Франкфурте – ну как нарочно поближе к Зорге... Съезд проводился, естественно, нелегально. В то время в городе проходила крупная выставка, было много приезжих, и организаторы рассчитывали –

кстати, совершенно справедливо, – что делегаты потеряются в этой толпе.

Доктор Зорге был не только делегатом – у него имелось еще и «спецпоручение», которое круто изменило его дальнейшую жизнь. Он отвечал за безопасность советской делегации – это были в основном деятели Коминтерна, и среди них Соломон Лозовский, Отто Куусинен, Дмитрий Мануильский и Осип Пятницкий. Гостей из Москвы надо было расселить, обеспечить возможность работы, конспирацию, маскировку – все, вплоть до одежды, ибо советские люди своим костюмом и манерами резко отличались от европейцев. В конце концов Зорге привез их к себе. Соседи привыкли, что в домике над конюшней все время горит свет, ходят самые разные люди, и давно уже ни на кого и ни на что не обращали внимания. Сам Зорге, выходя по вечерам погулять с овчаркой, проверял окрестности на предмет наличия шпиков – все было спокойно.

За эти дни Рихард успел сдружиться с советскими товарищами. Толковый, смелый и обаятельный немец им понравился, и те предложили ему поехать в Москву, работать в Коминтерне. Соблазн был велик. Это совсем другой уровень работы, да и побывать в Советской России...

Как Зорге пришел в разведку

Коммунистический интернационал, или Коминтерн, до сих пор является одной из наименее изученных организаций XX века. Формально это был союз коммунистических партий разных стран, а фактически... фактически надо вспомнить, что такое была коммунистическая партия в те времена, когда она еще не обюрократилась и не обуржуазилась, идеи коммунизма были внове, а за членство в компартии могли при определенных обстоятельствах и к стенке поставить. До того как Сталин сумел взнуздать Коминтерн и поставить его на службу Советскому Союзу, это была боевая организация профессиональных поджигателей «мирового пожара», откровенно занимавшаяся экспортом революции. При определенных условиях она не брезговала не только организацией вооруженных восстаний, но и терроризмом. Управы на коминтерновцев, в общем-то, не было, поскольку ВКП(б) была всего лишь одной из входящих в союз компартий, «первой среди равных». Коминтерн регулярно втравливал СССР в крупные международные неприятности вроде «германского красного октября». Неудивительно, что большинство деятелей этой замечательной конторы не пережили 1937 год.

Но пока что на дворе стоял 1924-й, и казалось, что стоит чуть-чуть поднажать – и вот она, «земшарная республика Советов».

...После полугода проволочек вопрос был улажен. Рихард спросил Кристину, поедет ли она с ним в СССР, и та сразу согласилась.хлопот было много. Надо сдать квартиру, получить паспорта, подготовиться к

путешествию... Но вот все позади, и в декабре 1924 года Рихард и Кристина прибыли в Москву.

Они ехали сюда жить. Рихард принял советское гражданство, в марте 1925 года вступил в ВКП(б) – еще в Германии Мануильский обещал дать ему рекомендацию. Кристина, которая была тоже, как и Рихард, доктором социологии, стала работать в Институте марксизма-ленинизма, где готовилось издание собрания сочинений Маркса. Ей поручили переводить с английского рукописи «основателя» – естественно, не с оригинала, а с фотокопии. Рихард знал русский язык с детства, что же касается Кристины, то она честно пыталась его освоить, начав заниматься с учительницей. Однако все получилось наоборот: не Кристина выучила русский, а учительница – немецкий.

Жили они в маленьком гостиничном номере, Рихард никогда особо не интересовался благами жизни. Так же, как и в Германии, по вечерам приходило множество гостей, приносили с собой выпить и закусить, хозяева поили их чаем. Вроде бы все так – и все не так... Другая страна, другие нравы, другой быт. Рихард освоился легче, он занимался своей работой и своей наукой и был менее чувствителен к прозе жизни, а вот его жене приходилось трудно.

Зорге работал как журналист и социолог, служил в аппарате Коминтерна, в отделе прессы, публиковался в журналах «Коммунистический Интернационал», «Красный Интернационал профсоюзов», в теоретическом журнале «Большевик», в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика» – в основном по проблемам рабочего и революционного движения в Германии и США. Развернул в прессе крупную кампанию против плана Дауэса, председателя союзнической комиссии по репарациям. Работы было много, и работы интересной, быт его не интересовал, общался он с

самыми разными людьми – в общем, не скучал нисколько.

Это был человек-фейерверк, ничто мимо него не проходило. Как-то раз зашли они с Кристиной в немецкий клуб. Скучища смертная, ходят редкие читатели в библиотеку, чуть теплится какая-то самодеятельность – вот и вся работа. Рихарду это не понравилось, и он принялся за дело. Предложил себя в члены руководства клуба, и вскоре жизнь закипела: встречи, дискуссии, самодеятельность оживилась, пионерский отряд для немецких детей организовали. Просто так, в порядке общественной работы, не более того...

А вот Кристина в России не прижилась. Ей не понравилось в Москве, жизнь была чуждой, работа не вдохновляла, трудности быта отпугивали, а любовь, которая могла бы дать силы все преодолеть, по-видимому, потихоньку сходила на нет. Между супругами появилась трещина, которая все время росла. Летний отпуск 1926 года они уже проводили порознь: Кристина в Сочи, Рихард – в Баку. Он давно собирался туда съездить – там все-таки была его родина, в этом городе жили его двоюродные сестры. Он повстречался с родственниками, затем поехал в поселок Сабунчи, нашел дом, где родился: там теперь был санаторий. Все это он описал в письмах матери и братьям с сестрами. Жену Рихард с собой не взял и даже не рассказал ей, где был – лишь вскользь упомянул, что ездил в Баку, и все на этом...

В конце 1926 года Кристина снова получила свой германский паспорт и отправилась в Берлин, считалось, что ненадолго, но оба они знали, что расстанутся насовсем. Рихард не удерживал жену точно так же, как и не уговаривал ее выйти за него замуж. Она все должна была решить сама. Впрочем, и с фрау Кристиной после всего он тоже сохранил превосходные

отношения, они даже переписывались, хотя и редко. Но встретились лишь один раз, в 1932 году, и то потому, что надо было оформить официальный развод. Кристина навсегда сохранила по отношению к бывшему мужу самые лучшие чувства, равно как и многие другие женщины в судьбе этого человека.

В 1927 году Рихарду дали новое поручение. Все тот же член Исполкома Коминтерна Дмитрий Мануильский, который в свое время приглашал Зорге в Москву, рекомендовал его в Отдел международных связей Коминтерна. Рихард стал инструктором – одним из тех, кто курировал работу компартий. Его назначили в отдел скандинавских стран.

Датчанин Кай Мольтке, впоследствии член парламента Дании, а тогда входивший в руководство компартии, вспоминая встречи с Зорге, не переставал восхищаться его глубокими знаниями, умением вникнуть в любую проблему, а также организаторским талантом. Рихард наладил у них печатание прокламаций, постоянно встречался с рабочими, стремился установить контакты с другими партиями, чтобы вывести компартию из изоляции...

За два года он объездил почти весь север Европы: побывал в Дании, Швеции, Норвегии, Великобритании. В то же время он, уже как ученый, изучал взаимоотношения компартий с социал-демократами, работу в профсоюзах. Превосходный теоретик и сильный организатор, владевший, кроме немецкого и русского, английским и французским языками и немного скандинавскими, он был очень популярен. На VI конгрессе Коминтерна он присутствовал уже в качестве эксперта по Северной Европе.

Был ли Рихард счастлив в своей новой жизни? Вроде бы он имел все, о чем только мог мечтать. Он работал и как ученый, и как журналист, ездил по миру, занимался

организаторской работой в компартиях. Но все это были слишком мирные дела. Что-то давненько не было в его жизни «авантюрной полосы». Неужели этот человек, который радостно кидался навстречу любой возможности «повоевать», обречен навсегда остаться ученым-политологом и партийным функционером? С ума сойти!

Но логика биографии не подвела. В один прекрасный день, в 1928 году, Рихарда пригласил к себе начальник разведывательного управления Красной армии Ян Берзин, с которым они не так давно познакомились в немецком клубе. Легендарный начальник Разведупра долго присматривался к Зорге, читал его работы, знакомился, хотя и заочно, с его характером и образом жизни. Берзин задал лишь один вопрос, напрочь перечеркивавший всю прежнюю жизнь, партийную и научную карьеру – все. Этот вопрос был: не согласится ли Рихард Зорге служить в разведке? И тот, не раздумывая, без лишних сомнений протянул Берзину руку и сказал: «Я готов!».

...Такова официальная, апологетическая биография Рихарда Зорге, составленная по заказу коммунистических идеологов СССР и ГДР. Знаменитый разведчик просто обязан был быть пламенным коммунистом, партийным борцом и дистиллированным человеком без недостатков, его должны были специально отобрать для работы в разведке, которая в глазах обывателей обеих стран – почетнейшая из почетных, это высокая честь и т. д.

Сам Рихард так освещает этот судьбоносный момент своей биографии:

«По возвращении из Англии, обсуждая с Пятницким будущую работу в Коминтерне, я сказал ему, что имею желание расширить сферу моей деятельности, но реально это вряд ли возможно, пока я остаюсь в

Коминтерне. Пятницкий рассказал об этом Берзину. По мнению Берзина, это могло быть прекрасно реализовано через Четвертое управление. Через несколько дней после этого Берзин пригласил меня, и мы детально обсудили все проблемы разведывательной деятельности в Азии. К тому же я давно, еще в Германии, лично знал многих сотрудников Четвертого управления. Они навещали меня в Рейнланде и Франкфурте. Обсуждая политические, экономические и военные проблемы, они стремились привлечь меня к работе на свое управление. Иными словами, Берзин знал обо мне не только через Пятницкого и мою деятельность в Коминтерне, но и по донесениям двух-трех своих сотрудников в период моей работы в Германии...»

Но так ли все было на самом деле?

В первую очередь кажется странным само назначение. Да, советская разведка сплошь и рядом вербовала своих работников – и лучших работников! – из иностранных коммунистов. Но ведь Зорге был не просто немецким коммунистом, а достаточно крупным функционером Коминтерна, если судить по тому, какой работой он занимался в той же компартии Дании. И вдруг разведка так легко делает ему предложение отправиться агентом в другую страну, и он так легко это предложение принимает... И то, и другое весьма и весьма странно.

Между советской разведкой – как военной, так и политической – и Коминтерном в то время существовали довольно специфичные отношения. С одной стороны, для разведки с ее отчаянным кадровым голодом братские компартии и их центральный орган, Коммунистический Интернационал, были постоянной кузницей кадров. А с другой стороны, разведчикам за

взаимодействие с заграничными товарищами все время попадало по шапке от вышестоящих органов, вплоть до самого Политбюро.

Сначала, на заре существования советской военной разведки, когда еще сильны были ожидания мировой революции, которая вот-вот грядет, предполагалась самая тесная связь между ней и братскими компартиями. Еще до окончания Гражданской войны, в апреле 1920 года, была принята инструкция о взаимоотношениях Региструпра РСФСР^[10] и Зарубежных бюро РКП(б), которые тогда ведали связями с иностранными компартиями. В число задач, которые ставились перед Зарубежными бюро, входило выполнение заданий Региструпра по разведке, помощь в вербовке людей для зарубежной работы, доставка разведывательных сводок в Центр. Фактически Зарубежные бюро должны были играть роль подразделений аппарата разведки. Однако уж очень разные функции были у этих двух органов. Разведка занималась известно чем, а пламенные бойцы мировой революции из Коммунистического Интернационала отдавали себя делу продвижения революции на Запад с перспективой раздуть мировой пожар, и эти две задачи трудно уживались друг с другом. Зарубежные бюро оказались в положении слуги двух господ с совершенно разными интересами, и меньше чем через год, в августе 1921 года, совещание представителей Разведупра, ВЧК и Коминтерна резко ограничило это необъятное сотрудничество. В принятом на этом совещании «Положении» об отделениях Коминтерна за границей и представителях Разведупра и ВЧК, в частности, говорилось:

«1. Представитель Коминтерна не может в одно и то же время быть и уполномоченным ВЧК, и Разведупра. Наоборот, представители Разведупра и ВЧК не могут

выполнять функции представителя Коминтерна в целом и его отделов.

2. Представители Разведупра и ВЧК ни в коем случае не имеют права финансировать за границей партии или группы. Это право принадлежит исключительно Исполкому Коминтерна.

Представители ВЧК и Разведупра не могут обращаться к заграничным партиям и группам с предложением об их сотрудничестве для Разведупра и ВЧК.

3. Разведупр и ВЧК могут обращаться за помощью к компартиям только через представителя Коминтерна.

4. Представитель Коминтерна обязан оказывать ВЧК и Разведупру и его представителям всяческое содействие».

Пока что это был только раздел сфер влияния ведомств, но он уже налагал некоторое ограничение на связи разведки и иностранных коммунистов. Впрочем, этот договор изначально не выполнялся: запреты запретами, а работать-то надо! Действовать с опорой на компартии было самым легким путем для разведчиков, так что, несмотря на все инструкции и указания, резиденты постоянно на него сворачивали. А дисциплина в советских спецслужбах была как и по всей стране. То есть каждый работник признавал ее лишь постольку, поскольку ему самому этого хотелось.

«Положение» стало лишь первым в длинном ряду ему подобных бумаг, каждая из которых все больше и больше ограничивала использование членов иностранных компартий для разведработы, а затем его и вовсе запретили.

У этого запрета было несколько причин, и ведомственная ревность – последняя из них. Коммунистический Интернационал честно и откровенно занимался экспортом революции, в том числе и такими

методами, как террор, организация восстаний, партизанская война. Рядовые бойцы Коминтерна с превеликой охотой готовы были служить Советскому государству на любом месте, куда их поставят, в том числе и на поприще разведки. Но у них было весьма специфичное представление о дисциплине и конспирации – это раз. Они были, как правило, известны полиции, и за ними устанавливали слежку – это два. Использование иностранных коммунистов вело к многочисленным провалам, чреватым крупными «шпионскими» скандалами, международное же положение СССР было и без того сложным, и лишний раз обострять отношения с правительствами и общественностью других стран было вовсе ни к чему. Отсюда шли запреты, с каждым новым годом и каждым новым провалом становившиеся все строже и строже.

Однако практика разведработы вносила свои коррективы. Советские разведывательные ведомства буквально задыхались от нехватки кадров, способных работать за границей, особенно нелегально. Так что в первой половине 20-х годов все равно сплошь и рядом работники спецслужб молодой Советской Республики являлись одновременно и бойцами Коминтерна. Затем эту практику стали ограничивать. В случае если без человека было не обойтись, его обязывали выйти из партии и перейти на работу в разведку – нетрудно догадаться, что и зарубежные компартии были не в восторге от того, что у них уводили лучших людей. Так что грозные решения по-прежнему не выполнялись. Каждый отдельный резидент персонально пасовал перед непреодолимыми трудностями самостоятельной работы и нарушал запрет, и из этих персональных нарушений вырастала повсеместная практика. Пользы же от выхода агентов из партии было немного, поскольку полиция неотступно следила как за действующими коммунистами, так и за бывшими. Кроме

того, отсутствие связей с советской разведкой ни в коей мере не избавляло зарубежных коммунистов от обвинений в работе на иностранное государство, а СССР – от обвинений в шпионаже с их помощью.

Подобное положение стало одним из достаточно убедительных аргументов в пользу того, чтобы все-таки привлекать коммунистов к разведработе, хотя и не в таких масштабах, как в начале 20-х годов. И, несмотря ни на какие запреты, все равно в 20-х, 30-х, 40-х годах практически вся советская разведывательная сеть в Европе и Америке опиралась на невидимую стальную сеть Коминтерна. И оттуда же вышли ее лучшие разведчики, звезды этого времени, названного «эпохой великих нелегалов», такие как Шандор Радо, Генри Робинсон, Ян Черняк и многие другие, а также огромное количество низовых работников. И Рихард Зорге вроде бы из того же коминтерновского ряда.

Однако это лишь на первый взгляд. Дело в том, что одни из разведчиков-коминтерновцев некоторое время жили в СССР, как Леопольд Треппер или Шандор Радо, занимаясь здесь какими-то своими делами, другие приезжали учиться, как Иоганн Венцель, третьи никогда в Союзе не бывали. У себя на родине они либо находились на нелегальном положении, либо выходили из рядов компартий, маскируясь под добропорядочных обывателей. Да, они имели отношение к Коминтерну, но среди них не было функционеров центрального аппарата. Инструктор Коминтерна, который разъезжает по Европе, решая разнообразные вопросы подведомственных компартий – это далеко не маленький человек, и привлекать такого на работу в качестве простого агента, даже если это очень надо (насчет «очень надо» – несколько позже) и его направляют в очень сложный регион – явный мезальянс для привлекаемого. Это – во-первых.

Во-вторых, надо учитывать и реакцию коминтерновского руководства, которому никак не могло понравиться, что ценного работника уводит ведомство, с которым и без того идет постоянный спор за кадры. И в-третьих, такие люди, несмотря на конспирацию, все равно маячили на виду у полиции, так что Зорге был засвечен не только в своей бурной молодости, но и в конце 20-х годов в качестве деятеля Коммунистического Интернационала. И посылать его в страну, где принадлежность к компартии каралась смертью, было непростительной авантюрой. Тем более трудно представить, что эта идея принадлежит Яну Берзину – человеку, который любил и лелеял своих нелегалов, выращивал их, как цветы, и, сам в молодости приговоренный к смерти, придавал огромное значение безопасности и конспирации.

И во имя чего? Добро бы министр внутренних дел Китая был женат на сестре Зорге или у него там были какие-то другие совершенно исключительные возможности. Но ведь его посылали в Китай с журналистским удостоверением, можно сказать просто «на авось», он должен был начать работу с чистого листа. Да, он умен и обаятелен, да, хорошо разбирается в политике, но нет ни малейшей гарантии, что у него вообще что-то получится. Так что мало того, что риск был велик, он еще и не был оправдан, и трудно представить, чтобы Берзин ради такого сомнительного результата взял на себя подобную ответственность. Нет, в высшей степени странное предложение сделал Ян Карлович Берзин Рихарду Зорге. И, размышляя над этим странным обстоятельством, мы находим здесь ниточку, ведущую к альтернативной биографии разведчика.

А вот если «перевернуть» ситуацию, то все объясняется. Давайте представим, что эта идея – стать разведчиком и отправиться в Китай – пришла в голову

не Берзину, а Зорге. А что тут неожиданного? Он вполне мог так поступить. Такой беспокойный человек, как Рихард, вечно искавший на свою голову приключений, за пять лет в СССР должен был озвереть от этой мирной безопасной жизни. Работа инструктором в спокойной и благополучной Европе ни в коей мере не давала ему то «упоение в бою», которое он так любил. И тогда он, прекрасно разбираясь в мировой политике, сам придумал для себя эту роль – разведчика-журналиста. Да, это риск. Но, с другой стороны, ведь не Берзин посылал его на этот риск. Доброволец – это совсем другое дело. Если человек сам готов поставить на карту жизнь, предлагает приемлемый вариант и есть шансы, что у него получится, то почему бы и нет? Не мальчик, в тридцать четыре года можно и самому отвечать за свою жизнь и свою смерть.

Неожиданное подтверждение нашлось среди недавно опубликованных документов.

9 сентября 1929 года резидент в Германии К. Басов (Ян Аболтынь) сообщает в Центр:

«Телеграфировал относительно предложения Зорге. Он действительно очень серьезно намерен перейти на работу к нам. С теперешним его хозяином (ну и лексика, однако! – Е. П.) у него очень неопределенное положение, и уже почти целый месяц, как он не получал никаких указаний относительно своего будущего. Сидит также без денег... Если его положение решится в пользу нас, т. е. теперешний хозяин не будет держать его, то он лучше всего подойдет для Китая. Туда он может уехать, получив от некоторых здешних издательств поручения по научной работе...»

Из этого письма видно, что на самом деле так и было – Зорге сам обратился с предложением работать на разведку, и не к самому Берзину, а к Басову, советскому резиденту в Берлине, с которым, по-

видимому, его свел кто-то из немецких товарищей. Похоже, что и предложение использовать Зорге именно в Китае также исходит от него самого: кому еще знать, какие поручения может получить доктор социологии по научной работе?

Из Центра ответили:

«Зорге, по сообщению его хозяина, должен приехать в ближайшее время сюда. По приезде пускай зайдет к нам, мы лично с ним переговорим...»

Как видим, от легенды о вызове к Берзину и предложении Яна Карловича работать на разведку не остается и следа. То есть вызов-то был, в это здание просто так люди не попадали, но предыстория у вызова оказалась совсем другая.

Басов снова пишет в Центр:

«Зорге получил телеграмму, в которой разрешают ему поехать в Москву для переговоров. Причем обратно он должен вернуться за свой счет. Как видно, хотят уволить его. Он зайдет к вам и поставит вопрос о переходе на работу к нам. Я наводил справки – чем вызвано такое поведение в Коминтерне по отношению к нему. Получил некоторые намеки, что он замешан в правую оппозицию. Но все-таки знающие его товарищи отзываються о нем очень хорошо. Если вы возьмете его, то самое целесообразное будет послать в Китай...» [\[11\]](#)

Как видим, к 1929 году у Зорге сложились весьма и весьма непростые отношения с «хозяином», то есть с Коминтерном, так что ему все равно пришлось бы с этого места работы уйти. Оттого-то он и сделал Басову предложение работать на его ведомство. Но почему? Что случилось? Конечно, для данной организации левый

уклон был куда характернее, чем правый, но к тому времени оппозиция вообще объединилась.

Нет, явно не все так просто...

Итак, что конкретно мы знаем о работе Зорге в Коминтерне? Весной 1924 года, занимаясь организацией партийного съезда, он познакомился с товарищами из Москвы, которые вскоре пригласили его на работу в центральный аппарат. Было это в августе 1924 года.

В октябре он пишет:

«Уже в середине августа меня спрашивали, готов ли я работать в Москве? И, хотя я сразу ответил, что смогу быть в Москве в начале октября, с тех пор я ничего не слышал от Москвы. Разумеется, сейчас я волнуюсь о том, что, возможно, что-то не в порядке, может быть, существуют какие-то возражения против меня как личности либо ответ просто потерялся. Короче говоря, я каждый день жду сообщения об этом, так как скоро я получу паспорт, есть и другие причины, беспокоящие меня. Например, относительно работы, так как уже полтора года я не являюсь партийным работником... Конечно, это не самое страшное, но все же это усиливает неясности в отношении меня... Исходя из этого, прошу вас еще раз, так как никакие попытки получить ответ из немецкого центра не возымели действия, приложить все усилия, чтобы я получил ответ относительно моего переезда в Москву и чтобы все решилось для меня в хорошую сторону...» [\[12\]](#)

А вот это уже на самом деле интересно! Как это так: «уже полтора года не являюсь партийным работником»? Полтора года – это примерно с весны 1923 года. До этого он явно занимается партийной

работой, поскольку отвечает за кассу и за картотеку, и вдруг становится просто связным – весьма существенное понижение. Здесь мы явно встречаем отголосок какой-то неприятной истории. И теперь совершенно неудивительно, что, познакомившись с советскими деятелями из Коминтерна, он предпринял шаги, чтобы перебраться на работу в Москву, и потом напоминал о себе снова и снова: он сам явно хотел уехать из Германии.

И еще любопытный момент проскользнул в одном из писем того времени. Зорге пишет:

«Особенно хочу вам подчеркнуть, что моя жена – член партии, причем одна из немногих, входивших в группу “Спартак”».

При этом сам Зорге, как мы помним, спартаковцем не был. Ай да Кристина, ай да «двадцатилетняя жена профессора социологии»!

Дальше тоже с женой какие-то непонятки. 1 декабря 1924 года Зорге пишет своему начальству в отдел информации:

«Поскольку не знаю, будет ли кто-нибудь встречать меня в Москве, сообщаю вам, если к этому имеет какое-то отношение Отдел информации, что прибываю вместе со своей женой. Мы приезжаем вместе по приглашению Института Маркса и Энгельса, где она будет работать библиотекарем».

Как хотите, но это не похоже на приглашение, а скорее на то, что Зорге и здесь проявил инициативу, решив после неприятностей на работе в партийном аппарате КПГ «переменить судьбу».

И вот 7 октября состоялось решение о том, чтобы принять Зорге на работу в информационный отдел

Коминтерна в качестве специалиста по экономике и политике. Закончив работу, связанную с выборами, 15 декабря он прибывает в Москву. А уже в конце июня просит перевести его из отдела информации в отдел агитации и пропаганды и в апреле 1926 года становится заместителем начальника этого отдела.

Однако и эта работа вскоре становится Зорге скучна. И вот в 1927 году его друг и покровитель, член Исполкома Коминтерна Дмитрий Мануильский, рекомендует его в отдел Международных связей в качестве инструктора. По-видимому, к тому времени Рихарду окончательно прискучила эта мирная спокойная жизнь, потому что уже в апреле по поводу его персоны из Москвы в Скандинавию некоему Освальду пишут:

«Ему не сидится и не работается у нас. Он хочет скорее выехать, а мы затрудняемся его послать на самостоятельную работу, ибо опыта практической работы у него почти нет... Выясните следующее: будут ли они возражать, если он поедет в ваше распоряжение и будет работать под вашим руководством...» [\[13\]](#)

У Зорге нет опыта практической работы? А это как понимать?!

И вот Рихард в Стокгольме, вырывается на оперативный простор. Освальда он здесь не находит, об его приезде никто не информирован. На все про все у него 14 дней. Он тут же начинает работу, самостоятельно определив ее объем.

«Я буду здесь работать над следующими вопросами, – пишет он в Москву, – разделение труда в аппарате ЦК; работа отделов: отдел профсоюзов, агитации и пропаганды... вопрос о руководстве вообще, районы, области, коммуны, работа нескольких

функционеров в Стокгольме, подготовка к конференции профсоюзов в конце января, работа в самых важных цехах заводов в Стокгольме и вопрос заводских газет»^[14].

Ну прямо генсек, ни больше ни меньше – и всё за две недели! Планы у него грандиозные, вопрос только в том, имеет ли он соответствующие полномочия? Однако ни о какой «работе под руководством» речи уже нет. В мае он уже оказывается в Норвегии. Несколько ошарашенные такой энергией, московские товарищи весной 1928 года пытаются поймать его там и вернуть в Копенгаген. Но он почему-то оказывается в Великобритании, потом в Берлине. К этому добавляются еще и денежные взаимоотношения с руководством.

«После того как я узнал, что у вас некоторые удивляются, что я в течение шести недель уже потратил двести долларов, а некоторые удивляются еще больше тому, что я к настоящему времени потратил почти пятьсот, я всем им рекомендую хорошенько посмотреть отчет. Вы можете убедиться, что я указал там лишь деньги, потраченные на билеты и зарплату, а не для телеграмм и прочих нужд, средства на которые, по правилам, я мог бы указать в отчете. Далее, должен сказать, что одно путешествие от Москвы до Осло через Берлин, как и путешествие от Осло до Берлина и обратно... к сожалению, оба путешествия стоили свыше ста долларов. (Жалованье было около 140 долларов. А остальные деньги куда ушли? На телеграммы? – Е. П.). Если в итоге кто-то имеет что-то против моей поездки из Москвы в Осло, то этим людям следовало бы подумать об этом заранее...»^[15]

Насчет того, кто и что имеет против его поездок, то тут есть еще один любопытный документ: В декабре 1928 года некто Б. Васильев пишет:

«Ни мне, ни т. Сирола (уполномоченный Секретариата ИККИ. – Е. П.) неизвестны и поэтому непонятны планы путешествий т. З. В свое время было условлено, что он должен работать в Норвегии, можно согласиться, чтобы он время от времени наезжал в Данию и, может, даже Швецию, но на ближайшие месяцы такие поездки, по-моему, не нужны... Т. Зорге, по-моему, должен ехать в Норвегию и там остаться, как было условлено.

Что касается предложения о его поездке в Англию, я высказываюсь против. Он слишком слаб для Англии и не сможет удержаться, чтобы не вмешиваться в политические дела. Для Англии это совершенно неприемлемо»^[16].

Тем не менее в Англию он поехал, «ввязался в политические дела» и даже вроде бы был арестован.

Нетрудно догадаться, что работник с подобным уровнем самомнения, дисциплины, да еще вдобавок склонный постоянно вступать в пререкания, очень скоро «достал» руководство ОМС. Его пытаются отозвать в Москву, отправив работать в экономическую комиссию, а затем секретарем Мануильского, но он все равно каким-то образом оказывается в Берлине.

Однако, предчувствуя свою судьбу, Рихард уже ищет для себя новое место работы, ибо ему светит откомандирование в распоряжение ЦК ВКП(б) и ЦК КПГ, которое ничего хорошего не обещает – запрут в какой-нибудь институт бумаги писать или снова курьером... И вот тут очень кстати оказывается знакомство с Басовым, с которым, по некоторым данным, Зорге свела

Кристина. К тому моменту, когда его «вычищают» из Коминтерна, уже готово альтернативное место работы, и он переходит в Разведуправление.

Берзину Рихард вполне подходит: Ян Карлович, бывший литовский боевик, член отряда «лесных братьев», еще и не таких бойцов видел и умел находить с ними общий язык.

Впрочем, те качества, которые пугали коминтерновцев, вполнегодились в разведке, при одном условии: что бы ни случилось, в чьи бы руки разведчик ни попадал, он не должен признаваться, что работает на СССР. Таково было в те годы непреложное правило советской разведки.

Итак, в Центре решили, что Зорге им подходит. Дальше, по официальной версии, последовала кропотливая подготовка разведчика к будущей работе. Но в реальности для этой подготовки просто не было физического времени. В октябре решается вопрос о работе Зорге в Разведупре, а в январе 1930 года он уже сходит с корабля в шанхайской гавани. Притом что за это время он должен был самостоятельно подготовиться к легализации в Китае – советская разведка ему в этом не помогала. Что еще раз подтверждает версию о том, что весь план принадлежал Зорге. Итак, что же он успел за эти два месяца?

Самым надежным прикрытием для разведчика была журналистская или коммерческая работа. Коммерцией Зорге не баловался, а вот журналистика ему была вполне доступна. Но для этого надо было обзавестись местом штатного корреспондента достаточно серьезного издания. Для человека, который мог предъявить в качестве работ лишь статьи в коммунистических изданиях, это было совсем непросто. Помогла работа в институте социологии во Франкфурте.

Еще в те времена он познакомился с главным редактором ежедневной газеты «Дойче гетрайде цайтунг». Это была коммерческая газета, посвященная торговле сельхозпродукцией. Она тщательно следила за конъюнктурой на мировом рынке в Европе и обеих Америках, но Азиатский регион был освещен слабо. Этим и воспользовался знакомый Рихарда. В конце концов, не каждый день серьезный аналитик с докторской степенью предлагает свои услуги в качестве корреспондента. Кроме того, предприняв поездку в Соединенные Штаты, опять же в приспомятом институте он познакомился с немецким синологом Августом Виттфогелем. Теперь, в ноябре 1929 года, Рихард возобновил это знакомство. Виттфогель, узнав о том, что Зорге собирается в Китай и ищет заказы на работу в этом регионе, свел его с известным синологом, профессором Рихардом Вильгельмом, директором Института Китая во Франкфурте. Через два дня Зорге подписал с Германо-китайским обществом договор об исследованиях на тему «происхождение и развитие банковского права в Китае».

По некоторым причинам, о которых несколько позже, в Китае далеко не всегда выгодно было быть немцем. Рихард предпринял еще и поездку в США, где договорился о сотрудничестве с двумя американскими газетами и получил соответствующие документы. В этих документах был указан предполагаемый псевдоним: «Алекс Джонсон». В начале декабря все было готово к отъезду. Ну и где же тут время на подготовку?

Нет, не было ни предложения Берзина, ни тренировок и инструктажей. Зорге засылали в Китай по его инициативе, под собственным именем, в качестве агента, каковым он и являлся на протяжении всей своей работы. Косвенным подтверждением того, что он не

был кадровым сотрудником военной разведки, является тот факт, что всем сотрудникам этого ведомства присваивали воинские звания, но кто и когда предал гласности звание доктора Зорге? А прямым подтверждением являются его «Тюремные записки», где он прямо указывает, что штатным сотрудником Четвертого управления не был, а по служебным делам был связан с Информбюро ЦК ВКП(б), и там же находился на партийном учете. От ЦК его курировал некто Смолянский. Впрочем, это еще ничего не значит, и немало превосходных разведчиков, в том числе и резидентов, были в том же положении «внештатных сотрудников» Разведупра. Главное, что мучительный период сотрудничества с Коминтерном остался позади. Работа в разведке более соответствовала характеру этого человека, особенно в таком месте, как Китай...

Какого рода задание получил Зорге? Естественно, у него были свои идеи и свое представление о том, чем он должен заниматься в качестве разведчика. Он определяет свое предназначение как «широкомасштабную политическую информационную деятельность». Берзин все это, в принципе, одобрял, но реальные запросы Четвертого управления были значительно скромнее. Разведупр РККА занимался военной и технической разведкой, соответственно, ему была необходима военная и техническая информация, все-таки это не ОМС Коминтерна, делающий мировую революцию. По части технических ноу-хау – промышленным шпионажем тогда тоже занималось четвертое управление – в Китае было ловить особенно нечего, но военная информация о китайской, а особенно о японской, армии была нужна. Что же касается политических, экономических и прочих аспектов, которые интересовали доктора социологии Рихарда Зорге, то по этому поводу Берзин проконсультировался с людьми из ЦК и военного отдела Коминтерна.

Конечно, широкомасштабная деятельность – дело хорошее. Но такими вещами, вообще говоря, занимаются дипломаты, в крайнем случае легальная резидентура, а держать нелегала ради политического анализа слишком дорогое удовольствие. Впрочем, спорить с Зорге по этому поводу было бессмысленно: ученый – он и есть ученый, пусть в этом качестве и занимается своей «широкомасштабной деятельностью», а разведчик из него может получиться хороший, это видно, хотя он и не без недостатков. Однако если искать работников без недостатков, то ведомство придется вообще закрывать.

Итак, после нескольких встреч с Берзиным и короткой – очень короткой! – подготовки Рихард Зорге вступил на новую стезю. Он сам писал, что Китай – это был его выбор, что Восток больше соответствовал его темпераменту, чем Европа. Старая, скучная, филистерская Европа, где надо все делать кропотливо, с оглядкой на начальство и полицию. То ли дело Китай – там есть где развернуться. Надо еще упомянуть, что именно к этому времени теоретики из Коминтерна основные надежды по части революции возлагали именно на Китай...

СССР и его дальневосточный сосед

Что же представляла собой страна, которую выбрал точкой приложения своих кипучих сил прекрасно разбиравшийся в политике Рихард Зорге? О, Китай был очень интересным местом!

Одна из крупнейших по территории и населению стран мира, Китай в то время находился в незавидном положении. Потерпев поражение в войне с Японией 1894-1895 годов, и после подавления восстания «боксеров» в 1901 году он фактически стал полуколонией, где хозяйничали европейские страны, Россия, Япония и США. После победы в русско-японской войне и ослабления после 1914 года немецких позиций в Китае японское влияние здесь все усиливалось, постепенно начался открытый захват его территорий. Никогда особенно не скрывались и претензии на русский Дальний Восток. В 1918 году, воспользовавшись Гражданской войной, японцы высадились во Владивостоке, и лишь к осени 1922 года удалось вытеснить их оттуда, а в северной части Сахалина они оставались аж до 1925 года. Попытка захвата провалилась, но планы остались.

В 1926 году в Японии разразился экономический кризис, а в 1927 году пост премьер-министра занял генерал Гиити Танака, политикой которого стало решение проблем своей страны за счет соседей – Китая, Монголии и СССР. В качестве «внешней доктрины» пропагандировалась идея великой миссии Японии по «освобождению» азиатских народов от гнета белых колонизаторов. Однако в документе, который премьер-министр в 1927 году представил японскому императору,

названном впоследствии «меморандумом Танаки», говорилось несколько иное. Там открытым текстом излагались следующие планы:

«Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай... Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы... В программу нашего национального роста входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией...»

Так что, как видим, именно Китай должен был стать опорным пунктом Японии на континенте. Несмотря на огромную численность населения, в военном отношении это была слабая страна, и завоевать ее было нетрудно. Но японцы не спешили это делать.

В самом деле, захватив страну, надо ей хоть как-то управлять.

А что касается управляемости, то в конце 20-х годов ситуация в Китае, пожалуй, больше всего напоминала Россию времен гражданской войны.

Несколько раньше, в 1911 году, Синьхайская революция свергла власть маньчжурской династии Цин. Результаты свержения монархии оказались те же, что и в России. Сперва к власти пришло правительство во главе с китайским революционером, сторонником китайской националистической идеи Сунь Ятсеном, но очень скоро его сменил генерал Юань Шихай. Тот начал как президент, а закончил тем, что в 1915 году объявил себя императором. Идея не понравилась никому: ни народу, ни обществу, ни иностранным государствам. В результате, просидев на троне всего около трех месяцев, Юань Шихай отказался от трона.

Впрочем, новая власть все равно была чисто номинальной. Процесс государственного распада в Поднебесной зашел далеко, и власть контролировала лишь шесть провинций на юге страны (Гуандун, Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу, Сычуань и часть провинции Хунань), а реальную власть имело только в одной провинции Гуандун. Остальной Китай представлял собой множество полуавтономных территорий, которыми управляли генералы – их называли «провинциальные милитаристы». Генералы имели в своем распоряжении войска и не собирались ни с кем делиться властью, а власть эта была бесконтрольна и безгранична. Такое «государственное устройство» давало богатые возможности для разного рода политических союзов: любое государство могло поддерживать того из правителей, кто больше нравился, объявляя его «Китаем». Или не объявляя – какая, в конце концов, разница?

У СССР наладилось сотрудничество с националистической партией Гоминьдан, выступавшей за объединение страны и превращение ее в демократическую республику. В Гуанчжоу (провинция Гуандун) было сформировано гоминьдановское правительство во главе с одним из лидеров первой буржуазно-демократической революции 1911-1913 годов Сунь Ятсеном. Попытки данного правительства получить международное признание не удалась, и тогда Сунь Ятсен в 1923 году договорился о сотрудничестве с Советским Союзом. В Южный Китай зачастили советники, самым заметным из которых был представитель Коминтерна Михаил Бородин (Грузенберг). Ему удалось объединить в единый фронт Гоминьдан и созданную в 1921 году Коммунистическую партию Китая. Один из ближайших сторонников Сунь Ятсена, Чан Кай-ши, был даже направлен в Москву на военные и политические курсы. Знали бы, кого учат –

устроили бы ему в Москве автомобильную катастрофу или другой какой несчастный случай!

В 1925 году Сунь Ятсен умер. Вскоре после смерти вождя его обученная советскими специалистами национально-революционная армия завоевала большую часть Южного и Центрального Китая, прибавив к «провинциальным милитаристам» еще одну разновидность власти. Впрочем, порядка в стране от этого больше не стало. Вдобавок Гоминьдан фактически раскололся на правое и левое крыло.

Коминтерн, как водится, тут же увидел в этих событиях долгожданную революцию и радостно кинулся помогать. После провала с «германским красным октябрём» все, кто со дня на день ожидал «мировой революции», – и в Коминтерне, и в советском правительстве – основную ставку сделали на Китай. По их прогнозам, эти волнения должны были перерасти из антифеодального и национально-освободительного движения в революцию по типу российской и в перспективе привести к построению социализма. В СССР отношение к этим раскладам было неоднозначное. Категорическими противниками курса на «перерастание» были нарком иностранных дел Максим Литвинов, полпред в Японии Виктор Копп и некоторые другие. Зато рьяными сторонниками китайской революции оказались руководитель группы советских политических советников в Китае Михаил Бородин (Грузенберг) и полпред в Китае Лев Карахан (Караханян). В этом-то была и беда: находясь далеко от Москвы, эти люди не очень-то спрашивали санкции на то, что делают. Именно Бородин в первую очередь всячески стимулировал подготовку вооруженного восстания, в ходе которого предполагалось создать китайскую Красную армию и провозгласить революционное правительство. Против этой идеи выступили даже военные советники, которые никогда

не отличались недостатком радикализма, однако Бородину удалось убедить Сталина, и план был принят.

Итак, в то время, как националист Чан Кай-ши усмирлял «провинциальных милитаристов», левые гоминьдановцы во главе с Ван Цзинвэем в компании с коммунистами попытались передать в захваченных регионах землю крестьянам. А затем Ван Цзинвэй и вовсе перевел правительство в город Ухань и объявил его новой столицей. В довершение радостей 3 марта 1927 года коммунист Чжоу Эн-лай поднял-таки в Шанхае вооруженное восстание. Чан Кай-ши решил, что с такими союзниками ему не по пути и, подавив восстание военной силой, в апреле 1927 года организовал правительство со столицей в Нанкине и начал преследования коммунистов. Со своей стороны, Ван Цзинвэй тоже принялся вычищать их из своего правительства.

Советские военные и политические советники вынуждены были покинуть Китай, а в самой стране начался жесточайший террор. Работавший в начале 30-х годов в Китае советский разведчик и военный советник Отто Браун писал:

«Поддерживаемые международной полицией ищейки Чан Кай-ши каждый день устраивали облавы на крупных текстильных предприятиях, а ночью – в китайских кварталах. Они охотились за коммунистами. У тех, кого схватывали, был один выбор: предательство или смерть. В то время в Китае тысячи лучших партийных работников были обезглавлены, расстреляны или задушены. Уничтожались не только они, но и их семьи. Эти акции истребления начались в 1927 году, сразу же после поражения национальной революции и разгрома восстаний в Шанхае, Ухани, Кантоне и других городах и проводились систематически, с неослабевающей силой. (Автор

цитируемой книги приехал в Китай в 1932 году. – Авт.) В них, наряду с полицией, участвовали и гангстерские банды, давно сотрудничающие с гоминданом, и «синерубашечники» – члены фашистской организации, незадолго до этого созданной Чан Кайши. Они загнали коммунистов в глубочайшее подполье».

Так что планы Бородина реализовались с точностью до наоборот.

Впрочем, обострение отношений между СССР и режимом Чан Кай-ши произошло раньше и было спровоцировано англичанами. В апреле 1927 года китайская полиция в нарушение всех международных норм произвела обыск в советском консульстве в Пекине. В ходе обыска было изъято огромное количество документации, в том числе шифры, списки агентуры, документы о поставках оружия КПК, инструкции китайским коммунистам по оказанию помощи в разведработе. Были найдены и директивы из Москвы, в которых в числе прочего говорилось, что «не следует избегать никаких мер, в том числе грабежа и массовых убийств», с тем чтобы спровоцировать конфликты между Китаем и западными странами. Скандал был грандиозный, а всю разведработу в Китае пришлось начинать заново.

Итак, к концу 20-х годов Китай по-прежнему представлял собой конгломерат постоянно воюющих между собой территорий. Вооруженные силы страны составляли 2,2 миллиона человек. Из них 1,6 миллиона подчинялись Чан Кай-ши, около 600 тысяч составляли армии «провинциальных милитаристов». В этой войне всех со всеми фронты постоянно перемещались по всей стране, вспыхивая порой в самых неожиданных местах – и попробуй, догадайся, где начнется очередная кампания.

Имелась в Китае и Красная армия, которая контролировала шесть районов, составлявших около 1,4 процентов территории страны. Сама армия насчитывала около 65 тысяч человек. Сопоставляя эти цифры, видно, что это была за сила. Ее не разгромили, по-видимому, лишь потому, что Красную армию никто не воспринимал всерьез: Чан Кай-ши и «военные лорды» видели более опасных противников друг в друге.

Особый смысл работе Зорге придавал тот факт, что к этому времени режим Чан Кай-ши призвал себе на помощь германских военных советников и стал активно закупать германское оружие.

Учитывая, что у Германии и СССР в то время были хорошие отношения, а китайский режим имел резко антикоммунистическую направленность, советское правительство попыталось выразить протест. Однако наш посол в Германии получил заверения, что отправка немецкого оружия в Китай строго запрещена, хотя оно все равно туда отправлялось, и наши это прекрасно знали, но сделать ничего не могли.

За несколько лет до того точно так же, в обход всех запретов Германия отправляла оружие в СССР. Что же касается военных советников, то этот вопрос решался просто: они ехали туда как частные лица. Учитывая это обстоятельство, именно немец, причем не рабочий, а ученый и журналист, мог в качестве разведчика оказаться там особенно кстати.

Китай в то время был одним из центров деятельности всех мыслимых и немыслимых разведок, какие только существовали на земном шаре. Отчасти потому, что для работы спецслужб условия в этой стране были более чем комфортными. До 1927 года ее можно было назвать «раем для шпионов». Контрразведки всех властей занимались почти исключительно борьбой с агентами соперничающих

группировок, и до иностранных разведчиков у них просто не доходили руки. Во многих случаях для работы даже не требовалась агентура. Бездну информации можно было получить просто-напросто за коктейлями в иностранных клубах. Газеты сеттльментов^[17] и концессий печатали любую информацию, попадавшую к ним в руки, в том числе и секретную: «белых людей» нисколько не волновали проблемы безопасности какой-то там азиатской страны. Кроме того, имелось множество бюро, успешно торговавших любыми сведениями и материалами. Коррупция в китайской администрации, полиции и армии достигала колоссальных масштабов, а основная масса населения жила чрезвычайно бедно и за очень небольшие деньги была готова на все.

Работа облегчалась еще и тем, что иностранцы в Китае считались «гражданами высшего сорта». Они жили компактно на территории международного сеттльмента, французской и японской концессий – все эти поселения пользовались правами экстерриториальности, на их территории не действовали китайские законы. Формально в начале 1930 года Чан Кай-ши отменил особый статус этих районов, но фактически все оставалось как было. Несколько ниже прочих европейцев и американцев стояли немцы – въезд германских подданных в Китай был разрешен лишь после того, как Германия отказалась от особых прав для своих граждан. Для этого и понадобились Зорге бумаги на имя «мистера Джонсона», американца, они были чрезвычайно полезны для поездок по стране.

Особенно сильны в Китае были японская и английская разведки, но и советская тоже не подкачала. Она действовала чрезвычайно активно и имела в стране далеко не одну резидентуру, поэтому-то

и кажется странным утверждение, что доктор Зорге был там настолько исключительно нужен, что без него ну просто никак! Вот, например, Христофор Салнынь, «главный диверсант Разведупра», в конце 1927 года он легализовался в Шанхае под именем Христофора Лауберга, американца. Его группа должна была снабжать оружием боевые группы компартии Китая. Помощником Салныня был другой старый и опытный сотрудник разведки, болгарин Иван Винаров. Для прикрытия они организовали крупную экспортно-импортную торговую фирму с множеством филиалов в различных городах. Филиалы эти занимались и торговлей, и разведкой, и поставками оружия. К началу 1929 года резидентура включала в сферу своих действий и Харбин – там прикрытием служила консервная фабрика. Оружие Салнынь и Винаров закупали за границей на деньги, вырученные от продажи китайских товаров.

Занимались они и террором. Одной из самых громких их акций была ликвидация в 1928 году фактического главы пекинского правительства генерала Чжан Цзолиня, проводившего открыто антисоветскую и прояпонскую политику. 4 июня 1928 года Чжан Цзолинь погиб при взрыве его специального вагона при поездке по железнодорожной линии Пекин-Харбин, а вину за его убийство, как и было задумано, удалось возложить на японские спецслужбы.

Очень активно действовали в Китае и разведка ИНО НКВД (именно их харбинская резидентура выкрала в 1927 года «меморандум Танаки»), и ОМС Коминтерна – по сути, еще одна разведка. И вот в это-то шпионское «рагу по-ирландски», в котел, где варилось все, что нашлось на разведывательной кухне всех и всяческих стран, угодил и Рихард Зорге в качестве одной горошины из многих других.

Рихард и его команда

Итак, 10 января 1930 года на борту японского пассажирского судна в Шанхай прибыл немецкий журналист, доктор Рихард Зорге. Ни в коей мере он не был намерен использовать журналистскую деятельность только как «крышу» для разведработы. Одной из причин многолетней неуязвимости доктора Зорге стало то, что он действительно был известным корреспондентом и мог предъявить множество публикаций. Первые сообщения в свое сельскохозяйственное издание Рихард, купив по дороге газет, передал еще с борта судна, касались они ситуации на дальневосточном соевом рынке. Так что «крыша» у него была в полном порядке. Впрочем, дело не только в «крыше» – достаточно ощутимые гонорары тоже играли свою роль. Вряд ли он забыл процесс выяснения судьбы пятисот долларов и хотел повторения ситуации.

И тут мы натываемся еще на одну странность этой во многих отношениях странной истории. Да сих пор в официальных биографиях Зорге тщательно обходится вопрос о его китайском руководстве. Читателю молчаливо предлагают думать, что разведчик, прибыв в Шанхай, сразу начал работать самостоятельно. Но на самом-то деле это только в шпионских фильмах разведчика вот так, без подготовки, в одиночку засылают за границу в первую командировку. В реальности так шпионские дела не делаются – или, по крайней мере, не делались во времена Берзина, когда к нелегальной работе за границей относились достаточно серьезно. Как мог Разведупр отправить начинающего агента, да еще и не получившего подготовки, без надежного куратора? Если агента засылали в одиночку,

то долго и тщательно готовили, или же его вводили в состав сильной группы, или отправляли с опытным напарником – разные бывали варианты. Может быть, Зорге действительно был суперагентом от природы? И Берзин, едва взглянув на него зоркими глазами суперначальника, вот так сразу это понял?

Но на самом деле все это сказочки для пионеров. В Китай Рихард приехал не один, он сам пишет об этом в своих «Тюремных записках». Зорге прибыл в страну вместе с двумя сотрудниками Четвертого управления. Одним из них был Зепп Вайнгартен, его первый радист. Второй – тот самый куратор из Центра. Рихард не называет его имени, только псевдоним – Алекс.

«Его задача, – пишет он, – состояла в обеспечении связи с... управлением и, кроме того, в освещении военных проблем... И, хотя я был командирован в качестве его помощника по политическим вопросам, мы на взаимных началах работали самостоятельно. Поскольку он был старше меня по возрасту и имел прямую связь с Москвой, его нужно считать старшим и по службе. Через некоторое время после его отъезда из Шанхая и принял на себя технические, организационные и военные вопросы и стал руководителем группы по всем направлениям».

Что касается «Алекса», то в установлении личности этого человека имеет место быть изрядная путаница. Этот псевдоним принадлежит сотруднику Четвертого управления Льву Боровичу, который действительно работал в Шанхае и курировал группу Зорге, но было это позднее, в 1936–37 годах. Что же касается того «Алекса», который приехал вместе с ним в Шанхай в 1930 году, то это совсем другой человек. Настоящее его имя – Александр Улановский (а «совсем настоящее» – Израиль Хаскелевич). Родился он в 1891 года в Одессе,

имел «богатое» дореволюционное прошлое: в 18 лет примкнул к анархистам, был арестован, сослан в Туруханский край, потом последовали побег и эмиграция. Вернувшись, Улановский участвовал в революции и гражданской войне. В 1921-22 годах был разведчиком-нелегалом в Германии от ЧК, затем работал в Профинтерне, «дочерней организации» Коминтерна, а с 1928 года – в Разведупре. В будущем это самый, наверное, неудачливый резидент советской разведки (на четыре командировки – три провала). А пока что начиналась его первая командировка по линии Разведупра.

Итак, теперь ясно, в качестве кого Рихард ехал в Китай – он должен был стать помощником резидента по политическим и экономическим вопросам, а собственно разведывательную работу группы предстояло обеспечивать Улановскому. Возможно, тогда Зорге и вправду был больше экспертом ЦК, чем сотрудником разведки.

Как складывались его отношения с непосредственным начальством – неизвестно, но едва ли безоблачно. В 1941 году один из его очередных кураторов писал в докладной записке, что Зорге «весьма самолюбив и большого мнения о себе». Ясно, что эти качества появились у него не в сорок пять лет, а раньше, впрочем, это видно даже из истории его взаимоотношений с Коминтерном. И с таким характером работать под чьим-то руководством, выполнять чьи-то указания?

Впрочем, через полгода Улановский под угрозой провала был отозван из Китая (провалиться в первой командировке он не успел. Если бы успел, она могла стать для него последней). Нового резидента на смену ему не прислали, и резидентуру взял Рихард. Людей в группе было немного. Первый радист Зорге приехал одновременно с ним – Зепп Вайнгартен, выпускник

Московской радишколы. Обучение в московской школе было поставлено обстоятельно: там учили не только стучать ключом. Выпускник школы был способен самостоятельно починить и даже изготовить передатчик. И Вайнгартен работал в Шанхае как раз на таком самодельном передатчике.

Еще одним членом разведгруппы, присланным из Центра, был «Джон» – польский коммунист, прибывший в Шанхай в 1931 году и вскоре ставший заместителем Рихарда. Он занимался шифровальным делом, связью, фотографированием. «Крышей» ему служил небольшой магазинчик фотопринадлежностей.

По некоторым данным, настоящее имя Джона – Гирш Герцберг (в Разведупре он числился под фамилией «Стронский»). Он родился в Лодзи в 1904 году, со школьной скамьи увлекся марксизмом. В 16 лет начал выполнять поручения старшего брата, который был одним из первых сотрудников советской разведки в Германии. В 1920 году Гирш уезжает в Германию, в 1924 году перебирается в Бельгию, где организует коммунистическую группу. Попав в связи с этой работой под следствие, возвращается в Польшу. В 1929 году его отправляют на учебу в СССР, в так называемую Военно-политическую школу компартии Польши в Москве – в таких школах всегда «паслась» советская разведка, присматривая себе кадры. Окончив школу, Гирш получил предложение работать в Четвертом управлении, и после небольшой подготовительной командировки в марте 1931 года его направляют в Шанхай.

Стронский был обладателем весьма эффектной внешности, уступая по этой части разве что самому резиденту. Как вспоминала их соратница Урсула Кучински, *«у него были темные, с залысинами на висках, вьющиеся волосы, мраморно-белый лоб, темные*

глаза и скуластое лицо. Замкнутый и серьезный, он производил впечатление... сложной натуры».

Радиотехника Мишина и радиста Клаузена Рихард получил от одной из прежних шанхайских резидентур, руководитель которой был отозван в Союз. В мемуарах и исследованиях этого резидента называют «Джим», однако Клаузен как-то раз упоминает, что работал в Китае под руководством некоего «генерал-лейтенанта Гуревича». Скорее всего, он имеет в виду А. И. Гурвича (Горина), высококвалифицированного связиста, который окончил Высшую военную школу связи и, кроме того, радиоинститут в США. В его биографии указано, что в 1930 году он награжден золотыми часами «за работу в связи с событиями на Дальнем Востоке». Учитывая, что задачей «Джима» как раз и было создание резидентуры связи, очень похоже, что речь идет о Гурвиче.

В Китае Рихард познакомился и с Максом Клаузенем. Макс был радистом «Джима», а в 1931 году его передали Зорге (впрочем, в число основных членов группы он тогда не вошел). Клаузен тоже был немцем, родился во Фрисландии в семье каменщика в 1899 году. В 18 лет был мобилизован, в армии выучился на радиста. После войны работал портовым рабочим, матросом, в 1927 году вступил в КПГ, а еще через год отправился в СССР, прошел школу радистов и был направлен в Китай. Здесь через русского эмигранта Константина Мишина он связался с «Джимом», а затем начал учить Мишина работе с радиосвязью. После отзыва «Джима» они оба достались Зорге.

Назначение к Рихарду отозвалось для Клаузена совершенно неожиданным подарком судьбы. Упаковав рацию в чемодан, он отправился в Шанхай, нашел себе недорогую квартирку, устроился. Теперь надо было проводить сеанс связи, но оказалось, что в тесном номере никак не развернуть антенну. Был только один выход – протянуть ее в комнату наверху. Там, как он

знал, жила молодая женщина-финка, работавшая сиделкой в госпитале. Макс пошел знакомиться. «Меня зовут Макс Клаузен, – по-английски представился он. – У меня есть к вам предложение». «Ничего не выйдет», – с ходу ответила симпатичная молодая женщина. И, поскольку ей уже надоели подобные «предложения», в сердцах добавила по-русски: «Чтоб ты провалился!». «Вот еще!» – тоже по-русски ответил гость. Так они познакомились. Звали молодую женщину Анна Жданкова^[18], а финское гражданство досталось ей от первого мужа. Через некоторое время Макс представил Рихарду Анну как свою невесту. Немного волновался: как отнесется к его выбору резидент? «Очень симпатичная женщина, – сказал Зорге. – Желаю тебе счастья». Вопрос был решен, в разведгруппе стало на одного человека больше.

На Дальнем Востоке явно назревали какие-то серьезные события, а через группу проходило все больше чисто военной информации, оценить которую никто из них не был способен. И тогда по просьбе Зорге ему прислали специалиста по военному делу. В январе 1931 года в Шанхай приехал эстонский ветеринар Зельман Клаас. Правда, ветеринара мало интересовали больные животные: сначала он стал совладельцем магазина фототоваров – того самого, который принадлежал Стронскому, а потом открыл неподалеку ресторан. Настоящее имя ветеринара-ресторатора было Карл Мартин Римм.

Римм был самым старшим по возрасту членом группы. Он родился в 1891 году в Эстонии, в семье крестьянина. После оккупации Прибалтики Германией уехал в Россию, участвовал в гражданской войне, служил в Красной армии, в 1924 году окончил Военную Академию РККА. В Китае его знали под именем «Пауль». *«У него была круглая, почти лысая голова, – вспоминала*

впоследствии писательница Урсула Кучински^[19], тоже бывший член их группы, – *маленькие глазки, движения большого тяжелого тела медлительны и неторопливы. Это был умный, спокойный и добрый человек, за флегматичной внешностью которого скрывались твердость и страстность революционера».*

В 1932 году, когда объем информации еще возрос и группе понадобилась шифровальщица, в Шанхай командировали и Любовь Ивановну Римм, которая приехала под именем Луизы Клаас. В резидентуре появилась еще одна семейная пара. Римм показал себя не только специалистом, но и хорошим разведчиком. После отзыва Зорге именно он стал руководителем группы.

Дал Зорге «путевку в жизнь» и еще одной разведчице, которая впоследствии станет известна всему миру под своим писательским именем Рут Вернер. Эта женщина на протяжении своей жизни побывала в пяти заграничных командировках, в том числе и в таких опасных местах, как Маньчжурия и Польша, не прерывая работы, родила и вырастила троих детей и уже на склоне лет написала знаменитую книгу мемуаров «Соня рапортует». А в Шанхае она была хозяйкой конспиративной квартиры и время от времени выполняла разовые поручения Зорге, который, оценив возможности молодой женщины, постепенно готовил ее к самостоятельной работе. Именно он дал ей рекомендацию в разведку, он же предложил и псевдоним – «Соня».

Урсула Кучински, немецкая еврейка, родилась в 1907 году в Берлине, в семье ученого-статистика. В 1926 году стала коммунисткой. В 1929 году она вышла замуж за молодого архитектора Рудольфа Гамбургера, которому вскоре предложили работу в Китае, и молодая пара переехала в Шанхай. Избывая от безделья и

скучая по партийной работе, Урсула как-то раз пожаловалась на эти обстоятельства своей подруге Агнес Смедли, и та порекомендовала ее Зорге. После этого дом Урсулы превратился в конспиративную квартиру. Рихард дал ей и псевдоним, под которым она впоследствии будет работать – «Соня». В Шанхае была популярна песенка в стиле «А ля рюс»: «Когда Соня отплясывает русского, в нее нельзя не влюбиться. Нет более красивой женщины, чем она. В ее крови Волга, водка, Кавказ...Даже Владимир от нее без ума, отставляет в сторону стакан с водкой, лишь бы видеть Соню...».

«Я очень привязалась к нему, – вспоминала впоследствии Урсула. – Необыкновенно обаятельный, высокообразованный, всегда сосредоточенный. Его часто изображают разбитным малым – не таким, каким он был на самом деле. Зорге редко улыбался, выглядел скорее меланхоличным... Меня потом много раз спрашивали, не спала ли я с ним. Я даже ни разу его не поцеловала! Да и быть того просто не могло: я только что вышла замуж, родила ребенка...»

Впрочем, отвечая на вопрос, была ли она влюблена в Рихарда, Урсула уже много лет спустя патетически воскликнула:

– Естественно!

Уже после отъезда Зорге Урсула прошла обучение в разведшколе в Москве, стала радисткой, потом резидентом нелегальной резидентуры, отработав двадцать лет без единого провала.

Таковы были помощники Зорге из Четвертого управления, люди, составлявшие костяк группы. Но они появятся позже. А пока что Рихард сошел на берег в компании Алекса и еще одного товарища, имея лишь одну идею по поводу того, с чего начать...

Рихард должен был осесть в Шанхае, который с конца 20-х годов стал центром деятельности советской военной разведки. Это был самый крупный промышленный город страны, где сосредоточилась четверть всех предприятий тяжелой и до 80 % легкой промышленности Китая, находились наиболее крупные китайские и иностранные банки и крупнейший в Китае порт, а также самый крупный в стране селтльмент – в конце 20-х годов в городе проживало около 50 тысяч белых иностранцев.

Первым делом новоприбывший, как и было положено, заказал визитные карточки, абонировал почтовый ящик, открыл банковский счет. Сразу же по приезде Зорге посетил генерального консула, на которого его документы и рекомендательные письма произвели самое благоприятное впечатление. Тот немедленно согласился рекомендовать исследователя-журналиста дипломатам в Пекине, Нанкине и Кантоне. В течение первых двух месяцев пребывания в Китае Рихард отправил в редакцию «Дойче гетрайде цайтунг» пять статей о торговле китайской сельхозпродукцией. Он изучал проблемы экспорта сои, арахиса, кунжута, импорта зерна и прочие тому подобные животрепещущие вопросы, исправно отправлял материалы и получал гонорары и параллельно заводил множество знакомств.

«Крыша» оказалась превосходной. Внешняя торговля – это именно та тема, которая позволяла Рихарду не только основательно познакомиться с китайской экономикой и политикой, исследовать экономические интересы других государств, но и, не вызывая подозрений, разъезжать по всей стране. Он изучал состояние железных дорог, следил за переброской войск, заводил новые и новые знакомства. За время пребывания в Китае он покрыл по тамошним

железным и грунтовыми дорогам, поездка по которым сама по себе составляла испытание для европейца, около десяти тысяч километров.

Среди знакомств Рихарда было одно, на которое он особенно рассчитывал.

Об Агнес Смедли Рихард слышал еще в Европе, и была она одним из колоритнейших персонажей этой не обиженной колоритными личностями эпохи.

...Даже точный возраст одной из самых популярных журналисток того времени – и тот неизвестен. Родилась она в конце XIX века в США, на одной из ферм штата Миссури, в семье индейца-батрака и прачки. С ранних лет девочке пришлось работать: она служила судомойкой, официанткой, поденщицей на плантациях табака, продавщицей газет, затем «поднялась» до машинистки и коммивояжера по подписке в местной газете – в ее положении это была карьера! Тогда-то Агнес и опубликовала свои первые журналистские материалы. При помощи родственников ей удалось получить кое-какое образование: сначала она училась в педагогическом училище, затем на вечернем отделении в Нью-Йоркском университете. Некоторое время работала учительницей в деревеньке в штате Нью-Мексико, где большинство населения говорило по-испански, но скоро ей там надоело, и Агнес вернулась в город. Она работала в редакции журнала в Нью-Йорке, в Сан-Франциско вышла замуж за инженера, с которым вскоре разошлась, а еще она занималась профсоюзной работой, была репортером нью-йоркской социалистической газеты «Колл». По ходу работы познакомилась с индийцем Чаттопаддьяя, с которым вскоре сошлась, а заодно и заинтересовалась проблемами национально-освободительной борьбы в Индии и Китае. Вслед за индийским другом Агнес

переехала в Берлин, побывала в Москве на конгрессе Коминтерна.

За это время она от умеренно социалистических перешла к коммунистическим убеждениям, написала множество статей и книгу «Дочь земли» и рассталась с Чаттопадьяя. В 1928 году ей, теперь свободной, газета «Франкфуртер цайтунг унд хандельсблатт» предложила поехать в Китай в качестве специального корреспондента. Агнес согласилась, прибавила к немецкому контракту договоры с несколькими итальянскими газетами и в мае 1929 года была уже на месте.

Естественно, такой известной личностью сразу заинтересовались как полиция, так и спецслужбы других стран, которыми Шанхай был буквально наспигован. Китайская полиция вообще проявляла обязательный интерес ко всем иностранцам, а Агнес к тому же имела два паспорта – американский и немецкий, наличие которых не очень-то скрывала (впрочем, у нее имелся и третий паспорт на фамилию Петроикос). Кроме некоторого количества левых обществ в Европе, таких как «Друзья Советского Союза» или «Индийское революционное общество», Агнес установила отношения с «Всекитайской федерацией труда», «Китайской лигой защиты прав человека», которые тоже не трудилась скрывать. За ней установили слежку – слежка ничего не дала, ибо неистовая журналистка общалась с невероятным количеством людей – не проверять же всех! Впрочем, Агнес поступала с полицией и прочими разведчиками проще простого – не обращала на них ни малейшего внимания. Они, в свою очередь, за ней присматривали, однако жить не мешали.

Помимо профессионализма и энергии, Агнес сопровождало еще и везение. Она сумела подружиться с вдовой Сунь Ятсена Сун Цин-лин. Эта женщина

происходила из семьи китайского банкира, ее сестра была женой самого Чан Кай-ши, муж другой сестры занимал должность министра промышленности, торговли и сельского хозяйства, родной брат был министром финансов в Нанкине. Сам Чан Кай-ши не питал теплых чувств к своей родственнице, однако между сестрами отношения были хорошими. Используя связи Сун Цин-лин, Агнес имела самые точные данные о китайской экономике, госбюджете и многие другие достаточно секретные сведения, а также знала «тайны двора», сплетни и прочие крайне полезные вещи.

Особое внимание Агнес обращала на военных. В ее картотеке имелись сведения о 218 генералах – от сугубо официальных биографий до перечня жен и любовниц. Она интересовалась всем: политикой, военными делами, торговлей, ситуацией на фронтах – всем! Если бы Рихарду удалось подружиться с ней, это знакомство было бы просто бесценным. Уезжая из Германии, Зорге взял в редакции шанхайский адрес Смедли и вскоре нанес ей визит. Дальнейшее было делом техники.

Что касается характера Агнес Смедли, то Ральф де Толедано, автор книги «Шпионы, простофили и дипломаты», дал ей следующую, не лишенную юда характеристику:

«Она готова была поверить всему, что ей говорили – при условии, что это затрагивало ее чувства человеколюбия и вызывало сердечное волнение, – а затем ясным голосом повторить во всеуслышание на весь западный мир... Не говоря на китайском и ничего не зная ни о стране, ни о народе, она сразу же принялась “авторитетно” писать о китайской политике. Если китаец был с ней любезен, она делала вывод, что это шпик. Если же он бывал с ней груб, то это был, по ее мнению, фашист из гоминьдана. Однажды в Харбине

она вошла в офис президента Торговой палаты и фактически обвинила его в торговле опиумом. А когда с китайской учтивостью он проигнорировал ее нападки и любезно осведомился о ее здоровье, она восприняла это как признание им своей вины и пример двуличия и лицемерия. Вращаясь почти исключительно среди коммунистов и их симпатизантов, она всякий раз возмущалась тем, что полиция относится к ней с подозрением. Когда однажды культурные китайцы из высшего общества пригласили ее на обед, она, напившись за их счет, принялась всячески оскорблять хозяев и потом продолжила бесчинства на улице, крича: "А ну-ка, выходите все сюда и давайте набьем дом рикшами-куди! Давайте докажем, что в Китае нет классов!"»

Возможно, эта характеристика все-таки несколько карикатурна. Но, если судить по воспоминаниям той же Урсулы Кучински – а они с Агнес были подругами, – то это была особа чрезвычайно экзальтированная, чтобы не сказать психопатичная...

Именно связи и знакомства Агнес послужили основой для создания сети. Довольно быстро Рихард понял, что можно открыть карты, просто рассказал Агнес, кто он и зачем сюда приехал, и попросил помощи. Журналистка в помощи не отказала. Во-первых, Рихард получил доступ ко всей информации, которой она владела, а во-вторых, она познакомила разведчика со своими китайскими друзьями, которых к тому времени набралось предостаточно, и Зорге начал подбирать себе из них агентов. Причем, как он утверждал позднее, проявив редкую дисциплинированность, воздержался от установления контактов с членами КПК, впрочем, в это не очень-то верится.

Первым и основным из китайских помощников Зорге был Ван, которого он по приезде взял на работу в качестве переводчика. Вскоре они подружились, и Зорге предложил китайцу работать на него. Тот согласился, привлек в группу и свою жену. По-видимому, Ван и есть тот самый человек, которого Рут Вернер в своей книге назвала «Янгом» – она все время всех переназывала, даже если в этом не было необходимости.

«Профессор Янг обладал неиссякаемым запасом остроумия и шуток. Янг был худ и мал ростом, походил скорее на хрупкого юношу, чем на профессора. У его жены было интеллигентное красивое лицо, ямочки на щеках и белоснежные зубы. Она активно принимала участие в политической работе и обладала организаторским талантом... Янг был видным ученым и считался китайцем “из хорошего общества”. Впоследствии жена Вана устроилась на работу в Министерство иностранных дел в Нанкине, явно по заданию Зорге».

Юлиус Мадер пишет еще об одном китайце – Цзяне. Вряд ли он и Ван – одно и то же лицо, так как Цзян ни в коей мере не мог считаться «китайцем из хорошего общества»: его отец был слугой в доме генерала. Деятельный, хитрый и находчивый, он был особенно полезен группе еще и знанием местных нравов.

Когда Зорге на три месяца отправился в Кантон, Ван рекомендовал его своим знакомым в этой провинции. Их них Рихард выделил для работы одну женщину, с которой была знакома и Агнес. Звали ее Тюи. Сначала она стала работать на разведгруппу, а затем и ее муж, который болел тяжелой формой туберкулеза, тоже начал им помогать. По всей вероятности, именно о ней Рут Вернер пишет:

«К числу сотрудников Рихарда принадлежала и молодая миловидная китаянка с бледным лицом, обрамленным короткой прической, со слегка выдающимися вперед передними зубами. Она происходила из влиятельной семьи: ее отец был, кажется, высокопоставленным гоминьдановским генералом. Он выгнал свою дочь из дому, когда та, вопреки воле родителей, вышла замуж за бедного человека, к тому же еще и коммуниста...».

Ван стал человеком, опираясь на которого, Рихард сформировал китайскую часть своей группы.

«Ван приносил самую разнообразную информацию – вспоминал Зорге. – Когда данные по природе своей требовали более подробных объяснений или отчетов, Ван или я беседовали с людьми – источниками этой информации... Мы часто встречались по вечерам, используя для встреч людные улицы, когда позволяла погода. Встречались и в частных домах. Я старался время от времени менять места встреч и избегал использовать в этом качестве свой собственный дом, насколько это было возможно. В Шанхае тех дней риск был не очень велик».

Что же касается иностранцев, то здесь ему по-прежнему помогала Агнес. Одно из устроенных ею знакомств впоследствии оказалось особенно полезным, хотя поначалу таковым не выглядело. Этим новым знакомым стал журналист Ходзуми Одзаки. Позднее в Японии именно этот человек станет незаменимым помощником Зорге. Сын журналиста и сам журналист, Ходзуми принадлежал к древнему японскому самурайскому роду. Вырос он на Тайване, где его отец работал редактором газеты «Тайван ници-ници

симбун», учился в лучших школах, изучил английский язык, затем поступил в Токийский университет, где и обратился к марксизму. В Японии пришел на работу в штат газеты «Асахи симбун» и в 1927 году, в качестве ее корреспондента, отправился освещать восстание в Китае, где задержался на несколько лет. В конце 1930 года, в книжной лавке Коминтерна в Шанхае Агнес Смедли познакомила его с Зорге.

«Одзаки был моим первым и самым ценным сотрудником, - писал Рихард в тюрьме. - Наши отношения, и личные, и деловые, были превосходны. Его информация была самой точной и интересной из всего, что я получал из любого японского источника, и мы быстро подружились».

Через Одзаки Рихард познакомился с японским репортером журнала «Шанхай дейли ньюс» Хисао Фунакоси и руководителем китайского отделения японского агентства печати Ренго Цусин Ямаками Масаёти. Еще один знакомый Одзаки, журналист Тэйкити Каваи, имел очень ценного информатора – переводчика Рюки Сёдзима, с помощью которого разведчикам удалось внедриться в аппарат военной разведки японских оккупационных войск в Китае. Вскоре Сёдзима сумел устроиться на службу в тайную полицию в Мукдене. Итогом его работы стали присланные в Шанхай копии 37 секретных документов^[20].

Чем дальше, тем сильнее в Шанхае росли антияпонские настроения. Поэтому встречи с японскими членами группы были, пожалуй, самыми сложными и конспиративными из всех. Они встречались в ресторанах, кафе или в доме Агнес во французской концессии.

«Поскольку японцам было небезопасно ходить по улицам, – вспоминал Рихард, – то я обычно поджидал японца в Гарден Бридж у границы японского сэттльмента, сажал его в машину или сам сопровождал его до места встречи. Чтобы избежать слежки со стороны японской полиции, я почти никогда не посещал японцев в японской концессии... Но спокойней всего я чувствовал себя, когда мы встречались в доме Смедли, и я часто приводил туда Одзаки и других японцев... Встречи обычно происходили поздно вечером. Я избегал ненужных частых встреч и старался проводить их с интервалами в две-три недели... Даты встреч, условленные заранее, всегда строго соблюдались во избежание необходимости использования почты или телефона... Когда бы я ни встречался с японцами, я всегда делал это один, не позволяя моим зарубежными помощникам сопровождать меня... Мы очень редко обменивались письмами и материалами при встречах; информацию мы передавали устно (хотя бывали и исключения)».

Проще всего было поддерживать связь с «белыми» членами группы. Европейцы в Шанхае могли общаться, не вызывая подозрений. Пользуясь статусом экстерриториальности, члены группы, жившие на территории сэттльмента и французской концессии, хранили документы у себя дома, а если возникала какая-то опасность, то оставляли на хранение у друзей. Более того, европейцы из группы Зорге не только общались, но и ходили друг к другу в гости, устраивали вечеринки и пикники. В общем, та еще конспирация...

Разведка в стиле казино

Но и это было еще не все, что Рихард получил от Агнес. Та не только предоставляла в распоряжение Зорге всю проходившую через нее информацию и помогала подбирать помощников, но и знакомила с разными людьми, с которыми была знакома сама. Именно с подачи Агнес он стал членом элитарного «Китайского автомобильного клуба», президентом которого был сам Чан Кай-ши. Общаясь в этих светских кругах, Зорге добывал множество информации. Известный коммунистический деятель Герхард Эйслер, бывший тогда представителем Коминтерна в Китае, впоследствии назвал то, чем занимался его соотечественник, жизнью «в стиле казино».

Тут ему, конечно, очень помогала внешность, манеры, редкое обаяние.

«О нем нельзя думать, не видя его перед собой, – рассказывала через много лет Урсула Кучински. – Продолговатое лицо, густые вьющиеся волосы, глубокие уже тогда морщины на лице, ярко-голубые глаза, обрамленные темными ресницами, красиво очерченный рот».

«Высокий стройный шатен с голубыми глазами, – это уже Макс Клаузен описывает. – Всегда живой, энергичный. Блистал остроумием и эрудицией. Имел успех у женщин. Любил быструю езду на мотоцикле. Обладал завидным здоровьем, уникальным сердцем...»

«Он был жизнерадостным человеком, не дававшим трудностям одержать верх над собой, – вспоминал Герхардт Эйслер. – Его отличало тонкое чувство юмора, порой он становился несколько ироничным. В тех ролях, которые ему приходилось играть в процессе

выполнения задания, он чувствовал себя на редкость уверенно».

Нетрудно догадаться, что человек, наделенный таким букетом достоинств, легко заводил знакомства как с мужчинами, так и с женщинами. Как он предпочитал общаться с женщинами, уточнять не будем, ясно и так. Ну а с мужчинами самое милое дело – выпить рюмочку вина или чего покрепче в одном из многочисленных казино, которыми был буквально наводнен Шанхай, город денежных иностранцев, военных и спекулянтов. *«Он жил среди германских офицеров и слыл завсегдатаем офицерских казино, – рассказывал Герхардт Эйслер. – Таким образом ему удалось подготовить хорошую основу для своей разведывательной работы...»*

Макс Кристиансен-Клаузен оставил описание «тусовочного» стиля Зорге:

«Рихард предпочитал носить удобные спортивные костюмы с брюками гольф. При этом из правого кармана его пиджака обычно торчала толстая газета, да так, что ее название еще можно было отчасти разглядеть, а дату выпуска – нет. Если он бывал в кругу немцев – военных или штатских, – это были, как правило, “Дойче гетрайде-цайтунг” или “Франкфуртер цайтунг”, в англо-американской компании – лондонская “Таймс”. Не особо проницательным он казался постоянно озабоченным, неистовым репортером». И дальше: «Ради нескольких отрывочных сведений ему приходилось иногда проводить целые ночи в таких нанкинских увеселительных заведениях, как “Клабхауз”, “Интернэшнл клуб” или “Ротари клуб”, накачивать вином своих собеседников, развязывая им таким образом языки. (“Приходилось!” Можно подумать, он делал это без всякого удовольствия! – Е. П.) При этом он

всегда знал о тех, с кем говорил, больше, чем они о нем. Еще во время своего пребывания в Германии, например, он собрал персональные данные главным образом тех военных советников, у которых можно было предположить в дальнейшем наилучшую осведомленность; эти данные, как он не раз говорил нам, давали ему возможность в итоге в дружеской беседе “выпотрошить их, как жирного рождественского гуся”».

Человек он был свехобаятельный, отличный собутыльник, так что неудивительно, что многие не прочь были провести время в компании этого известного журналиста и не менее известного светского льва. И нельзя сказать, что этот стиль жизни и работы был так уж противен самому Рихарду. Он с удовольствием занимался разведкой подобного рода: ходил по кабакам, много пил и много говорил – правда, надо отдать ему должное, никогда не говорил лишнего! – время от времени в пьяном виде ввязывался в драки, иной раз позволял себе и более отчаянные и опасные авантюры.

Как уже говорилось, Рихард состоял членом «Китайского автомобильного клуба», где председателем был глава китайского правительства.

«Чан Кай-ши, как автомобилист, был большим хвастуном, – вспоминал Герхардт Эйслер, – что тут же вызвало у Рихарда желание проучить хвастливого генералиссимуса. Перед одним ралли он начинил свечи зажигания в машине Чан Кай-ши обычным графитом, так что искра отклонилась и не произошло контакта. Привыкший к победам президент клуба ни разу не вышел на старт, пока не нашел неполадку».

Можно себе представить, как смеялись над незадачливым автомобилистом немцы в казино за бутылкой водки. Хулиганство было опасным: в Китае за такие фокусы можно «нечаянно» поплатиться жизнью – но не быть раскрытым. В самом деле, кому придет в голову, что разведчик станет заниматься подобной ерундой?

Позднее этим же способом Зорге как-то раз вывел из строя машину курьера, который ехал к Чан Кай-ши из района боевых действий. Курьер прибыл с большим опозданием, и вооруженные силы китайских коммунистов успели занять несколько населенных пунктов. По-видимому, с помощью таких вот мелких диверсий Зорге компенсировал запрещение привлекать коммунистов к разведработе.

В Шанхае было много немцев, и встречи иной раз случались просто невероятные. Так, еще в годы войны Рихард в эшелоне познакомился с человеком по имени Эрих Эбербек. Они разговорились, выяснилось, что Эрик – ветеринар, после войны собирается сдавать кандидатский экзамен. И вот в 1931 году Зорге узнал, что некий Эбербек, ветеринар, подписал контракт на поездку в Китай в качестве военного советника. Не тот ли самый?

Оказалось, тот самый и есть. Естественно, со старым знакомым грех было не выпить. По ходу сидения в офицерском казино Эрих рассказал Рихарду, что занимается выведением новой породы мулов, особенно выносливых и сильных. Зачем? А эти китайцы хотят на мулах транспортировать свои новые орудия. На мулах? Какие, спрашивается, орудия можно транспортировать на мулах? Немецкие, их сконструировали специально для Китая и скоро начнут поставлять. Такое орудие легко разбирается на восемь частей, каждая из которых грузится на мула – и вперед: пройдут по любому бездорожью. А скоро из Германии придут

инструкторы – обучать этих тупых косоглазых обращению с пушками. Уже организован учебный центр с полигоном...

Впрочем, про учебный центр Рихард к тому времени знал. Его китайские агенты убедили повара инженера-строителя Ярона сфотографировать всю геодезическую документацию по строительству. Теперь понятно, для чего делают новый полигон.

Вообще китайцы и фотография – это особая тема. У немецких военных советников и прочих европейцев, к которым наши разведчики имели особый интерес, – у всех были китайские слуги, а у некоторых – и китайские жены. Естественно, читать по-английски и по-немецки слуги не умели, да большинство из них и по-китайски-то не умело читать. Поэтому хозяева считали, что в их кабинетах секретные документы в полной безопасности, и часто не считали нужным убирать их со стола не то что в сейф, но даже в ящик. Этим и пользовались разведчики.

Так, например, им понадобилось достать код китайской правительственной связи. У Макса Клаузена, который, будучи радистом, большую часть времени все равно сидел без дела и слушал чехарду в эфире, родилась идея: почему бы не заняться радиоперехватом? Естественно, то, что передавалось открытым текстом, их не интересовало. Значит, надо доставать шифры и коды, хорошо бы правительственные или армейские.

За два месяца Зорге выяснил, что основной полк связи войск Чан Кай-ши базируется в Синьцзяне и что кодированием занимается немецкий офицер-связник по фамилии Штёльцнер. Зорге поехал в Синьцзян и вернулся невероятно уставший и без результата. Доступа к немцу не было никакого. Рихард и вообще-то тяжело переживал неудачи, а тут впал в полное

расстройство и на предложение Макса посоветоваться с Цзяном только махнул рукой.

И все же выход нашел как раз хитроумный Цзян. У Штёльцнера была жена-китаянка, которая, как хозяйка, имела доступ во все помещения в доме, в том числе и в кабинет, куда не допускались остальные слуги. К обязанностям супруги она относилась по-китайски: чтобы сохранить расположение мужа, жена должна быть всегда красивой. Поэтому она регулярно ездила в Шанхай за дорогим бельем, шелковыми платьями и духами. Однако оплачивать покупки приходилось мужу, которому это совсем не нравилось. Такая вот проблема, особенно с духами сложно, ведь женщина должна хорошо пахнуть, а муж никак не может понять особой прелести дорогих французских духов...

В парфюмерной лавке и нашли общий интерес Цзян и очаровательная китаянка. Дальше уже пошли чисто технические тонкости. Джон, фотограф группы, сконструировал специальный фотоаппарат, намертво закрепив диафрагму и выдержку, а в качестве фиксатора расстояния до объекта съемки привязал к аппарату свинцовый шарик на шнурке. Теперь все было проще простого: положить бумагу под настольную лампу, с помощью шарика установить расстояние, снять, передвинуть кадр. Все. Ей дали аппарат и несколько десятков флаконов духов.

Естественно, читать китаянка не умела. Она некритически переснимала все бумаги на столе мужа. Чего там только не было: письма, страницы книг, инструкции, просто изрисованные листки бумаги. Но среди всего этого бедлама разведчикам досталось несколько армейских кодов и система их изменений, а также список телефонных номеров всех немецких военных советников.

Аналогичная история произошла с графом фон Мольтке, летчиком-инструктором учебного

подразделения китайской авиации. Граф был преисполнен прусского снобизма, в свои тридцать лет носил монокль и, представляясь, щелкал каблуками и торжественно произносил: «Ствол Б, линия первая, ветвь первая, граф!». Однако и у этого графа были китайские слуги, «недочеловеки», которых он совершенно не опасался. Но у китайцев имелись свои счеты и с господином графом, и с режимом. И вот один из таких китайских солдат-боев в течение одиннадцати месяцев фотографировал все бумаги графа фон Мольтке, которые тот, ничего не опасаясь – а чего бояться, когда вся прислуга неграмотна? – оставлял просто на столе. Все данные отправлялись в Москву, где их сортировали: то, что имело интерес для СССР, оставляли у себя, а данные, касающиеся дислокации войск, военных планов и пр., пересылали в советские районы Китая.

Естественно, нечего было и думать посылать такой объем информации по радио. Этим способом отправляли только особо важные и срочные донесения, а остальные зашифровывались, переснимались на микро пленку и доставлялись в Харбин, а уж харбинская резидентура занималась переправкой материалов через границу.

Принимал Зорге участие и еще в одном весьма специфическом деле, по которому он соприкоснулся с прежним местом работы – Отделом международных связей Коминтерна. Несмотря на все запрещения, ОМС был постоянным партнером разведки, разведчики и коминтерновцы прекрасно знали друг друга. В качестве иллюстрации их реальных контактов – вопреки всем правилам конспирации – можно привести забавную телеграмму.

«17 мая 1928 г.

Совершенно секретно

Лично

ИККИ, тов. Пятницкому

Нашим представителем в Шанхае т. Алексеевым одолжено в свое время т. Альбрехту 4000 дол. Тов. Алексеев вследствие этого остался сейчас без денег и просит срочно телеграфировать по вашей линии т. Альбрехту о возврате ему долга. Кроме того, в Харбине из наших средств по вашему поручению были выданы вашей линии 2000 дол., каковые до сих пор нам не возвращены.

Прошу вас в срочном порядке дать соответствующие распоряжения в Шанхай, а также вернуть нам здесь на месте 2000 дол.

Начальник IV Управления Штаба РККА Берзин».

А ведь, согласно правилам конспирации, они не должны были не только друг у друга деньги одалживать, но даже знать друг друга. Но и знали, и одалживали, и встречались, и выходные иной раз проводили вместе; Урсула Кучински описывала премилые совместные пикники, в которых принимали участие разведчики их группы и люди из Коминтерна: Отто Браун, Артур Эверт, Элиза Саборовски. Правда, риска в этом особого не было, иностранцы в Шанхае находились на особом положении, почему бы им и не быть знакомыми друг с другом? Но в других условиях такие привычки могли дорого обойтись.

...И когда 15 июня 1931 года в Шанхае были арестованы некий Хилари Нуленс и его жена, наши разведчики не могли остаться от всего этого в стороне, особенно Рихард, который вполне мог встречаться с этим человеком, работая с ним в одном отделе...

Настоящее имя Хилари Нуленса было Яков Рудник, и по его биографии видно, как тесно переплетались между собой ведомства. Весной 1917 года он вступил в партию большевиков, с 1918 года стал работать в ВЧК, затем – в политотделе Высшей военной инспекции.

Летом 1918 года руководил нелегальной доставкой оружия для киевского большевистского подполья. Затем учился в Академии Генерального штаба, снова был на нелегальной работе. В 1920 году начал работать в аппарате Коминтерна, в феврале 1921 года был направлен резидентом советской военной разведки во Францию, где его арестовали и осудили на два года тюрьмы. В 1925 году пришел на работу в ОМС Коминтерна, где и остался. Его жена, Татьяна Моисеенко-Великая, тоже с 1921 года работала на Коминтерн, потом на ИНО ОГПУ и снова на Коминтерн.

С 1929 года Хилари Нуленс, как звали Рудника в Китае, возглавлял шанхайское отделение ОМС. Летом 1930 года к нему приехала жена с двухлетним сыном. Тучи над его головой стали сгущаться давно, но Нуленс не мог бросить свой пост, ибо был в отделении человеком «за все». Он поддерживал связь между Исполкомом Коминтерна, Дальневосточным Бюро, компартией Китая, компартиями других стран Дальнего Востока: связывал всех со всеми, обеспечивал обмен письмами, посылками, занимался распределением денег, арендовал квартиры, подбирал адреса для прикрытия, абонентские ящики и т. п. – в общем, все, связанное с квартирами, финансированием, связью. Если бы Нуленс был арестован и заговорил, деятельность Коминтерна в Китае пришлось бы начинать заново. И вот 1 июня 1931 года в Сингапуре был арестован курьер Коминтерна Жозеф Дюкруа. При нем обнаружили листок бумаги с адресом, с помощью которого шанхайская полиция довольно быстро вышла на Нуленса, которого вместе с женой тут же арестовали.

На следствии арестованный держался правила, твердо установленного для советских разведчиков: «Говори что хочешь, но не признавайся, что работаешь на СССР». Иностранцы в Китае имели свое

судопроизводство, и сначала Нуленс называл себя бельгийцем, заявляя, что он и его жена должны быть переданы под юрисдикцию Бельгии. Министерство иностранных дел Бельгии отказалось подтвердить их подданство. Тогда он объявил себя швейцарцем по фамилии Бере, но МИД Швейцарии также не признал его своим гражданином. Дело было передано китайскому суду – наихудший вариант, но ничего сделать оказалось нельзя.

Почти с самого начала в дело вступила международная общественность, которую подняла на защиту арестованных все та же неукротимая Агнес Смедли. Уже в августе 1931 года французские профсоюзы начали громкую кампанию в защиту «ни в чем не повинного секретаря профсоюза». Кампания протеста с каждым днем ширилась, распространяясь по всему миру. Осенью 1931 года имена заключенных супругов опять изменились: в письмах протеста стала звучать фамилия Руг. Что любопытно, эти письма опередили в изменении «легенды» самого арестованного: Нуленс начал называть себя швейцарским гражданином Полем Ругом только в ноябре, после того как получил в тюрьме инструкции Коминтерна (по некоторым данным, эти инструкции ему переправила вдова Сунь Ятсена, если так, то тут явно не обошлось без ее подруги Агнес). Не то что китайская полиция, но даже британская разведка так и не сумела узнать, кем на самом деле были арестованные.

В кампании в защиту Нуленс-Ругов, развернутой по всему миру, приняли участие такие известные люди, как Альберт Эйнштейн, Клара Цеткин, Анри Барбюс, Теодор Драйзер, Максим Горький. Супругам грозила смертная казнь, однако в обстановке международной кампании никто из высших китайских руководителей не желал быть ответственным за такой приговор: «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Их

передавали от военного суда гражданскому, переводили из города в город, и в итоге перед судом они предстали летом 1932 года в Нанкине.

Группа Зорге также участвовала в деле спасения Рудника и его жены: они осуществляли связь с арестованными и отправляли в Москву подробные донесения о ходе дела. Незадолго до суда Рихард сообщил в Москву, что на судьбу арестованных можно повлиять, но для этого нужно 20 тысяч долларов – на взятки^[21]. Тут же из Харбина в Шанхай были отправлены два курьера, каждый из которых имел при себе по 10 тысяч долларов США. Этими людьми были Отто Браун и Герман Зиблер. Зиблер отправился в путь сразу же после крупного наводнения. Его рассказ об этом путешествии стоит прочесть хотя бы потому, что он прекрасно передает обстановку, какая царила тогда в Китае.

«Деньги мне передали в виде нескольких тысяч банкнот, получилась внушительная кипа ассигнаций. По соображениям безопасности обмен мелких купюр на более крупные не представлялся возможным. Из-за жары в это время года обычной одеждой был легкий китайский костюм из натурального шелка. Первая проблема состояла теперь в том, как незаметно спрятать такое количество бумажных денег: сложить их в чемодан было нельзя. Плотно перевязанные пакеты с долларами я рассовал по карманам и зашил в специально для этой цели изготовленный нательный пояс. Во многих местах, где железнодорожную насыпь размыло наводнением, приходилось делать пересадку. Поезда ходили лишь на отдельных участках путей туда и обратно. Когда, одолев около 250 километров пути, мы прибыли вечером в Чаньчунь, вдруг выяснилось, что поезд дальше не пойдет. Причиной, как нам сказали,

были орудовавшие в этой местности хунхузы. Даже несмотря на сильную охрану, сопровождавшую каждый поезд, японцы порой не отваживались отправлять их по расписанию в ночное время. Гостиница, где нам предстояло заночевать, была переполнена, в двухместные номера набилось до десятка путешественников. Я провел ночь без сна, сидя на стуле: мысли о выполнении задания и тревога за сохранность доверенных мне денег не давали сомкнуть глаз. На следующее утро поезд покатил дальше на юг.

В Даурене я сел на японский пароход, отправлявшийся в Шанхай. На каждом шагу мне попадались японские шпики, смотревшие на европейцев не только с любопытством, но и с нескрываемым подозрением. Но мне повезло. В моем облике они явно не обнаружили ничего предосудительного. Наконец, я приехал в Шанхай и там деньги сложил в обычный портфель. Еще перед отъездом в Харбине я запомнил шанхайский адрес радиста группы Зорге. Этот связной был, как и я, немецким коммунистом и носил конспиративную кличку "Зеппель". Разыскать его оказалось нелегко. Плана города в Шанхае не существовало, а слишком частые расспросы могли привлечь внимание шпики. Поэтому мне оставалось только прибегнуть к помощи рикш, возивших меня по улицам. Но рикши были неграмотными, нужное направление им приходилось указывать рукой. Я почувствовал невыразимое облегчение, когда в конце концов разыскал Зеппеля во французских кварталах Шанхая, обменялся с ним паролями и передал деньги».

Трудно сказать, как повлияли эти с таким трудом доставленные деньги на приговор, достоверной информации на этот счет нет. Советские авторы утверждали, что арестованным удалось сохранить

жизнь путем подкупа судей, западные исследователи сомневаются в этом. Впрочем, коррупция в Поднебесной всегда процветала, а в описываемый период ее масштабы были просто умопомрачительны. Факты таковы: несмотря на тяжесть обвинений, подсудимые не были казнены. 19 августа 1932 года Нуленс был приговорен к смерти, но, поскольку в июне в Китае была объявлена амнистия, смертную казнь заменили на пожизненное заключение самому Нуленсу и его жене. В 1937 году супругов, даже имя которых так и не смогли установить, выпустили, для того чтобы они могли найти деньги для внесения залога – естественно, они тут же испарились из поля зрения полиции. В 1939 году Рудник и его жена вернулись в СССР, и даже никакие репрессии их не коснулись. Как видим, советское правительство не жалело ни денег, ни усилий для спасения жизни наших арестованных нелегалов. При одном условии – они не должны были признаваться, что работают на СССР. Запомним это на будущее.

В своих «тюремных записках» Рихард Зорге по пунктам формулирует стоявшие перед ним задачи. Нет необходимости их перечислять, потому что можно сказать кратко: все, кроме террора. Терактами, поставками оружия и убийствами группа Зорге не занималась, для этого имелись другие, специально подготовленные люди. Зато собственно разведку группа вела по всем возможным направлениям: социально-политическая деятельность нанкинского правительства и группировок в Китае, изучение их военной мощи, военных планов, внутренняя и внешняя политика правительства, политика других стран в Китае и даже изучение проблем сельского хозяйства, раз уж он корреспондент сельскохозяйственной газеты. Часть информации Рихард поставлял в Москву, другую через посредство Коминтерна передавал в советские

районы Китая. Герхард Эйслер, который в те годы был представителем Коминтерна в Шанхае – он-то и назвал работу Зорге «жизнью в стиле казино» – вспоминал:

«Рихард Зорге узнал, какие операции планировалось провести против советских районов. Благодаря тесным контактам с китайскими соратниками по борьбе я смог передать эти сведения по назначению. Так состоялась наша встреча. В тогдашних условиях она не могла быть продолжительной. Разговор вынужденно ограничивался самым необходимым и существенным. Несмотря на постоянно висевшую над ним угрозу, от Зорге исходило спокойствие и ощущение безопасности. Без всякой спешки за несколько минут он успевал доходчиво разъяснить замыслы и планы противника, самые сложные ситуации. Он обладал удивительным даром излагать самое существенное в нескольких коротких, точно сформулированных фразах. При этом он не только ознакомил меня с военными планами гоминьдановской клики, но и предложил ряд контрмер, посоветовал, что предпринять, чтобы не дать противнику застать себя врасплох. Во время наших бесед он не пользовался никакими записями. Он все держал в голове – и цифры, и имена, и географические названия, которые большей частью с трудом поддавались запоминанию».

Зиблера тоже поражал масштаб его интеллекта.

Но все же надо понимать, что по своему положению Зорге не мог иметь какой-то сверхэксклюзивной информации. Да его и не затем посылали. На самом деле картина, которую предоставляет разведка правительству, складывается из сотен и сотен сообщений агентов с самых разных концов земли. Эти сообщения проверяются и перепроверяются, иной раз данные о Японии проверяют через Америку и наоборот,

и лишь потом эта многократно очищенная информация ложится в итоговые сводки. Политическая информация собиралась из сотен разных источников, а военная имела в основном интерес не для Москвы, а для китайских товарищей, что тоже было полезно, поскольку СССР всемерно поддерживал китайских коммунистов. Какие-то данные подтверждали информацию, полученную с других концов Земли. Но он ни в коей мере не был суперразведчиком, «разведчиком № 1», каким его стремятся показать. Был в жизни Зорге момент, когда он давал сверхважную информацию, но это происходило значительно позже и в другой стране.

В ноябре 1932 года Рихард покинул Китай, причем покинул его внезапно, в течение одного дня. Урсула Кучински рассказывала, что как-то раз в конце 1932 года ей позвонил Джон и сказал, что во второй половине дня она должна прийти к нему домой: ее вызывает Рихард. По правилам должен был последовать еще один звонок, и только тогда следовало идти. Однако Джон не позвонил, и Урсула решила, что все отменяется. В тот вечер у них с мужем были гости, и в самый разгар вечера неожиданно зазвонил телефон. Она сняла трубку:

- Я ждал тебя два часа, - раздался знакомый голос. - Потом я звонил, но никого не было. Ты выходила?

- Да.

- Хорошо. Я хочу попрощаться с тобой...

Рихард очень хорошо относился к Урсуле, и это прощание по телефону могло означать только одно: он уезжает внезапно.

Каких только версий ни высказывали по поводу отъезда Зорге из Китая, где вроде бы все шло так хорошо. Самая распространенная – та, что Китай был

только тренировкой, а на самом деле его собирались переориентировать на Японию.

Генерал-майор Иванов в неопубликованной книге о Зорге пишет:

«Мы точно не знаем причин возвращения Зорге в Москву именно в конце 1932 года, и почему он не продолжал оставаться и работать далее. Неизвестно также и о том, настаивал ли он сам на скорейшем возвращении. Можно лишь предположить, что трехлетний срок пребывания в Шанхае был достаточен для решения первых организационных задач, и, по всей вероятности, он заслуживал перерыва в работе и отдыха в нормальных условиях. Возможно, предстояла переориентировка Зорге на другое направление, например в Японию, возможно, что появились какие-либо признаки неблагополучия. Сам Зорге никому и никогда об этом не говорил»^[22].

Последнее особенно интересно. Какие могли быть признаки неблагополучия? Генерал-майор считал, что одной из причин мог быть арест в Италии в 1932 году (а не в 1936-м, как в фильме «Земля, до востребования») Льва Маневича («Этьена»), который мог знать Зорге по Управлению. Не совсем понятно, как они могли встретиться, ибо хотя Маневич и был кадровым сотрудником Управления, но в то время готовился к заброске в Италию в качестве резидента и к восточным делам никакого отношения не имел, а Зорге кадровым работником вообще не был, и все его посещения Разведупра ограничивались визитом к Берзину. Нелегалов в здание Разведупра вообще старались не приглашать, чтобы они лишний раз не «светились» в Москве, с ними встречались на квартирах.

Затем в этом же году японская контрразведка арестовала одного из источников Ходзуми Одзаки по обвинению в шпионаже в пользу Компартии Китая, а Ходзуми был другом Зорге и работал на него. Возможно, в этом причина того, почему Одзаки в 1932 году спешно покинул Китай.

Наконец, незадолго до отъезда к Зорге пришел начальник секретной службы Компартии Китая Кан Син и предупредил, что в организацию проник провокатор. Кроме того, что предупреждение было серьезным, сам факт того, что партийному руководству известны имя и адрес нелегального резидента Разведупра, а также положение дел в резидентуре говорили о том, что с конспирацией дело обстояло весьма и весьма неблагоприятно.

Но самое странное не это. Если провокатор проник в разведывательную сеть, то снять должны были всю группу, тем более что в ней все знали всех, и на пикники вместе ездили, и с коминтерновцами общались. А выдернули в Москву только Зорге. И Вайнгартен, и Клаузен, и Римм, и Урсула остались в Китае. Значит, дело было не в провокаторе.

В 1955 году, в связи с неизвестно каким реабилитационным делом, Следственное Управление КГБ направило в ГРУ запрос по поводу Зорге. В ответе, помимо прочего, говорилось:

«Нелегальный резидент “Рамзай” возглавлял нелегальную сеть Разведупра в Шанхае в 1929-1932 годах. В связи с угрозой его провала, ввиду грубых организационных ошибок, допущенных “Рамзаем”, из Шанхая он был отозван в Центр».

На телеграмме из Шанхая, где ставился вопрос об отзыве Зорге, Берзин оставил резолюцию: «Пусть едет, не дожидаясь замены, иначе сгорит».

Скорее всего, в разведработе сыграли роковую роль те свойства Зорге, которые поссорили его с Коминтерном – излишняя инициативность, стремление все время влезать в партийные и политические дела, привлечение к работе слишком большого числа недостаточно проверенных людей, наконец, просто плохая конспирация. Итак, резидентуру принял Римм, а Зорге 12 ноября через Владивосток отправился в Москву.

Жизнь и смерть Екатерины Максимовой

Катя Максимова родилась в 1904 году в Петрозаводске, старшим ребенком в многодетной семье чиновника. С детства она занималась в театральной студии, которой руководил Юрий Николаевич Юрьин. Девочка была талантлива и после студии поступила в Ленинградский институт сценических искусств, готовилась стать актрисой. Но судьба распорядилась иначе.

Однажды в середине 20-х годов Катя встретила на улице своего старого учителя. Выглядел он плохо, ходил тяжело, опираясь на палку. Рассказал, что тяжело болен туберкулезом, что от него ушла жена, оставив маленькую дочь, что Луначарский устроил ему разрешение на поездку в Италию, но как он поедет – один, больной, с ребенком? В общем, кончилось все тем, что Катя поехала вместе с Юрьиным в Италию – как его жена. Там его и похоронила. Отвезла девочку к родным в Москву и сама осталась в столице. На сцену она не вернулась. Сначала работала в каком-то учреждении, потом пошла аппаратчицей на завод «Точприбор». Стала мастером, затем начальником цеха. Жила в маленькой полуподвальной комнатухе в Нижне-Кисловском переулке, куда все время приходили друзья.

...Не совсем понятно, зачем Зорге во время краткого визита в Москву в 1927 году понадобилось заниматься русским языком. Может быть, он еще не знал своей судьбы и думал, что останется в Союзе, а может быть, занятия стали просто предлогом познакомиться с красивой женщиной... Но, как бы то ни было, он

присоединился к друзьям-немцам, занимавшимся с Катей и приходившим на уроки к ней домой. Катя понравилась темпераментному красивому немцу – надо ли говорить, как неотразимый Рихард понравился ей? Но на этот раз он и сам попался в сеть.

Потом он куда-то пропал. Катя часто вспоминала Рихарда, но от него не было никаких вестей. И вот однажды она пришла домой, а соседи говорят, что уже несколько раз приходил какой-то красивый иностранец, спрашивал ее. Вечером этот «иностранец» появился вновь.

В начале 1933 года они поженились, и Рихард переехал к Кате.

Ему было уже тридцать восемь лет. Урсула Кучински вспоминала, как он, придя поздравить ее с рождением ребенка, отвернул край одеяла и долго молча смотрел на малыша. Она так и не поняла, в чем дело, и подумала: «Наверное, такого маленького он никогда не видел...».

...Но теперь и у Рихарда появилась жена. Однако вместе они пробыли очень недолго, всего три месяца. Вскоре он снова уехал, надеясь, что командировка продлится недолго. Супруги еще раз увиделись через два года, когда Зорге на пару недель приезжал в Москву. Он побывал на приеме у нового начальника Разведупра Урицкого и в порядке «личного дела» попросил, чтобы Кате дали комнату получше. Перед расставанием они условились, что муж станет посылать ей какие-нибудь пустяковые сувениры, изготовленные в том месте, где он будет находиться, чтобы Катя хотя бы приблизительно знала, где он теперь.

Впрочем, письмами они могли обмениваться – письма снимались на микропленку и доставлялись вместе с донесениями. Иной раз Рихард ухитрялся посылать жене и посылки.

«Милая Катюша! – писал он в одном из писем. – Наконец-то предоставилась возможность дать о себе знать. У меня все хорошо, дело движется. Посылаю свою фотокарточку. Очень тяжело, что я давно не знаю, как ты живешь. Пытаюсь послать тебе некоторые вещи. Серьезно, я купил тебе, по-моему, очень красивые вещи. Буду счастлив, если ты их получишь, потому что другой радости я, к сожалению, не могу доставить, в лучшем случае – заботы и раздумья. В этом смысле мы с тобой “бедняги”».

Вскоре Катя написала, что ждет ребенка. Рихард, не обращая внимания на суеверия или не зная о них, прислал посылку с детскими вещами и велел, если будет девочка, назвать ее Катей или хотя бы дать имя, которое будет начинаться с буквы «К».

Однако ребенок так и не родился...

«Я постоянно спрашиваю себя, – написал ей как-то Рихард, – не была ли бы ты счастливее без меня? Не забывай, что я не стал бы тебя упрекать... хотя лично я все больше и больше привязываюсь к тебе и более, чем когда-либо, хочу вернуться домой, к тебе. Но не это руководит нашей жизнью, и личные желания отходят на второй план...»

Как тут не вспомнить Нуленса, других нелегалов, которые брали с собой за границу жен и даже детей. Но не в Японию – это была совершенно не та страна, куда можно взять близкого человека.

Два года, три, четыре... Обычные, средние сроки заграникомандировок разведчиков давно уже были исчерпаны.

В январе 1937 года Рихард пишет:

«Милая К. Итак, Новый год наступил. Желаю тебе самого наилучшего в этом году и надеюсь, что он будет последним годом нашей разлуки...»

1938 год.

«Дорогая Катя! Когда я писал тебе последнее письмо в начале этого года, то был настолько уверен, что мы летом вместе проведем отпуск, что даже начал строить планы, где нам лучше провести его. Однако я до сих пор здесь. Я так часто подводил тебя моими сроками, что не удивлюсь, если ты отказалась от вечного ожидания и сделала отсюда соответствующие выводы. Мне ничего не остается более, как только молча надеяться, что ты меня еще не совсем забыла и что все-таки есть перспектива осуществить нашу пятилетней давности мечту – наконец получить возможность вместе жить дома. Эту надежду я еще не теряю даже в том случае, если ее неосуществимость является полной моей виной или, вернее, виной обстоятельств, среди которых мы живем и которые ставят перед нами определенные задачи...»

...

«Дорогая Катя! Наконец-то я снова пишу тебе. Слишком долго я не мог этого сделать, не получая также ничего от тебя. А мне это было так необходимо... Не знаю, не потеряла ли ты уже терпение, ожидая меня? Но, милая, иначе невозможно.

Мне кажется, ты захочешь меня увидеть, несмотря на то, что ожидание было слишком долгим, и я очень устал. Жизнь без тебя очень тяжела и идет слишком медленно. Что ты делаешь? Где теперь работаешь? Возможно, ты теперь уже крупный директор, который возьмет меня на фабрику в крайнем случае мальчиком-рассыльным? Ну ладно, уж там посмотрим. Будь

здоровая, дорогая Катя. Не забывай меня, мне ведь и без того достаточно грустно...»

Кате действительно в том же 1935 году выделили большую светлую комнату на четвертом этаже общежития политэмигрантов «Красная Звезда» на Софийской набережной. По тем временам это были прекрасные условия. В 1940 году связь с ней держал М. И. Иванов, который потом вспоминал, как выглядело это жилье.

«Мы поднялись на последний этаж и вошли в уютную комнату с квадратным столом и парой стульев, тщательно прибранной кроватью за ширмой и комодом с нависающим над ним зеркалом. В углу стояла этажерка с книгами, а недалеко от входа на тумбочке располагался керогаз, на котором стоял чайник».

«Она была мягкая и стеснительная, эта Катя, – продолжал дальше рассказчик. – Ввиду исключительных заслуг Зорге, в нарушение всех инструкций и предписаний, ей было разрешено писать мужу письма без перевода и обработки цензурой. “Без правки и с ее ароматом”, – так говорил Зорге перед своим отъездом. Екатерина писала по-французски, и с чтением ее писем Рихард мог справиться сам. Он же писал по-немецки, и я был невольным свидетелем интимных нежных выражений, естественных в семейной переписке. И мне, и ей было неловко, когда я деревянным голосом озвучивал ласковые слова, сидя за накрытым скатертью столом, на котором стояли чашки с чаем и скромное угощение».

Как-то раз перед 7 ноября Иванов пришел в ней в очередной раз. Катя пошла в булочную за угощением к чаю, а он остался. Просматривал книги на этажерке, перелистывал семейный альбом, где были и фотографии Рихарда. Вернувшаяся Катя тихонько

спросила: «Неужели ваш Рихард такая личность, что никто в Москве не может обойтись без его услуг там, за рубежом? Он ведь так давно не был в отпуске...». И тут же, оборвав себя, пошла заваривать чай.

Примерно в то же время о разрешении приехать в Москву просил и Рихард, но ему отказали. Почему – об этом потом...

«В другой раз она, рассказывая, что Рихард рекомендовал ей изучать немецкий или другой европейский язык, спросила, может ли она когда-нибудь стать помощницей Рихарда в его опасном деле? Подобные вопросы не входили в мою компетенцию. А говорить от себя не хотелось. Поэтому я многозначительно показал пальцем на потолок: “Все зависит от начальства и Господа Бога”. Мой жест она поняла и к этой теме больше не возвращалась».

В последний раз они виделись с Михаилом Ивановым в декабре 1940-го, накануне Нового года.

«Встреча была продолжительной, говорили о разном. Я сообщил, что на определенное время вынужден покинуть Москву. В ее глазах засветился немой вопрос: “Туда?”. Я молча кивнул. Пожелав Кате счастья в новом году и успехов в работе на ее заводе “Точизмеритель”, я попрощался. В тот раз вниз до вахтера Екатерина Александровна меня не провожала, а, постояв на ступеньках верхнего этажа, подняла руку и осенила меня прощальным жестом, как крестным знаменiem, так издавна провожали в далекий путь на Руси...»

Но они увиделись еще раз. Через несколько дней, уже в январе, Иванов уезжал в Японию. На Ярославском вокзале перед посадкой в транссибирский экспресс он,

перед тем как сесть в вагон, окинул взглядом здание вокзала, толпу на перроне... И на соседней платформе увидел женщину в шубке и белом полушалке. Это была Катя. Заметив его, она помахала рукой...

...Катю арестовали 4 сентября 1942 года, почти через год после ареста Рихарда. При обыске из «предосудительного» нашли только карту Москвы и нательный крестик. Впрочем, провал Зорге был тут ни при чем, и арестована она была вовсе не как ЧСИР («член семьи изменника Родины»). На следствии речь о Рихарде не шла, и после освобождения она была уверена, что с мужем все в порядке.

На самом деле Катю арестовали по оговору одной из родственниц. По крайней мере, так утверждается в публикации газеты «Московский комсомолец» «Подвиг жены разведчика». «МК» – не то издание, которому можно верить безоговорочно и даже с оговорками, тон статьи вызывает еще меньше доверия, да и сама она изобилует мелкими фактическими ошибками. Однако будем надеяться, что выдержки из следственного дела, приведенные там, подлинные.

Из показаний Гаупт Елены Владимировны, 1910 года рождения, уроженки Свердловска, арестованной в мае 1942 года:

«Я хотела скрыть участие в моей шпионской организации и деятельности моей родственницы Екатерины Максимовой. В мае 1937 года я приехала в г. Москву и остановилась у Е. Максимовой на ул. Софийская набережная, № 34, кв. 74. Она жила там, занимая одну большую комнату, записанную на фамилию “Фрогт”, как я увидела из счета, поданного ей комендантом дома. Квартира ей стоила свыше 100 рублей. Я спросила ее, как ей хватает на жизнь своего

заработка, она отвечала, что у нее есть другие источники дохода, и стала мне показывать кое-что из своих вещей, часы и еще несколько золотых вещей, а также нарядные платья. Я спросила, откуда она их взяла, она отвечала, что ей подарил все это "Миша Фрогт". Я спросила, где он работает и много ли получает. Она ответила уклончиво, что по работе он часто бывает за границей в длительных командировках и лишь изредка приезжает в Москву. Она сказала, что мне поможет заработать денег, и предложила под видом сбора статистических данных дать некоторые сведения по своей работе. Затем она выдала мне 500 рублей и велела написать расписку, как счет получения аванса».

...

*Из постановления о продлении срока следствия
8 сентября 1942 года*

«Установлено, что Максимова Е. А. с 1937 года поддерживала связи с германским подданным Зарге Рихарт, временно проживавшим на территории СССР, заподозренным в шпионской деятельности...»

Интересна подпись: «начальник следственного отделения транспортного отдела НКВД железной дороги им. Л. М. Кагановича, лейтенант госбезопасности Кузнецов». Невелико, значит, было дело, если им занимался какой-то лейтенант. Но следователь был куда как ретив. Трудно сказать, какие методы он применял, однако в октябре 1942 года Катя вроде бы призналась: «Да, с 1933 года я была агентом немецкой разведки. Была завербована на эту работу Шталем».

В ноябре 1942 года лейтенант госбезопасности Кузнецов написал:

«Установлено, что в 1934 году Максимова связалась по поручению агента германской разведки, прибывшего из-за границы, со Шталем и собирала материалы о политических настроениях трудящихся СССР провокационного характера».

Нет ничего удивительного в том, что в 1942 году человека по имени Рихард Зорге заподозрили в шпионаже. Говорила ли Катя на допросах, кто на самом деле ее муж? В статье вроде бы утверждается, что говорила. Но так ли это? Жены разведчиков были проинструктированы крепко: не болтать, чем занимаются мужья! Никогда и ни с кем! И она просто-напросто не имела права рассказывать какому-то там лейтенанту, кто такой на самом деле Рихард. И, кстати, в той же статье говорится, что на вопросы следователей: известно ли ей, чем занимается за границей ее муж, она отвечала: «Нет!».

Почему она призналась? Вероятней всего, чтобы выйти из-под опеки ретивого лейтенанта. Расчет был простой: как «шпионку» ее либо отправят к более серьезному следователю, либо будут судить. Тогда можно сказать правду. И действительно, 17 ноября 1942 года Катю перевели в Москву. Теперь перед ней сидел уже не лейтенант Кузнецов, а настоящий серьезный следователь – и она отказалась от своих свердловских показаний. К тому времени и оговорившая ее Елена Гаупт уже была на том свете: 2 ноября 1942 года она повесилась в камере следственного изолятора.

«Все это время я давала ложные показания, – заявила Катя на допросе. – Никакой шпионской работы я не выполняла. У меня не было другого выхода. Показания против Гаупт я дала только тогда, когда мне предъявили протоколы ее допросов, где она ссылается на меня как на вербовщицу... Про Шталя мне сказали, что он арестован за шпионаж, и мой муж также

известен органам НКВД как шпион. Меня вынудили показать, что Шталь рассказал мне про мужа, будто Рихард вел шпионскую работу против СССР... Но мне об этом ничего не известно...».

Больше Катю на допросы не вызывали – проверяли.

Проверка не заняла много времени. Уже 13 марта Особым совещанием при наркоме внутренних дел за связи, подозрительные по шпионажу, она была приговорена к пятилетней ссылке в Красноярский край. 15 мая Катя приехала в Большую Мурту, населенный пункт в 120 километрах от Красноярска. По-видимому, она так и не сказала, кем был ее муж. А ссылка? Тут надо понимать, что такое в годы войны была высылка из голодной Москвы в Сибирь. Дополнительный шанс пережить эту войну...

Судьба лейтенанта Кузнецова неизвестна. Но судя по тому, сколько времени заняла проверка, и по судьбе Кати в Москве быстро разобрались с этим делом, по которому был явный оговор под давлением следствия и самоубийство в камере. После 1938 года в ведомстве Берии со следователями, выбивавшими и выдавливавшими из арестованных показания, особо не церемонились...

Итак, в мае 1943 года Катя приехала в Красноярский край. Летом 1943 года ее подруге в Москве позвонил какой-то мужчина и передал привет. Он познакомился с Катей на вокзале в Красноярске. Пока они разговаривали, та выпила тринадцать стаканов горячего чая – в тюрьме чаю не полагалось.

21 мая она писала сестре:

«Милая сестричка! Вот я опять наслаждаюсь небом, воздухом и полной свободой. Случилось это на днях – мое возрождение. Правда, меня клонит к земле от

слабости, как былинку... От Ики я буду получать, как и раньше, у него все в порядке...».

Ей так и не сказали, что Рихард арестован. Даже в лагерь не отправили. По-видимому, проверили, установили полную невиновность и выпустили.

«Милая мамочка! – писала она. – Господи, какая я сейчас бедная, голая, грязная! Мама, пишите мне чаще, ради Бога, если не хотите, чтобы я сошла с ума. Ведь я столько времени ни от кого ничего не слышала. Приезжайте ко мне на свидание, буду очень рада. Верю, что опять буду на коне, добьюсь хорошей жизни. Сейчас бы как-нибудь не сдохнуть и продержаться. Подкормиться немножко – вот главное...»

На свободе она пробыла недолго. Уже через месяц с небольшим ее мать, Александра Степановна Максимова, получила письмо от человека, для которого изложение мыслей на бумаге явно было не в привычку.

«Здравствуйте! Привет из Сибири. Сообщаю вам, что ваша Катя 3 июля 1943 года, находясь на излечении в муртинской больнице, умерла. Сильно не беспокойтесь, видимо, ее судьба такова, и сейчас страна теряет тысячи героинь и героев. Если хотите узнать подробнее, то пишите. С приветом. Елена Васильевна Макеева».

Позднее, по-видимому в ответ на запрос, пришло еще одно письмо.

«Ваша дочь поступила к нам в больницу 29 мая с химическим ожогом. Лечение проводилось открытым способом, т. е. был сделан каркас, который прикрывался простыней. Иногда у нее со слезами срывался вопрос: за

что? Иногда она говорила, что только хочет увидеть свою мать...

Деньги, оставшиеся после нее, 450 рублей, израсходовали на могилу, похороны и крест. После нее остались вещи: серая юбка шерстяная, теплая безрукавка и сорочка. Галоши старые. Вещи хранятся на складе больницы у кастелянши...»

Судя по упоминанию о «героях и героинях», Катя погибла в результате несчастного случая на производстве. Так и осталось неизвестным, какое производство находилось в этой самой Большой Мурте: множество эвакуированных предприятий было разбросано по Сибири...

Программа-максимум Гиити Танака

Вернемся в 1926 год – тот год, когда умер император Японии Иосихито и на престол вступил молодой император Хирохито. Несколько позже, весной 1927 года, к власти пришло правительство во главе с отставным генералом, выходцем из древнего самурайского рода Гиити Танака.

Японские самураи – это примерно то же, что прусские юнкеры, и по воинственности, и по спеси. Потомственный военный, приверженец самурайских принципов и имперской идеологии, председатель партии Сейюкай, за которой стояли аристократия и крупные капиталисты, в своих грандиозных планах Танака предвосхитил Гитлера.

Впервые новый премьер открыто высказал свои намерения весной 1927 года, после закрытой конференции по делам Востока, на которой присутствовали лишь члены кабинета, некоторые тщательно отобранные дипломаты и военные. По результатам конференции он составил доклад императору, вошедший в историю под названием «меморандума Танаки».

Согласно новой политике Япония должна была выйти за пределы своего острова и, завоевывая одну территорию за другой, образовать азиатскую империю – это, так сказать, программа-максимум. Была и программа супермаксимум – достижение мирового господства, но это уже как бы за пределами обозримого будущего, вроде «построения коммунизма».

В мировое господство умному человеку, даже самураю или императору, поверить было бы

трудновато. Но азиатская империя – почему бы и нет? Огромные по людским ресурсам и слабые в военном отношении страны Азии и огромные безлюдные территории советского Дальнего Востока прямо-таки просились под управление японского императора. Так, по крайней мере, мыслил японский премьер Танака.

Завоевание мира предполагалось начать с Маньчжурии и Монголии.

«Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай, – говорилось в меморандуме. – Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малые страны, Индия, а также страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится оспаривать наши права».

Итак, порядок достижения мирового господства мыслился таким: сначала Маньчжурия и Монголия, затем Китай, после него Индия и Индокитай, затем Малая Азия, Центральная Азия и, наконец, Европа. Это что касается движения из Китая на юг.

Но для Советского Союза, как нетрудно догадаться, был особенно интересен аспект меморандума и новой политики, посвященный движению из Китая на север.

«Продвижение нашей страны в ближайшем будущем в район Северной Маньчжурии приведет к неминуемому конфликту с Красной Россией. В этом случае нам вновь придется сыграть ту же роль, какую мы играли в русско-японской войне... В программу нашего национального развития входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией...». Откровенно. Но пока что тайно.

7 июля 1927 года меморандум был написан, 25 июля его подписал император, и он был отправлен в генеральный штаб как руководство к действию. Естественно, планы эти тщательно скрывались от будущих жертв и противников и в первую очередь от СССР. Но через семь месяцев после вручения меморандума императору советский полпред в Японии А. А. Трояновский попросил премьера Гиита Танака о встрече. Японец, словно предчувствуя не слишком приятный разговор, предложил провести неофициальную беседу, чтобы, как он выразился, «не вызвать ревность со стороны других государств и не создавать почву для излишних разговоров». Он прибыл в советское посольство в сопровождении одного лишь переводчика, важного гостя встретили накрытым столом, блинами с икрой. Все чин чинком, как положено.

И, лишь отдав дань традиционной общей беседе, советский посол приступил к делу, ради которого, собственно, и просил о встрече. Да, не зря японский премьер предложил сугубо приватную беседу, Танака был умен...

– Кое-какие отдельные заявления, имевшие место здесь, в Токио, – говорил полпред, – кое-какие намеки... все это дает повод для недоразумений, создает почву для разного рода предположений и затрудняет благоприятное решение целого ряда конкретных вопросов тем, что заставляет думать о каких-то широких планах Японии в отношении нашего Дальнего Востока.

– Это не более как недоразумение, – ответил Танака. – Я торжественно заявляю, что никаких намерений и планов, никаких мыслей относительно нападения на СССР и территориальных захватов у нас нет и быть не может. Это, несомненно, какое-то недоразумение...

Поговорив еще некоторое время в таком же духе, дипломаты разъехались. Трояновский, естественно, не поверил японцу, а Танаке теперь предстояло крепко подумать, откуда произошла утечка информации. Он не знал, что к тому времени копия меморандума уже давно была доставлена в Кремль. Ее еще в 1927 году добыла резидентура ИНО ОГПУ в Харбине. Удостоверившись в подлинности документа, его решили опубликовать – естественно, не у нас. По одним данным, меморандум был впервые предан гласности в 1929 году в китайском журнале «Чайна критик», по другим – фотокопия и английский перевод документа были переданы для публикации в США.

Скандал получился грандиознейший. Японская контрразведка так и не нашла ответа на вопрос, каким образом сверхсекретный документ попал в прессу? Решили, что это сработала американская разведка – роль нашей харбинской резидентуры вскрыть так и не смогли.

Однако обнародование планов японского правительства никоим образом не привело к их отмене. 18 сентября 1931 года на Южно-Маньчжурской железной дороге (ЮМЖД), принадлежавшей Японии, произошел взрыв. Взрыв был несильным и последствия его невелики – всего лишь один поезд сошел с рельсов, – однако свою основную задачу он выполнил, послужив поводом для вторжения японской армии в Северный Китай. К концу октября Южная Маньчжурия была полностью захвачена.

Правительство Китая заняло нейтральную позицию, озабоченному постоянной борьбой за власть Чан Кай-ши было не до Маньчжурии, да и силы у него, как он сам понимал, не те, чтобы сражаться с японцами. США и другие страны, убедившись, что вектор агрессии направлен на север, отнеслись к действиям Японии вполне благодушно. В Лиге Наций шли бесконечные

препирательства по поводу «права Японии вести карательные операции для защиты интересов своих граждан». Затем все же была сформирована так называемая «комиссия Литтона» по изучению положения дел в Маньчжурии. Комиссия однозначно сделала вывод, что имеет место агрессия – утверждать, что японская армия гуляет в тысячах километров от родного острова ради самозащиты, они все же не решились. После того как Лига Наций 40 голосами против одного (японской делегации) утвердила доклад Литтона, правда не предприняв против агрессора никаких санкций, Япония, «обидевшись», вышла из этой организации. Страна Восходящего Солнца явно готовилась к масштабной войне: уже в начале 30-х годов она по объему военных расходов заняла пятое место в мире.

В феврале 1932 года на захваченной маньчжурской территории было провозглашено независимое государство Маньчжоу-Го, во главе которого японцы поставили «императора» Айсинцzero Пу И, последнего представителя китайской императорской династии Цинь. Японская Квантунская армия быстро продвигалась к северным границам Китая. Она была слишком слаба для нападения на СССР, но вектор движения просматривался совершенно четко, тем более что в конце 1931 года Япония отклонила очередное предложение Советского Союза подписать пакт о ненападении (первые предложения были в 1928 и 1930 годах). Япония обычно нападала без объявления войны, так что советский Дальний Восток превратился в зону постоянной напряженности. Забегая вперед, можно сказать, что в течение 1932–1940 годов японские военнослужащие 891 раз нарушали границу СССР, 433 раза обстреливали советскую территорию и суда, в результате было убито 80 и ранено 107 человек. Японская разведка перебросила на территорию

Советского Союза 57 вооруженных банд, и советские пограничники задержали 2732 японских шпиона.

Нетрудно понять, что Дальний Восток в 30-е годы был объектом особого внимания и советской разведки. Особую роль тут играла войсковая разведка ОКДВА – Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии. Не зря туда в апреле 1935 года направили Яна Берзина, а помощником у него стал «главный диверсант Разведупра» Христофор Салнынь. Много наших разведывательных сетей было и в Маньчжурии, и в Китае.

Что же касается самой Японии, то работа в этой стране, изолированной от континента, насквозь пронизанной древними традициями, была очень трудна. Еще в 1908 году русский военный агент, полковник Генерального штаба Самойлов писал, что «в Японии разведка является делом особенно трудным и рискованным». Почему? Он выделял несколько особенностей национального характера японцев:

1. Патриотизм японцев, воспитанных в строгих правилах преданности престолу и отечеству и в очень редких случаях идущих на сотрудничество с иностранной разведкой.

«Предлагающие свои услуги обычно бывают принуждены к этому денежными затруднениями вследствие игры и кутежей, а так как в Японии игры запрещены, то много шансов за то, что данное лицо уже находится под наблюдением полиции и за каждым шагом его следят, следовательно, он легко может попасться, что обыкновенно и бывает довольно скоро».

2. Скрытность и недоверчивость японцев. Их

«...никоим образом нельзя обвинить в болтливости. Многие из того, что в европейских странах является предметом обыденных разговоров офицеров,

чиновников и пр., никогда не обсуждается вне присутственных мест. Следовательно, уничтожается возможность кому бы то ни было услышать и воспользоваться этим для каких бы то ни было целей».

3.   Расширительная   трактовка   понятия «секретность».

«В Японии секретными считаются многие вещи, которые в европейских странах появляются в печати и продаются для публики: большая часть карт, все учебники военных училищ, штаты и пр. секреты».

4.   Широко распространенная в стране сеть осведомителей.

«Укоренившаяся среди японцев привычка шпионить и подсматривать друг за другом выработала из них отличных агентов тайной полиции. В Японии не считается позорным ремесло доносчика и шпиона».

«Без преувеличения можно сказать, что за всеми официальными лицами, живущими в Японии, по пятам следует агент полиции. Иногда он даже не скрывается, и в случае вопроса о том, зачем он неустанно следует, обыкновенно дается ответ, что это делается для безопасности... Японцы не стесняются осматривать вещи в отсутствие владельца, прочитывать письма, подслушивать...».

5.   Хорошо организованная служба жандармерии и полиции.

К середине 30-х годов атмосфера шпиономании, царившая в стране, усилилась до немыслимых пределов. Уже в 1934 году на содержание спецслужб страна расходовала в пять раз больше средств, чем Великобритания со всеми ее колониями, и в 80 раз

больше, чем США. К 1938 году эти расходы возросли еще в шесть раз.

Разведкой и контрразведкой занимались сразу несколько различных служб. Самой многочисленной, разветвленной и всеобъемлющей среди специальных служб была тайная полиция и контрразведка – Кемпейтай, подчинявшаяся непосредственно министру внутренних дел. В 1945 году эта организация насчитывала 140 тыс. платных агентов, из которых половина являлась штатными сотрудниками. Причем это были далеко не европейские контрразведчики. Каждый будущий агент после тщательнейшей проверки его самого и всей семьи на шесть лет призывался в армию, а потом, если он оказывался подходящим для этой работы, то проходил еще и годичные курсы. Кроме того, он должен был знать несколько иностранных языков. Сотрудники и агенты Кемпейтай были везде и контролировали все: бюро переводов и фотомагазины, аптеки и публичные дома. А слежка за иностранцами в охваченной шпиономанией Японии была поистине всеобщей.

Коллега Зорге, немецкий журналист Фридрих Зибург вспоминал:

«В двух или трех поездках, предпринятых мной вместе с Зорге, нам пришлось иметь дело с прямо-таки несметным числом полицейских в форме и в штатском, ходивших за нами по пятам, проверявших наши документы и заводивших с нами разговоры... Нередко во время утреннего бритья в моем гостиничном номере появлялся довольно нечистоплотный молодой человек со множеством авторучек в нагрудном кармане; непрерывно кланяясь и с почтительным шипением втягивая воздух, он представлялся полицейским агентом и выражал надежду, что я чувствую себя в Японии в полной безопасности. То же самое

происходило со мной и во время экскурсий, в общественных парках и даже в храмах.

Эти молодые люди с их буквально кричащей “неприметностью” большей частью бывали совершенно удовлетворены, как только я вручал им свою визитную карточку с надписью на японском языке. Агент Кемпейтай, как правило, долго изучал визитку, словно какой-то особо важный документ, отвешивал очередной поклон и просил разрешения оставить ее у себя.

Вместе с Зорге я побывал также в городах Киото, Нара и Ямада, где мы осматривали священные храмы. В поездах к нам то и дело обращались какие-то люди, пользуясь несколькими фразами на ломаном английском или немецком языках, и просили у нас визитные карточки. На вокзале в Ямада нас обступила целая группа полицейских в форме; беспрерывно кланяясь и с почтительным шипением втягивая воздух, они записали наши биографические данные... Как-то раз один из полицейских даже попросил разрешения осмотреть наши авторучки. Позже я узнал, что японцы испытывают особый страх перед авторучками, ибо считают, что с их помощью шпионы производят фотосъемку или разного рода измерения. Постоянно велись также разговоры об инфракрасных лучах, с помощью которых якобы шпионы проделывали свои темные дела...»

Тот же Зибург рассказывал, как полицейский агент инструктировал на предмет распознавания шпионов... гейш. Оказывается, шпиона легко можно узнать по внешнему виду. Это мужчина, конечно белый. Он носит пальто с поднятым воротником и шляпу, держит в зубах короткую трубку, а в глазу – монокль. Гейши слушали молча и внимательно. Впрочем, шпиону ничего не стоило обвести их вокруг пальца: достаточно было узнать от доверенной подружки содержание

инструктажа, опустить воротник пальто и оставить дома трубку и монокль...

Новая командировка

В Москве Рихард пробыл совсем недолго, около трех месяцев. Практически сразу же после первой командировки его послали в другую. Неужели он был так уж срочно нужен в Японии? Обычно нелегалам после длительного пребывания за границей давали отдохнуть, затем отправляли на переподготовку, кадровым сотрудникам предоставляли возможность поработать в центральном аппарате. Правда, последнее Рихарда не касалось, поскольку он не был кадровым сотрудником. Генерал Судоплатов квалифицирует его как специального агента. Но и специальному агенту ни дом отдыха, ни разведшкола несколько бы не помешали. Однако Рихарда не отправили на переподготовку, хотя и подготовки в свое время он не получил. Для сравнения: нелегала Артура Адамса перед командировкой в США готовили девять месяцев, а США – это далеко не Япония, это намного проще. Да, у Зорге был определенный конспиративный опыт, но имелось достаточно много специфических вещей, которых он не знал. Тот же Судоплатов отмечает: «К сожалению, он не был подготовлен к поведению на случай провала». И не только к этому...

В 1935 году, когда начальник ИНО НКВД Артузов был назначен заместителем начальника Четвертого управления, с ним вместе в Разведупр пришла группа чекистов. В команде Артузова был и Борис Гудзь, который стал куратором группы «Рамзай». Уже в наше время в одном из своих интервью он сказал:

«Когда я познакомился с легендой “Рамзая”, то был просто поражен ее непродуманностью. В 20-е годы в Германии Зорге был партийным функционером-антифашистом. Он редактировал газеты, писал статьи,

выступал на различных собраниях и, конечно, не мог не попасть под подозрение полиции. Потом в качестве корреспондента немецкой газеты отправился в Шанхай, где работал два года... Затем некоторое время жил в Москве. Отсюда его направили работать в Токио корреспондентом. По нашему мнению, это было грубейшее нарушение конспирации. Когда мы проводили подобные операции, то продумывали всю легенду до мельчайших подробностей... Карин и Артузов тоже считали, что “Рамзай” висит на волоске, и его разоблачение лишь вопрос времени».

Можно спорить со старым чекистом, можно соглашаться. Однако едва ли засылку Зорге в Токио так, как она была произведена, можно назвать иначе, чем авантюрой. Да, Зорге был авантюрист, да и Берзин тоже не чеховский Беликов, но на сей раз все как-то уж слишком...

Это было трижды опасно. Япония – это не Китай, перекресток всех дорог и ярмарка авантюристов. Япония – закрытое общество, с очень развитой полицией и охваченное шпиономанией. Во-первых, Зорге мог попасть на крючок японской контрразведки еще в Шанхае. Во-вторых, немецкое посольство в Токио могло заинтересоваться его прошлым. Ладно, работу в компартии еще можно было списать на «ошибки молодости», а на что спишешь работу в Европе по линии Коминтерна? А если удастся узнать, что он несколько лет прожил в СССР? Тем более что его фотографии так свободно лежали у его жены в семейном альбоме... Наконец, и шанхайские немцы могли передать в Токио информацию об участии Зорге в коммунистической деятельности уже в Китае.

Один из начальников японского отдела М. И. Сироткин в своей докладной записке «Опыт

организации и деятельности резидентуры “Рамзая”» пишет:

«К сожалению, в освещении плана организации резидентуры для нас остается весьма существенный пробел... Этот пробел заключается в следующем: нигде, ни в одном документе не зафиксировано, какие установки и указания получил “Рамзай” при инструктировании и обсуждении плана работы по вопросу о парировании “Шанхайской угрозы”, какая была разработана легенда для объяснения прежней деятельности “Рамзая” в Шанхае, на случай если токийские немцы получают какие-то сообщения из Шанхая. Трудно допустить, чтобы этот вопрос, определявший основной риск использования “Рамзая” в Японии, остался вне поля зрения “Рамзая” и руководства Центра. Если даже допустить, что в силу какой-то небрежности этот вопрос не обсуждался, то трудно поверить, чтобы сам “Рамзай”, многократно напоминавший Центру об “угрозе из Шанхая”, не продумал заранее для себя легенды и тактики поведения на случай, если из Шанхая в Токио “долетят кое-какие брызги грязи”».

«Рамзай»-то, может статься, и продумал, в конце концов сидеть в японской тюрьме предстояло ему, а не руководству. Но что касается руководства... Порядки в советской военной разведке совершенно не напоминали знакомые нам по книгам и фильмах «будни разведки». Вот как вы думаете, за что в 1934 году сняли начальника Разведупра (IV Управления Штаба РККА) Яна Берзина? Из-за интриг недоброжелателей? По произволу Сталина? Нет, его сняли после грандиозной серии скандальных провалов.

Провалы начались в Вене, где в 1932 году были задержаны резидент Константин Басов (Ян Аболтынь) и

еще четыре разведчика. Судя по тому, что по возвращении Басова наградили орденом Красного Знамени, его вины тут не было. Но вот выкрутился он крайне любопытным образом. Спасло его и товарищей... вмешательство руководителя абвера, немецкой военной разведки, полковника Фердинанда фон Бредова. Тот, по просьбе еще одного советского агента, сумел добиться освобождения арестованных, благо Басов при аресте заявил австрийским властям, что выполнял задание в контакте с рейхсвером. Так что арестованные сотрудники нелегальной резидентуры были всего лишь высланы из Австрии. Любопытный факт дружбы между Разведупром и абвером, вы не находите?

Продолжение последовало в Латвии. 4 июня 1933 года латвийская полиция разгромила одну из советских резидентур. Провал произошел чисто по вине центрального руководства: зная, что два агента известны латвийской контрразведке, оно не приняло никаких мер. Кстати, о провале руководство Разведупра узнало... из бюллетеней иностранной информации ТАСС.

Выводов из этой истории сделано не было, и провалы последовали в других странах. 6 июля 1933 года в Гамбурге был арестован курьер IV Управления, член компартии Германии Юлиус Троссин. На сей раз по вине латвийской резидентуры, которая знала об опасности, но не предупредила. Последствия провала оказались очень тяжелыми, на долгое время прервалась связь с резидентурами в Америке, Румынии, Эстонии и Англии.

Тогда же, в июле 1933 года, вскрылось, что часть агентуры 4-го отдела штаба Белорусского военного округа перевербована польской разведкой.

В сентябре 1933 года одновременно произошли аресты агентов советской военной разведки в Румынии и Турции.

Затем, 10 октября 1933 года, в Хельсинки полиция арестовала нелегального резидента IV Управления Марию Шуль-Тылтынь и ее помощников. Незадолго до этого бывший начальник пункта разведывательных переправ 4-го отдела штаба Ленинградского ВО был разоблачен как финский агент. Естественно, необходимо было срочно перестраивать работу резидентуры. Однако IV Управление снова не пошевелилось.

И сразу же последовал грандиозный провал во Франции. 19 декабря 1933 года в Париже были арестованы резидент IV Управления В. Беркович с женой и значительная часть их агентов. Аресты продолжались более года и, кроме Франции, затронули агентурную сеть в Великобритании, Германии и США. Французский провал, явно связанный с финским, также можно было предотвратить. Еще в 1932 году тогдашний резидент Разведупра в Париже Килачицкий обнаружил ведущееся за ним наблюдение и сообщил руководству – и снова никакого ответного действия.

А уж что творилось на пунктах разведывательных переправ (ПРП) разведотделов военных округов! (Через эти пункты за кордон перебрасывались агенты, которые действовали в пограничной полосе глубиной 150–200 км). Это было что-то немыслимое. Так, 10 сентября 1933 года румынская контрразведка разгромила резидентуру Одесского ПРП, относившегося к 4-му отделу штаба Украинского ВО. Провал произошел по вине начальника ПРП Днепровца, который переправил за кордон, несмотря на возражения областного отдела ОГПУ, двух человек, имевших контакт с людьми, являвшимися румынскими агентами. Вдобавок к этому оказалось, что сотрудник ПРП Федотов также связан с одним из агентов румынской разведки. Днепровцу предложили отстранить Федотова от работы, однако он не только не сделал этого, но послал его на курсы

переподготовки, а затем привлек к операции по переброске за границу. И в довершение всего выяснилось, что ведавший переправами сотрудник Каминский в пьяном виде систематически выбалтывал посторонним лицам секретные сведения о работе пункта.

Одесский ПРП был отнюдь не единственным в своем роде. Так, 15 сентября 1933 года в течение одного дня произошли два провала агентов, переброшенных в Турцию Ленинанским ПРП штаба Краснознаменной Кавказской армии. Причиной первого стала переброска за рубеж подозрительного по своим связям источника Даги Садыхбекова, а второй провал произошел из-за привлечения к вербовочной работе провокатора Мамеда Мама-оглы. Армянское ГПУ предупреждало о ненадежности Садыхбекова, но руководство Ленинанского ПРП проигнорировало этот сигнал. Одновременно последовали провалы на Эриванском, Батумском и других ПРП. Причины были аналогичными – проникновение в агентурную сеть Разведупра предателей и провокаторов, а также полное игнорирование соответствующих предостережений органов ГПУ.

Но это оказались еще цветочки. В начале июля 1933 года, во время ликвидации в Белоруссии контрреволюционной организации «Белорусский национальный центр», стало известно, что 19 сотрудников негласного состава 4-го отдела штаба Белорусского военного округа одновременно являются членами этого центра, а также агентами польской разведки.

9 февраля 1934 года произошел провал одной из резидентур 4-го отдела штаба Украинского ВО в Аккермане (Румыния). В результате были арестованы 10 агентов, в том числе резидент Апреленко. Причиной явилось преждевременное возобновление связи с

агентами, законсервированными после предыдущего провала резидентуры Одесского ПРП в сентябре 1933 года. С арестом резидента была ликвидирована вся резидентура 4-го отдела штаба УВО в Румынии.

В начале января 1934 года последовали провалы сразу нескольких резидентур 4-го отдела штаба ОКДВА в Маньчжурии, в том числе был арестован ряд сотрудников особой группы № 100 (диверсии, саботаж). Японской контрразведке удалось завербовать задержанных и под видом депортированных переправить в СССР. Разоблаченные Особым отделом ОГПУ, на допросах они, помимо прочего, рассказали о причинах провала. Оказалось, что при подготовке группы к заброске за рубеж сотрудники 4-го отдела грубо нарушили правила секретности. Направленные в Хабаровск для обучения подрывному делу, будущие диверсанты находились на базе Амурской флотилии, где заметно выделялись среди личного состава формой пехотных частей РККА. Всем было известно, что они – выходцы из Харбина и Северной Маньчжурии. Легенды сотрудников особой группы были плохо подготовлены и на допросах в японской контрразведке сразу раскрыты. Кроме того, члены группы знали не только друг друга, но и все линии связи, и поэтому в результате предательства одного из них в руки японской контрразведки попала сразу вся группа. К тому же работа боевых организаций не была должным образом законспирирована. Вопреки правилам конспирации, встречи проходили на харбинской квартире одного из членов группы или в Политехническом институте и т. д.

Конечно, провалы у военных разведчиков случались и раньше. Неопытность, отсутствие квалифицированной агентуры, использование для разведывательной работы членов иностранных компартий – все это было в практике работы и Разведупра, и ИНО ОГПУ. Но за пятнадцать лет можно ведь было чему-нибудь

научиться! А тут все наоборот: рекордное количество серьезных провалов за столь короткий срок.

Особый отдел ОГПУ, наблюдавший за работой Наркомата обороны, забил тревогу. Сталину была направлена подробная записка о работе IV Управления Штаба РККА. На десяти страницах содержалось сухое перечисление резидентур Управления с фактами, датами, фамилиями провалившихся. Выводы были сведены в один абзац:

«Тщательное изучение причин провалов, приведших к разгрому крупнейших резидентур, показало, что все они являются следствием засоренности предателями; подбора зарубежных кадров из элементов, сомнительных по своему прошлому и связям; несоблюдением правил конспирации; недостаточного руководства зарубежной работой со стороны самого IV Управления Штаба РККА, что, несомненно, способствовало проникновению большого количества дезориентирующих нас материалов».

26 мая 1934 года Политбюро приняло развернутое постановление о работе военной разведки. В постановлении отмечалось, что создание крупных резидентур в некоторых странах и сосредоточение в одном пункте линий связи нескольких резидентур неправильно, так как при этом резко возрастает возможность провалов. Было подчеркнуто, что «переброска расконспирированных в одной стране работников для работы в другую страну явилось грубейшим нарушением основных принципов конспирации и создавало предпосылки для провалов одновременно в ряде стран». Особое внимание Политбюро обратило на «недостаточность подбора агентурных работников и недостаточную их подготовку».

Но венцом серии провалов стал копенгагенский, случившийся уже при новом руководстве. 19 февраля 1935 года датская полиция арестовала советского агента, американца Джорджа Минка. На его квартире была устроена засада, и за непродолжительное время полиция арестовала четырех (!) работников Центра и десять (!!) иностранных агентов IV Управления (одного американца, помимо самого Минка, и восемь датчан). Главной фигурой среди арестованных стал Улановский – старый работник Разведупра и руководитель резидентуры в Дании.

В советской разведке Улановского можно назвать «королем неудач». Нелегальной разведработой он занимался с 1921 года, а в Разведупр пришел в 1928-м. В 1929–1930 годах он был нелегальным резидентом в Китае, но из-за предательства одного из сотрудников вынужден был покинуть страну. До 1931 года работал в Германии, однако после провала ему пришлось срочно уехать и оттуда. Этот конфуз советской разведки был настолько серьезным, что делом занимался лично Сталин. Он вызвал к себе Берзина, и руководитель разведки в присутствии Ягоды и Ежова полтора часа отвечал на очень неприятные вопросы. Берзину удалось оправдаться и доказать, что он запрещал своим работникам вербовать агентов из числа членов зарубежных компартий (формально это было запрещено еще в 1926 году). А резидентам тогда досталось хорошо.

Но на Улановского эта история мало подействовала. Через четыре года свои берлинские ошибки он повторил в Копенгагене. Несмотря на категорический запрет вербовать членов компартий, все пятеро его связников были американскими и датскими коммунистами. Этот факт Улановский, понимая, что нарушает запреты, попросту скрыл от Центра. Руководству разведки сообщили об этом из Коминтерна, известив, что

американец Френк (Минк) вербует датских матросов-коммунистов. Улановский признал, что действительно так оно и есть, после чего ему было приказано вербовку прекратить, а Минка отправить в СССР на учебу. Но резидент не выполнил приказ и продолжал использовать Минка для связи с датчанами. За конспиративной квартирой, которой пользовался Улановский и на адрес которой поступала почта из Германии, было установлено полицейское наблюдение. Ее снимал все тот же Джордж Минк.

В Разведупре полагали, что один из завербованных матросов оказался агентом полиции. Он сдал Минка, а потом полиция просто устроила засаду и получила неплохой улов, потому что, вопреки всем и всяческим правилам, Улановский принимал всех завербованных иностранцев на этой конспиративной квартире.

Но что было совсем уже скандальным – это то, что на той же квартире взяли и троих работников Центра. Первый их них – Давид Угер, работник Разведупра, назначенный в Германию. На новое место работы он добирался через Данию и прошел через явку Улановского. Благополучно приняв резидентуру, Угер возвращался с докладом в СССР и на обратном пути, не имея никакой нужды, решил навестить Улановского. Вторым был Макс Максимов, тоже работник Разведупра. Он, наоборот, сдал резидентуру в Германии, возвращался через Данию в СССР и тоже решил встретиться с Улановским. По этому поводу новый заместитель начальника Разведупра Артузов в докладе наркому обороны отметил: «Очевидно, обычай навещать всех своих друзей, как у себя на родине, поддается искоренению с большим трудом». Третий работник Центра – помощник начальника первого отдела Разведупра Д. Львович. Его послали в Данию для налаживания связи с Германией. Считая себя в Дании в

полной безопасности, Львович без проверки явился на конспиративную квартиру Улановского, где и «сгорел».

Так что, как видим, поездки на мотоцикле с сотрудницей резидентуры, совместные пикники с коминтерновцами и прочие развлечения Зорге вполне вписывались в стиль организации, в которой он работал. И нет ничего удивительного в том, что Зорге, практически сразу после отъезда из Китая под угрозой провала снова отправили в тот же регион, в страну, связанную с Китаем тысячью нитей, причем под тем же именем и с той же легендой. Это было в практике Разведупра, когда разведчика, провалившегося в одном месте, посылали в другое – тот же Улановский побывал после Китая еще в Германии, США и Дании. По некоторым данным, после проведенной Разведупром проверки оказалось, что угроза разоблачения была мнимая, но все равно как-то странно. Впечатление какое-то... несерьезное, что ли. Такое, словно его посылали в Японию во многом «на авось».

Правда – в советских и немецких источниках этого не пишут, но у Зорге в «Тюремных записках» это есть, – он сам стремился как можно скорее снова покинуть Союз, даже несмотря на то, что только-только женился. Должно быть, советская жизнь пришлась этому любителю приключений сильно не по душе, как не по душе она была многим приехавшим в СССР с Запада, а может быть, просто адреналину не хватало. Более того, похоже, что и в этом случае инициатива принадлежала самому Рихарду.

Айна Куусинен вспоминала позднее о том, что ей рассказывал Нииро Виртанен, такой же, как и она сама, нелегал Разведупра. В 1935 году в Москве Нииро встретился с Рихардом, они посидели вместе вечером.

«Зорге, как всегда, много пил и рассказывал о себе с большой откровенностью, – пишет А. Куусинен. – Ему

было уже не в состоянии шпионить на русских, но он не знал, как вырваться, как начать новую жизнь. Он чувствовал, что в СССР ему быть опасно, а вернувшись в Германию, он рискует быть арестованным гестапо. Все его маневры меж двух огней могли окончиться крахом, и не оставалось никакого другого пути, кроме как вернуться в Японию».

Остается добавить, что, вернувшись в Германию, Рихарду пришлось бы как-то строить свои отношения с господствующей там идеологией, а это было бы еще менее приятно, чем идеологические разборки в СССР, здесь все-таки свои разбирались...

Сам он пишет:

«...Мое желание не задерживаться более в Москве не принималось во внимание... Даже когда я пошутил спросил, не найдется ли для меня какая-нибудь работенка в Японии, Берзин ничего не ответил мне. Однако через несколько недель он сам с воодушевлением поднял эту тему».

Это внезапное согласие через несколько недель тоже наводит на размышления. Не иначе как он посоветовался, но с кем?

Может быть, на этот вопрос легче будет ответить, если посмотреть, какие перед Зорге были поставлены задачи. В «Тюремных записках» он очень четко расписывает их «по полочкам», может быть, не в том порядке, в каком они были поставлены, но явно в том, в каком он их сам располагал.

1. Следить за политикой Японии по отношению к СССР после Маньчжурского инцидента, тщательно изучать вопрос о том, планирует ли Япония нападение на СССР.

«В течение многих лет, – говорит он дальше, – это были самые важные задачи, поставленные мне и моей группе. Не будет большой ошибкой сказать, что эта задача вообще была целью моего командирования в Японию».

2. Осуществлять тщательное наблюдение за реорганизацией и наращиванием японских сухопутных войск и авиационных частей, которые могут быть направлены против Советского Союза.

3. Скрупулезно изучать японо-германские отношения, которые, как считалось, после прихода Гитлера к власти неизбежно станут более тесными.

4. Непрерывно добывать сведения о японской политике в отношении Китая.

5. Внимательно следить за политикой Японии по отношению к Великобритании и Америке.

6. Постоянно следить за ролью военных в определении внешнеполитического курса Японии.

7. Непрерывно добывать информацию о японской тяжелой промышленности, уделяя особое внимание проблемам развития военной экономики.

А теперь посмотрим, какой работой занимались кадровые сотрудники Разведупра.

Лев Маневич (Италия): техническая разведка в области самолетостроения.

Артур Адамс (США): техническая разведка, в том числе и по атомному проекту.

Мария Полякова (Швейцария): технические сведения о новейшем вооружении, сведения о боеспособности немецкой армии.

Генри Робинсон (Франция): военный шпионаж (мобилизационные планы, численность вооруженных сил и пр.) и техническая разведка.

И так далее: сведения о вооруженных силах стран пребывания, техническая разведка. Политическая

информация постольку, поскольку она попадала к разведчику, но вообще-то у нас этим занимались дипломаты, держать нелегала ради того, чтобы отслеживать политические процессы, слишком дорогое удовольствие. А у Зорге в подавляющей степени задачи политические, ну в крайнем случае военно-политические. Да, Япония – закрытая страна, но все же тут явно чувствуется какой-то специальный статус агента.

Да и сам Зорге все время утверждает, что он работал в основном не на Четвертое управление, а на ЦК партии. Судя по тому, как проходило решение о его отправке в Японию, как велась подготовка, а главное, какие ставились задачи, ЦК был заинтересован в нем больше, чем Разведупр. Имелся в ЦК такой замечательный орган – Бюро международной информации, которое возглавлял Карл Радек, а ответственным секретарем Бюро в то время был старый знакомый Зорге Алекс, долгое время работавший в Германии резидентом советской разведки^[23]. Оба они подключились к подготовке Рихарда, много обсуждали с ним японские проблемы, организовали встречи с двумя сотрудниками Наркоминдела.

Как пишет сам Зорге, в конце концов общими усилиями пришли к такому решению:

«План состоял в том, чтобы поручить мне детально разобраться с обстановкой в Японии, непосредственно на месте тщательно изучить возможности разведывательных операций, затем при необходимости кратковременно вернуться в Москву и после этого окончательно решить вопрос о моей будущей деятельности. В московском центре считали работу в Японии чрезвычайно сложной, но важной, и поэтому

рассматривали такой подготовительный этап как абсолютно необходимый».

(Помимо прочего, из этой истории видно, насколько тесно были связаны между собой официальные и неофициальные информационные органы Страны Советов.)

В Японию, как и в Китай, Рихард собирался ехать в качестве немецкого журналиста под своим собственным именем. Только «корочками» следовало обзавестись посерьезнее. Это в Китае, на перекрестке всех дорог, можно было считаться кем угодно и жить с любыми документами, а в Стране Восходящего Солнца надо было иметь подлинный германский загранпаспорт, хорошие рекомендации и настоящее задание в качестве прикрытия. Лучше всего было бы стать японским корреспондентом какой-либо из немецких газет. Как китайский корреспондент он был достаточно широко известен, так что шансы имелись неплохие.

В мае 1933 года Рихард отправился в Германию, где только что пришли к власти нацисты. Это был далеко не такой безумный шаг, как могло бы показаться. Да, он был известен полиции многих городов как коммунист. Но с тех пор прошло уже десять лет, из которых три последних он провел в Китае как корреспондент сельскохозяйственной газеты. Если он и занимался политической деятельностью в Китае, от чего все-таки не имел воли удержаться, то по этому поводу им интересовалась китайская, а не немецкая полиция. Кроме того, у гитлеровской администрации и полиции было достаточно хлопот с действующими коммунистами, чтобы интересоваться делами десятилетней давности.

Штатным зарубежным корреспондентом какой-либо газеты Рихард на этот раз стать не сумел. Однако он смог договориться с несколькими немецкими газетами

и журналами и с одной амстердамской газетой о сотрудничестве. Правда, только с одним изданием у него был составлен письменный договор, но и устное соглашение значило немало, в случае проверки в любом из этих изданий уже не могли ответить: «Нет, у нас никто ничего не слышал об этом человеке». А также он имел право поместить названия всех этих изданий на своей визитной карточке – это имело важное значение и в Европе, и в США, что же касается Японии, то в этой стране на визитках все были просто помешаны. Коллекционирование визитных карточек в то время было национальным хобби, многие японцы заводили специальные альбомы, куда помещали раздобытые визитки и гордились ими.

Итак, на визитной карточке доктора Зорге значились берлинские газеты «Теглихе рундшау» и «Берлинер бёрзен-курир», журналы «Цайтшрифт фюр геополитик», «Дойчер фольксвирт», амстердамская газета «Алхемееен ханделсблад». Но самым главным был номер первый – «Франкфуртер цайтунг» – опять отозвались добром старые франкфуртские связи. Эта газета пользовалась большим авторитетом в кругах финансистов, бизнесменов и чиновников, в первую очередь потому, что ее владельцем был крупнейший в Германии химический концерн – «ИГ Фарбен», который имел большое влияние на правительство. Рихард не смог войти в число штатных сотрудников газеты – это было не так-то просто, однако получил право действовать от ее имени, и редактор даже дал ему рекомендательное письмо. Это была большая удача.

Еще в Союзе Зорге хорошо подготовился к встрече с новыми хозяевами Германии: он прочел «Майн кампф», изучил фашистскую идеологию и фразеологию, так что по части убеждений не должен был внушать подозрений. По ходу подготовки прорабатывался и вопрос о вступлении в НСДАП, но решили в Германии

этого не делать. Во-первых, Рихард, находясь столько лет за границей, не имел на родине корней – где вступать, в каком городе, в каком районе? Там непременно поинтересуются, где он жил раньше и что делал, а отчитаться он мог лишь за последние три года. Глядишь, еще начнут выяснять прошлое, копаться в архивах... Нет, это слишком большой риск. Лучше уж приехать на место, вжиться в обстановку, завести дружеские и иные связи и спокойно вступить в партию в Японии. Забегая вперед, можно сказать, что так он и сделал – 1 октября 1934 года Рихард стал членом токийской организации НСДАП – без проблем и излишних вопросов.

Там же, в Берлине, он встретился с резидентом, который ехал в Китай ему на смену. Это был советский разведчик Яков Горев (настоящая фамилия Бронин, «совсем настоящая» – Лихтенштейн). С 1930 года Горев работал в Германии, поэтому встреча и состоялась в берлинском кафе, а не в одном из кабинетов Разведупра.

«Когда я подошел ровно в назначенное время, Зорге уже был на месте, он сидел за одним из столиков на открытой просторной террасе кафе... Рихард Зорге был стройным, статным, представительным человеком, выше среднего роста. Где-то я прочитал, что у него было “чуть грустное” выражение лица. Это неверно. Может быть, так получается по фотографиям, но это явно не соответствует действительности. Его светлые глаза, черты лица, жесты, мимика – все выражало волевою решительность, интенсивную работу мысли, убежденность в своих суждениях, проницательный острый ум. Это интересное, значительное лицо очень запоминалось... Рихард был энергичен, но не суетлив, был конкретен и деловит. Не навязывал своего мнения, но убеждал логикой и продуманностью предлагаемых

мероприятий. Был живым, интересным собеседником, любил шутку...»

Им предстояло о многом побеседовать. У Горева были свои вопросы к бывшему китайскому резиденту, а у Зорге – свои, потому что связь с Центром ему предстояло держать через Шанхай. Это было более безопасно, чем использовать для связи советское полпредство. Полпредство – это для более спокойных стран, таких как Англия или США, а в Японии советских дипломатов опекали, как принцев крови, решивших инкогнито прогуляться по городу.

«Мы договорились о формах конспиративной связи между Токио и Шанхаем, – вспоминал Горев. – С конца 1933 года и вплоть до моего ареста в Шанхае в мае 1935 года мы поддерживали довольно регулярные контакты. В течение этого времени я пять или шесть раз направлял к Рамзаю своих людей за почтой, передавал по своим двум радиостанциям отдельные телеграммы токийской резидентуры, когда у них не ладилась связь... Мы вели с Рамзаем конспиративную переписку (Центр предоставил нам для этого специальный шифр), он имел шанхайский конспиративный адрес на случай срочных сообщений... Впоследствии мне приятно было узнать, что в письме Центру от 1934 года Рамзай подчеркивал “исключительную товарищескую готовность помочь, которую проявляют наши люди в Шанхае”».

К сожалению, Горев ничего не пишет о том, что он сообщил в центр после встречи с Зорге. Но об этом – в свое время...

Рихарду пора было отправляться к новому месту работы. Несколько поручений от газет он получил, множить их дальше не имело смысла. Однако ехать

прямо в Японию из немецкого порта было бы слишком легкомысленно даже для него. Он начал путать следы: из Берлина отправился во Францию, в Париже встретился с курьером из Центра, получил от него пароли, явки и места встреч в Токио. Затем, сев в Шербуре на пароход, поехал в Нью-Йорк, оттуда в Вашингтон, где его ждала очень важная встреча. У Рихарда имелось рекомендательное письмо бывшего генерал-майора германской армии, а ныне профессора из Мюнхена, Карла Хаусхофера, японскому послу в США Кацуи Дебуси. Это было великолепное знакомство. Перед тем как стать послом, Дебуси занимал пост заместителя министра иностранных дел, и Зорге получил от него рекомендательное письмо в МИД Японии.

Затем Рихард съездил в Чикаго на Всемирную выставку, где встретился еще с одним курьером из Центра. И наконец, закончив подготовку, он отправился в Канаду, где в Ванкувере сел на пароход, отплывавший в Иокагаму. Был конец августа 1933 года...

В Японию Рихард Зорге прибыл 6 сентября 1933 года. Задерживаться в Иокогаме ему было незачем, так что, едва покинув борт парохода, он тут же выехал в Токио, где поселился в роскошном отеле «Санно». Суэта неприлична респектабельному человеку, поэтому несколько дней вновь прибывший провел, осматривая город, и лишь затем, взяв рекомендательные письма, отправился в посольство. Кстати, в первый же визит он вскользь, как бы невзначай, осведомился, как найти руководителя местной организации НСДАП.

Первая статья Зорге появилась в «Берлинер бёрзен курир» 18 октября, вторая – 27 ноября. Это были серьезные основательные материалы, посвященные японской политике. На новом месте Рихард также делал

все, чтобы стать известным. И параллельно с этим потихоньку принялся собирать разведгруппу.

«Рамзай» начинает работу

Для начала Четвертое Управление предоставило ему трех человек. Еще в Берлине Рихард встретился со своим будущим радистом, назначил ему время и место встречи в Токио. Другой член группы, Бранко Вукелич, прибыл тем же пароходом из Ванкувера, что и Рихард, хотя познакомились они позже, в Токио. Третьим был художник Иотоку Мияги, тоже только что приехавший из Штатов.

Биографии всех трех помощников Зорге показывают, насколько бесплодными были запреты на работу с «людьми Коминтерна». На Разведупр не действовали ни запреты, ни провалы...

Настоящее имя радиста – Бруно Виндт, псевдоним – «Бернхардт». Родился он в 1895 году в Германии, в семье фабричного рабочего. Закончив техникум, работал электромехаником, затем после призыва служил радистом на военном корабле. В 1918 году Бруно становится членом «Союза Спартака», затем коммунистом. В 20-е годы он состоит в «Боевом союзе красных фронтовиков», а также готовит радистов для компартии. Завербован Разведупром в 1932 году. В 1933 году, окончив разведывательные курсы в Союзе, Бруно направлен радистом в группу «Рамзай».

Бранко Вукелич родился в 1904 году в Сербии. Его предки были дворянами, хотя и не потомственными – австрийский император пожаловал дворянство деду Бранко за верную службу. Впрочем, происхождение убеждениям не помеха. Окончив школу, Вукелич поступает в Загребскую академию искусств и одновременно вступает в марксистский клуб студентов университета, став членом его коммунистической фракции. Вскоре его мать вместе с дочерьми уезжает в

Париж. Чуть позже Бранко присоединяется к ней, поступает в Сорбонну, на юридический факультет. Вслед за ним – хотя он этого и не знает – отправляется полицейское досье, любезно переданное югославской полицией французским коллегам. В 1930 году Бранко знакомится с датчанкой Эдит Олсон, на которой вскоре женится, а в 1932 году он вступает во французскую компартию, и в марте того же года некая «Ольга» привлекает его к работе на советскую военную разведку. Вообще-то псевдоним – вещь загадочная, но под кличкой «Ольга» во Франции работала скандально известная баронесса Лидия Сталь. Должно быть, за «блестящую» манеру Бранко присвоили псевдоним «Жиголо».

И вот теперь, получив задание, Вукелич в феврале 1933 года прибыл в Токио вместе с женой и сыном. Он тоже явился в страну под видом журналиста, представляя в Японии французское агентство печати «Гавас», журнал «Да вю» и югославский журнал «Политика». В конце года, после легализации, он установил связь с Зорге.

Поначалу Рихард не пришел в восторг от нового сотрудника. В письме Центру от 7 января 1934 года он писал: «"Жиголо", к сожалению, очень большая загвоздка. Он очень мягкий, слабосильный, интеллигентный, без какого-либо твердого стержня. Его единственное значение состоит в том, что мы его квартиру, которую мы ему достали, начинаем использовать как мастерскую. Так что он в будущем может быть для нас полезен лишь как хозяин резервной мастерской». Вукелич стал фотографом группы, переснимал документы на микроплёнку для дальнейшей передачи их в Центр. Сначала он общался непосредственно с Зорге, а потом, вероятно с началом Второй мировой войны, когда немцу стало неприлично

общаться с французом, посредником между ними сделался Мияги.

Художник Иотоку Мияги был третьим членом группы, работавшим в ней с самого начала. Как и Бранко, он моложе Рихарда, родился в 1903 году, в семье крестьянина. В 1906 году его отец уехал в США, а в 1919-м туда отправился и сын. Он окончил художественную школу в Сан-Диего, однако работал не совсем «по специальности» – с 1926 по 1933 год совместно еще с несколькими японцами держал ресторан в Лос-Анджелесе. В 1929 году вступил в организацию коммунистического фронта – «Общество пролетарского искусства», а в 1931 году – в Компартию США. В конце 1932 года Мияги получил по линии Коминтерна задание: отправиться в Токио, где ему сообщат дальнейшую задачу. Он выехал из порта Сан-Питер в конце сентября 1933 года и 24 октября прибыл в Иокогаму.

Почти сразу же по приезде Рихард встретился с Бернхардтом, затем установил связь с Вукеличем, а в ноябре вступил в контакт с Мияги. Работа началась. У нее было два направления: «европейское», которым занимался сам Зорге, и японское, порученное Иотоку Мияги.

Если в Китае «знаковой» фигурой для Зорге была Агнес Смедли, то в Японии таковой стал полковник Эйген Отт. Когда Рихард приехал в Токио, Отт был офицером-посредником, осуществлявшим связь между японским и германским генштабами, вскоре он стал военным атташе, а впоследствии и послом. Конечно, Рихард не планировал такой карьеры своего источника, зато очень хорошо приложил к ней руку. Но все это будет потом, а пока что знакомство с Оттом было одним из немногих знакомств, на которые он мог, приложив минимум усилий, рассчитывать. Состоялось оно в

результате довольно сложной интриги. Но сначала о самом полковнике...

Эйген Отт был на шесть лет старше Рихарда – в 1933 году ему исполнилось сорок четыре года. Родовитый аристократ, он начал мировую войну адъютантом в 65-м полку полевой артиллерии вюртембергской армии, а закончил ее в генштабе, и не просто в генштабе, а в отделе III-Б. Этим номером была зашифрована армейская разведка, которой руководил знаменитый разведчик полковник Николаи. Так Отту в первый раз повезло.

В 1923 году он снова появляется в генеральном штабе германской армии уже в звании гауптмана. Везение продолжается, потому что теперь его непосредственным начальником является майор Курт фон Шлейхер. Начальник делает карьеру, а вместе с ним вверх по служебной лестнице продвигается и подчиненный. Когда 2 декабря 1932 года фон Шлейхер стал рейхсканцлером, Отт был уже подполковником и служил в министерстве обороны. Правда, во власти Курт фон Шлейхер продержался очень недолго, меньше двух месяцев – 30 января его сменил на этом посту Адольф Гитлер. Карьера Шлейхера на этом и закончилась, однако Отт, давно знакомый с фюрером германских нацистов и бывший у него доверенным лицом, не остановил своего карьерного взлета. Почти сразу он получил важное назначение – помощником военного атташе в Японию.

Сотрудничество между генеральными штабами вооруженных сил двух стран началось еще в 1883 году и с тех пор не прекращалось. Особенно большое значение ему придавалось теперь, после прихода к власти нацистов. Обе страны откровенно стремились к мировому господству и имели общего врага – СССР. И помощник военного атташе, да еще и старый штабной

работник, в деле налаживания этих контактов играл первостепенную роль.

А теперь о том, как, собственно, состоялось знакомство Зорге и Отта. Еще до Первой мировой войны военным советником в Японии был генерал-майор Карл Хаусхофер. Затем он вернулся в Германию, вышел в отставку, стал профессором и к тому времени, о котором идет речь, уже больше десяти лет преподавал в мюнхенском университете геополитику, являясь, стати, одним из всемирно признанных основателей этой науки. И, когда Отт готовился к работе в Японии, кто мог лучше проконсультировать его, чем профессор Хаусхофер? Они встречались, разговаривали, проникались друг к другу доверием...

В том же 1933 году и почти в то же время профессора посетил и журналист Рихард Зорге. Он рассказал о том, что едет в Японию, и предложил присылать оттуда статьи для журнала Хаусхофера «Цайтшрифт фюр геополитик». Рихард был к тому времени известным журналистом, и Хаусхофер с готовностью согласился. О том, какие именно проблемы геополитики интересовали профессора, видно из названия статей, которые Зорге присылал в журнал: «Преобразования в Маньчжоу-Го», «Японские вооруженные силы, их положение, их роль в политике Японии, военно-географические следствия». Ну и, естественным образом, редактор порекомендовал будущему сотруднику, откуда можно черпать информацию, в конце концов, это было и в его интересах.

Кроме того, у Зорге имелось рекомендательное письмо от старого друга Отта, его фронтового товарища доктора Целлера. Естественно, имея таких общих знакомых, завязать контакты с помощником военного атташе было уже делом техники.

Представиться, вскользь упомянуть Хаусхофера и свой особый интерес к военной тематике – и готово!

Они оба были разведчиками и оба видели друг в друге потенциальных информаторов. У Отта тоже имелись свои проблемы. Он много знал о состоянии японской армии и вообще о состоянии страны, но его информация была несколько односторонней – она исходила только от японских коллег и дипломатического корпуса. А господин военный атташе очень хотел бы иметь «независимого» информатора. Позднее он писал:

«Для меня было сложно вести наблюдение и составлять рапорты о состоянии и обучении японской армии: все происходившее в ней было словно отгорожено железным занавесом. Я не имел времени заняться японским языком, поэтому был особенно рад знакомству с Зорге, языковые познания которого облегчали ему контакт с японцами и получение от них информации».

На этой основе они и договорились. Естественно, профессиональный разведчик Отт проверил своего нового друга, приставив к нему на некоторое время шпигов, но это наблюдение ничего не дало...

А вскоре контакт Рихарда с семьей атташе стал еще более крепким, крепче не бывает... Уже во время их второй встречи Отт представил Рихарду свою жену Хельму, и оказалось, что они знают друг друга еще по Франкфурту. Хельма тогда была замужем за архитектором, руководителем ячейки КПГ. На какой-то вечеринке она познакомилась с неотразимым доктором Зорге и протанцевала с ним весь вечер. И вот теперь судьба свела их в Японии. У обоих были основания забыть об «ошибках молодости», и эта совместная тайна еще больше сблизила их. Хельма старалась

почаще приглашать Рихарда в свой дом и сделала все, чтобы он вошел в число их с мужем друзей. А вскоре фрау Отт стала любовницей Зорге.

О том, насколько велико было доверие Отта к новому другу, говорит следующий случай. Как-то раз подполковника посетил его старый друг, доктор Клаус Менерт, тоже профессиональный разведчик. Во время завтрака присутствовал и Зорге. При незнакомом человеке доктор Менерт старался поменьше обсуждать секретные вопросы, и Рихард, должно быть почувствовав неловкость гостя, вскоре ушел. Тогда Отт сказал: «Зорге – отличный знаток Японии и мой близкий друг, заслуживающий абсолютного доверия!». Такая рекомендация многого стоила, и больше Менерт от Рихарда Зорге уже не таился. Что же касается секретных вопросов, которые они обсуждали при первой встрече, то нетрудно догадаться, что Рихард вскоре обо всем узнал...

Со временем дружба становилась все более и более крепкой. В апреле 1934 года Отт получил погоны полковника и назначение военным атташе, и, думается, не последнюю роль в этом сыграли его донесения в Берлин, а в этих донесениях не последнюю роль сыграла информация, полученная от нового друга-журналиста. Да, по правде сказать, и аналитические способности военного атташе были несравнимы со способностями серьезного ученого, а Зорге был серьезным ученым, этого никто не отрицает. Если же эти сведения и попадали кому-либо еще, Отта это не слишком интересовало: в конце концов, все журналисты приторговывают информацией, зачем лишать человека дополнительного источника дохода? Не русским же он ее, в самом-то деле, отправляет...

Близость к Отту, покровительство с его стороны играли немаловажную роль в отношениях с другими дипломатами. Вскоре у Рихарда устанавливаются

достаточно близкие отношения с военно-морским атташе Венекером, а в дальнейшем – с военными атташе Шоллем, Кречмером, преемниками Отта на этом посту. Естественно, с ними он тоже обменивается информацией. С доверием к нему относится и сам посол Дирксен, который общается с Зорге и использует его сведения – да их, кажется, использует все германское посольство!

Ну и, конечно, «жизнь в стиле казино» продолжается: Рихард по-прежнему много времени проводит в ресторанах с собутыльниками из числа членов немецкой колонии и прочими «нужными людьми». Голова у него была крепкая, и в любом состоянии он контролировал то, что говорит, превосходно, к сожалению меньше контролируя то, что делает, потому что время от времени ввязывался в драки. Ну и по части женского пола тоже не промах: японская полиция по ходу слежки насчитала около тридцати женщин, с которыми он вступал в интимные отношения, кроме проституток, конечно. В Японии посещение проститутки не считалось чем-то постыдным или предосудительным – это была неотъемлемая сторона жизни каждого уважающего себя мужчины. Рихарда неплохо знали в «квартале красных фонарей», и там он, естественно, не секретные документы добывал...

Итак, Зорге получал от Эйгена Отта информацию по японским вооруженным силам и японо-германскому сотрудничеству, а также по Германии. Откуда же он брал информацию, которой с ним расплачивался, и ту, значительно большего объема, которую посылал в Центр? Этим занималась в основном японская часть группы.

Весной 1934 года сотрудник осакского отделения газеты «Асахи» Ходзуми Одзаки получил визитную

карточку некоего Канити Минами (в роли Минами выступал Итоку Мияги). Тот сказал, что некий иностранец, с которым Одзаки был хорошо знаком в Шанхае, хочет с ним встретиться. Сначала Одзаки подумал: а не провокация ли это? Но по ходу разговора понял, что речь идет о Зорге, и с радостью согласился. В тот же день вечером они встретились.

Старый друг стал вторым большим везением разведчика в Японии. Возвратившись из Шанхая в 1933 году, Одзаки жил в городе Осака и работал в иностранном отделе редакции газеты «Осака Асахи» и в институте социальных проблем «Охара». Но это пока, а в дальнейшем его ждала большая карьера...

В мае 1935 года, спустя неполных два года после начала командировки, Рихард, как и предполагалось, был вызван в Москву. Взяв с собой микро пленки с последними донесениями, он выехал из Японии в Нью-Йорк. Там ему передали австрийский паспорт на другую фамилию, по которому он и отправился через Францию, Австрию, Чехословакию и Польшу в СССР, пока его подлинный паспорт мирно покоился в тайнике в чемодане без всяких отметок о пребывании в Советском Союзе.

В Москве Рихарда ожидал не слишком приятный сюрприз. Берзина в Разведупре не оказалось, на его месте сидел совсем другой человек, и, как стало понятно из разговора, не слишком понимающий собственно в делах разведки, зато, правда, специалист в военных вопросах. Это был новый начальник управления С. П. Урицкий, кадровый военный, но не разведчик. Правда, тут же присутствовал старый куратор группы Алекс – Лев Борович.

Рихард пробыл в Москве всего две недели. Он отчитался, сообщил о своих планах, в том числе и о намерении перенести центр работы в германское

посольство. Попросил, чтобы Одзаки признали членом группы. В общем, в Разведупре и ЦК пришли к выводу, что резидентура состоялась и можно продолжать работу.

Имелась у Рихарда и еще одна достаточно серьезная проблема. Он был недоволен своим радистом. Все причины недовольства неизвестны, однако одна довольно неприглядная история стала достоянием гласности. Вскоре после своей легализации в Шанхае радистка шанхайской резидентуры Рене Марсо (впоследствии Элли Бронина, жена резидента), получила приказ съездить в Токио и разобраться, что такое происходит с передатчиком «Рамзая». Рация была неисправна, и радист никак не мог ее починить. Рене, закончившая радиошколу, могла не только починить передатчик, но даже изготовить его. Она с немалым риском добралась до Токио, пришла на квартиру, включила рацию... и оказалось, что та прекрасно работает. Когда радиста подвергли допросу, то выяснилось, что он обманывал резидента, а на самом деле просто боялся выходить в эфир.

Имя главного героя этой неприглядной истории не названо, но вроде бы у Зорге не было второго радиста, Бернхардт работал с ним с самого начала. Правда, в одной из публикаций мелькает еще фамилия некоего Эриа... Но, как бы то ни было, приехав в Москву, Рихард попросил заменить Бернхардта на кого-нибудь знакомого по Шанхаю, в ком он мог быть уверен и кто мог бы не только передавать, но еще и шифровать радиogramмы – шифровка занимала слишком много времени. И ему дали Макса Клаузена.

В Шанхае Макс не входил в ядро резидентуры, да он и недолго проработал с Зорге – в конце 1933 года его направили в Мукден в качестве резидента, а затем вместе с женой отозвали в Москву. Несколько месяцев Макс проработал инструктором в радиошколе, но потом

по каким-то причинам был уволен. В отчете от 1946 года он связывает свое увольнение с нелюбовью к нему одного из руководящих работников Центра. «...Так как, видимо, мое имя не пользовалось хорошей репутацией из-за Мукдена, тов. Давыдов недолюбливал меня...». Но на самом деле его отчислили из-за жены, прошлое которой не устраивало кадровиков ГРУ.

Клаузенов отправили на поселение в Республику немцев Поволжья, где Макс до 1935 года работал механиком Краснокутской МТС. Механик в то время был на селе лицом привилегированным. В деревне Клаузенам нравилось: приличный заработок, спокойная жизнь без постоянного риска, без грозящих пыток и смерти. Поэтому когда Максу пришел вызов из Москвы, он сделал вид, что ничего не знает, и не поехал. Но через неделю – срочная телеграмма: «Немедленно вернуться в Москву». Все. Приказ обсуждению не подлежит. Пришлось сниматься с места.

Итак, Макса и Анну вызвали из их деревни. Клаузен отправился в Токио первым, еще в 1935 году. Убедившись, что все благополучно, Анна присоединилась к мужу. Свое русское происхождение она скрыла, пользуясь тем, что «в наследство» от первого мужа ей досталось финское гражданство. К счастью, в Токио финнов не оказалось. (По-видимому, жители этой маленькой страны не стремились перемещаться по миру, ибо Разведупр ее вообще «любил», и наши разведчики часто отправлялись за границу с финскими паспортами.) Приехав в Японию, она снова «познакомилась» с собственным мужем, и вскоре Клаузены еще раз «поженились».

В Токио Анна естественным образом вошла в немецкую колонию, завела знакомства с женщинами, что тоже было небесполезным. Впоследствии она вспоминала:

«Не чуждаясь немецкого общества внешне, мы стали его членами. Я завела знакомства с немецкими женщинами. Они часто устраивали различные благотворительные мероприятия в пользу немецких солдат. Я вынуждена была принимать в этом участие, и это дало очень много для упрочения нашей легализации. Меня принимали за постоянную немку. Как-то председательница немецкого женского общества фрау Эгер спросила меня, почему я не имею детей, и посоветовала обзавестись ими, так как “нашей стране” нужны дети, они будут иметь счастливое будущее. Это подтвердило лишний раз, что они считали меня своей».

Макс жил в Японии под видом коммерсанта, и не только для маскировки. Едва прибыв в страну, он завел себе мастерскую по продаже велосипедов, но торговля не удалась. Тогда он стал торговать светокопировальными аппаратами и материалами для них, заодно используя свои аппараты и для разведки. Через пять лет фирма «М. Клаузен Shokai» имела капитал в 100 тысяч иен, из которых 85 тысяч принадлежали самому Максу. Кроме того, он открыл еще филиал в Мукдене, в Маньчжурии, как бы совершая финансовые операции за границей, и теперь имел прикрытие, для того чтобы получать деньги из других стран. Впрочем, Центр не имел ничего против «самообеспечения» заграничных резидентур: чем больше они заработают на месте, тем меньше денег будут спрашивать с Москвы.

В 1936 году к группе присоединился еще Гюнтер Штайн, немецкий еврей, который после прихода Гитлера к власти эмигрировал в Англию и сумел получить там гражданство. Он тоже был журналистом, до эмиграции работал в газете «Берлинер тагеблатт», а потом в лондонских газетах «Кроникл» и «Бритиш файнэншл ньюс» и особенно хорошо разбирался в

финансовых делах. Это было не очень-то нужно Центру, однако тоже иной раз годилось. В группе Штайн был курьером и хозяином конспиративной квартиры. Он пробыл в Японии до 1939 года, после чего по приказу Центра отправился в Китай.

Будни разведчиков

...Первый куратор Зорге Алекс после 1937 года уже никому ничего рассказать не мог. А вот следующий его куратор, Борис Гудзь, благополучно дожил до 2002 года, в котором ему исполнилось сто лет. В разведку он пришел в 1923 году, начав работать в ИНО ОГПУ. С 1934 по 1936 год он находился в Японии в качестве нелегального резидента и, вернувшись, получил новое назначение в военную разведку. После снятия Берзина начальник ИНО Артузов был назначен первым заместителем нового руководителя и, как водится, привел с собой своих людей.

«Берзина в тот момент уже не было, – рассказывал Гудзь в интервью газете “Дальний Восток”. – Руководили Урицкий и Артузов. Артур Христианович Артузов и пригласил меня в январе 1923 года в разведку. И я пригодился ему на сей раз уже в 1936-м, потому что два года протрудился в Японии. Он же там не бывал. Чтобы руководить Зорге, требовались конкретные знания. Как японская контрразведка ведет наблюдение? Каким образом можно оторваться, не раздражая “наружки”? Да и стоит ли отрываться? Я понимал, как и где встречаться с источниками. Вести их в ресторан или еще куда-то... Ситуация для меня совершенно ясная. Для моих начальников – не особенно. Поэтому специально пригласили меня на это дело, чтоб учитывал все нюансы...»

Надо думать, Борис Игнатьевич все-таки не Зорге давал указания, как ему отрываться от «наружки», – Рихард к тому времени работал в Токио уже не два, а три года – а посылаемым к нему курьерам. Но и проинструктировать курьера тоже забота куратора.

Дело вроде бы небольшое – донесения да указания возить, но и здесь один неправильный шаг может завалить всю сеть.

«У нас было впечатление, что люди, с которыми мы неоднократно встречались в течение длительного периода времени, были “профессиональными” курьерами, – пишет Зорге. – Мы не знали ни их имен, ни положения, которое они занимали в Москве или за границей. Связь с ними осуществлялась по предварительной договоренности с Москвой. Место, время и условия встречи согласовывались по радио. Например, встреча в одном из ресторанов Гонконга была устроена следующим образом. Курьер, прибывший из Москвы, должен был войти в ресторан в три часа с минутами, достать из своего кармана толстую длинную сигару и держать ее в руках, не зажигая. Наш курьер (в данном случае я), увидев этот условный знак, должен был подойти к стойке ресторана, достать из кармана по форме сильно бросающуюся в глаза курительную трубку и безуспешно попытаться ее раскурить. После этого курьер из Москвы должен был зажечь свою сигару, а я в ответ – свою трубку. Затем московский курьер должен был покинуть ресторан, а я, также выйдя из ресторана, медленно идти за ним в один из парков, где находилось место нашей встречи. Он должен был начать со слов: “Привет! Я Катчер”, – а я произнести в ответ: “Привет! Я Густав”. После этого все должно было развиваться по плану».

Естественно, ни тот, ни другой никоим образом не должны привлекать к себе внимание, а все подробности встречи должны быть выверены до мелочей. Вот какой казус произошел во Франции с резидентом Разведупра Гуревичем («Кент»).

«По приезде в Париж я остановился в гостинице “Сейтан” и на другой день должен был зайти в кафе “Дюспо”, находящееся на Криши, для встречи со связником Разведупра. При этом было обусловлено, что при входе в кафе я займу место за заранее определенным столиком, закажу чай, немедленно расплачусь за него и буду читать французскую газету. Связник должен был точно так же находиться в кафе, сидеть за столом, имея на столе французский журнал. Здесь мы должны были друг друга только видеть, сами же встречи должны были произойти немедленно по выходе из кафе, около дома № 120 или 140 по Криши.

Прибыв по указанному адресу, я не нашел кафе с названием “Дюспо”. В этом доме находилась закусочная, рассчитанная на обслуживание шоферов конечной автобусной остановки, под названием “Терминюс”. При входе в закусочную я увидел, что там имеется всего 1-2 стола, за которыми посетители обычно играли в карты. Посетители же в основном заказывали вино и горячее кофе, как это принято в закусочных во Франции. То, что я занял место за столом и заказал чай, вызвало смех у официанта, и мне было предложено кофе, говоря, что чаем они вообще не торгуют. Я пробыл в кафе более получаса, однако связника Разведупра по данным мне приметам не встретил».

И неудивительно. Хорошо, что дело было во Франции. В Японии, например, привлекать к себе излишнее внимание было просто опасно.

За редкими исключениями, которые заранее предусматривались Центром, курьеры не говорили между собой о работе. Обменялись почтой, бросили пару общих фраз и разошлись, даже имени друг друга не спросив. Меньше знаешь – крепче спишь.

В разведке, как на минном поле, мелочей не бывает. Даже добраться из Москвы до Токио – дело непростое.

Вот как ехал в Токио в 1935 году Макс Клаузен. Из Ленинграда он отправился в Хельсинки, оттуда – самолетом в Амстердам и через Бельгию в Париж. Там он поселился в гостинице, где прожил четыре дня. Уже расплатившись, но еще находясь в номере, он уничтожил свой паспорт и достал из тайника в чемодане другой, на фамилию Дительмана, с которым отправился в Вену, где встретился с курьером, вручившим ему документы на имя Клаузена, с которыми он отправился в Нью-Йорк. Там Макс получил еще один комплект документов, которые и понес в немецкое консульство, объяснив консулу, что живет в Бостоне, прибыл туда из Гамбурга, а теперь собирается в Китай и ему нужен новый паспорт. И лишь получив подлинные немецкие документы, в которых не было и следа его истинного маршрута, Макс отправился в Токио.

Кстати, когда произносится слово «паспорт», на самом деле речь идет не только о паспорте. До 1933 года потребности советской разведки в документах обеспечивали нелегальные мастерские компартии Германии, так называемый «Пасс-аппарат», где работали лучшие в Европе мастера по изготовлению фальшивых документов. О том, как это делалось, рассказывает американец Д. Даллин в своей книге «Шпионаж по-советски».

«Работа “Пасс-аппарата” была значительно более сложной, чем казалось на первый взгляд. Мало было безукоризненно изготовить паспорт. Нелегал должен быть снабжен полным комплектом документов, и в каждом из них нужно было учесть множество нюансов. О тонкостях этой работы рассказывает Ганс Рейнерс, бывший эксперт по паспортам и другим личным документам Коминтерна:

“Мы, конечно, имеем бланк германского паспорта и хотим заполнить его для господина Мюллера из Мюнхена. Но мы должны иметь в виду, что Мюллер в

один прекрасный день может появиться в Мюнхене и его документы будут тщательно проверены полицией. Какие чернила применяются в Мюнхене для паспортов? Как фамилия офицера, который подписывает паспорта? Мы даем указания нашему агенту в Мюнхене узнать это и получаем от него подпись Шмидта, шефа полиции, а это отнюдь не простая операция. Теперь надо узнать время подписания, а это новая головоломка, мы должны знать, что господин Шмидт не был в отпуске или болен, когда им был “подписан” паспорт. Кроме того, в некоторых странах полицейская печать подтверждается штампом об оплате пошлины, значит, надо подделать и этот штамп. Штампы время от времени меняются. Поэтому требуется громадная коллекция штампов сотен городов и поселков.

Когда эти операции закончены, работа по изготовлению паспорта только начинается, самая трудная часть еще впереди. Мюллер не может так просто появиться в обществе, снабженный только паспортом, он должен иметь документы, которые косвенно подтверждают его личность: свидетельство о рождении, записи о службе, книжка социального страхования и т. д. Это целая коллекция документов, и, чтобы она была полной, человек, выдающий ее, должен быть историком, географом и знатоком полицейских привычек.

Если свидетельство о рождении должно подтверждать, что господин Мюллер родился в Ульме в 1907 году, “Пасс-аппарат” обязан выяснить, какая форма применялась в этом городе сорок или пятьдесят лет назад, какие нотариальные термины использовались в то время, какие имена были популярны, а какие – нет. Имя Ивар звучало бы странно для города Ульма, а имя Зепп казалось бы странным в Гамбурге или Копенгагене. Наконец, возникал вопрос с печатями. Какими они были в тех местах в то время?

Был ли там на гербе лев, медведь или орел? Требовалось знание геральдики, и целые тома, посвященные этому вопросу, стояли на полках.

Когда набор документов был готов, возникала еще одна проблема. Если Ивар Мюллер будет пересекать первую границу, его паспорт не должен выглядеть новым. Если в нем будут проставлены многие визы, которые свидетельствуют о том, что путешественник проверен и перепроверен, полиция не обратит внимания на то, что ей предъявляют свежее испеченный документ. Вот почему “Пасс-аппарат” проставлял многие фальшивые визы и пограничные штампы на паспорт. Маршрут должен быть хорошо продуман и соответствовать той легенде, которой снабдили нелегала”».

«Пасс-аппарат» имел шесть тайных мастерских и в период с 1927 по 1932 год ежегодно изготовлял до 400 комплектов документов, а его отделения были разбросаны по всей Европе. Полиция безуспешно боролась с этим подпольным производством, и лишь с приходом нацистов к власти взялись за дело всерьез. К 1934 году подпольные мастерские прекратили свое существование, а их специалисты рассеялись по всей Европе, надо полагать, к величайшей радости местных правоохранительных органов. Тогда-то у советской разведки и начались проблемы с паспортами.

Тот же Гуревич рассказывал:

«Выбор уругвайского паспорта для меня как легализующего документа не был достаточно хорошо продуман и подготовлен Главразведупром. В Бельгии уругвайских подданных были считанные единицы, в то же время в полиции регистрировались одновременно два вновь прибывших уругвайца. Это были агент Главразведупра Красной армии Макаров – коммерсант,

родившийся в Монтевидео и купивший предприятие в Остенде, и я, тоже родившийся в Монтевидео и тоже занимавшийся торговой деятельностью в Бельгии. Причем оба наши паспорта были выданы в уругвайском консульстве в Нью-Йорке. Один был выдан в 1936 году, а другой в 1934 году. Номера же этих паспортов были последовательны, так, если один был за № 4264, то другой был за № 4265. Оба паспорта затем были продлены в Монтевидео также в разные периоды, однако носили точно так же последовательные записи и одинаковые подписи. Таким образом, самый поверхностный контроль со стороны полиции должен был вызвать к нам подозрение».

В конечном итоге бельгийская резидентура, например, вообще отказалась пользоваться документами, присланными из Союза, перейдя на самообеспечение, благо в Брюсселе работал один из бывших мастеров «Пасс-аппарата».

Если Зорге в 1933 году выехал из Союза и добрался до Японии благополучно, то Макса Клаузена на пути поджидали трудности. Первый паспорт, с которым ему предстояло выехать из СССР, был изготовлен неправильно, и Макса «завернули» в Одессе, так что пришлось следовать через Ленинград, и выбрался из страны он лишь со второй попытки. В Нью-Йорке тоже произошла накладка, уже с другим документом. Стоит ли удивляться, что он не рискнул въехать в Японию с документами советского производства и ему понадобился подлинный германский паспорт?

Обычно, когда говорят о разведке, называют только имя резидента. Но ведь рядом с ним работают и другие люди: радисты, шифровальщики, курьеры, хозяева конспиративных квартир, и малейшая ошибка любого из них может привести к провалу всей организации.

Опытные радисты, такие как тот же Клаузен или Венцель в Швейцарии, который имел много о чем говорящий псевдоним «Профессор», ценились на вес золота, иной раз дороже резидентов (к Зорге это, правда, не относится).

Итак, в токийской резидентуре хозяевами явочных квартир являлись Бранко Вукелич и Гюнтер Штайн. Потом Штайн уехал в Китай, и осталась лишь квартира Бранко, из которой до 1941 года велись передачи в Москву. Штайн был, кроме того, еще и курьером. Курьером была и Анна Клаузен, которая в течение пяти лет восемнадцать раз ездила из Токио в Шанхай. Эта работа, как и работа радиста, пожалуй, наиболее опасная из всех разведывательных профессий.

Вернемся ненадолго в Китай. В 1931 году Макс, некоторое время проработавший в Кантоне, приехал в Шанхай. Анна должна была срочно доставить туда его рацию. Взять ее с собой Макс не мог, поскольку у него было много другого груза, а кроме того, мужчин проверяли гораздо более строго, чем женщин. Передатчики в то время были довольно громоздкими. И вот Анна разобрала его, купила фарфоровую посуду, тщательно переложила ее соломой и вперемешку с деталями упаковала в ящик, на дне которого лежала сама рация. Ящик заколотили гвоздями и обернули стальной лентой. И с этим грузом она сел на английский пароход.

«Незадолго до прибытия в Шанхай появилась группа английских таможенников, – много лет спустя рассказывала Анна. – Они приступили к контролю, которого я так опасалась. Теперь все зависело от крепких нервов. Старший группы, симпатичный британский офицер примерно одних со мной лет спросил, что находится в ящике. Одновременно два матроса за его спиной набросились на мой багаж, в

мгновение ока сорвали стальную ленту и собирались уже вскрыть ломиками крышку. Надо было срочно что-то предпринимать, но что? И тут я в самый последний момент вспомнила, что англичане равнодушны к столовым сервизам. Поэтому мой ответ звучал так: “Сэр, в ящике находится мой сервиз, позаботьтесь, пожалуйста, чтобы ничего из посуды не повредили. Вы же понимаете: если что-нибудь разобьется, этот подарок теряет для меня всякую ценность!”

По всей видимости, аргумент убедил офицера, ибо он тут же рявкнул на матросов: “Осторожнее! Осторожнее!”. В этот момент из-под соломы показались лежащие сверху тарелки. Офицер перевел испытующий взгляд с моего лица на ящик, потом снова взглянул на меня. Я совершенно непринужденно улыбалась, хотя мне было совсем не до улыбок: я же знала, что совсем неглубоко под тарелками лежат первые радиолампы. Мое сердце перестало биться. Но офицер приказал: “В порядке! Все снова тщательно упаковать, ящик заколотить. И чтоб ничего не было разбито!”.

Он тиснул штампель на таможенную декларацию и произнес, обращаясь ко мне, чуть ли не извиняющимся тоном: “Мадам, я знаю, как женщины берегут хорошую посуду. Знаю по своей матери!”. Затем он протянул мне на прощание руку...»

Другой случай был куда драматичнее. Это уже 1938 год, самый разгар японо-китайской войны. Анна едет из Токио в Шанхай с курьерским заданием. Самые важные сообщения она выучивает наизусть – это около десяти страниц на машинке. А кроме того, она везет фотокопии документов – около тысячи страниц. Это был самый пик «фотографической» активности Зорге. Бранко переснял их – получилось тридцать узкоформатных фотопленок, около метра длиной каждая. Анна прибинтовала туго скрученные пленки к телу.

«В то время поездки в Шанхай, в ходе которых использовались фактически транспортные коммуникации военного снабжения, чрезвычайно сильно ограничивались. И каждый, кому удавалось получить билет на пароход, мог в любую минуту подвергнуться проверке. К тому же кругом было полно японских военных. В этих условиях в течение всей поездки я не могла позволить себе даже ослабить повязки на моем теле: нельзя было вызвать ни малейших подозрений ни у кого, даже у англичанки из моей каюты. Неприятные ощущения от сдавливающих тело повязок становились со временем все сильнее. Бедра распухли, при каждом шаге я готова была кричать от боли.

После нескольких дней этого путешествия, наполненных тревогой и страданиями, когда до Шанхая оставалось уже совсем немного, из судовых громкоговорителей вдруг прогремело сообщение, сделанное поочередно на нескольких языках: “Всех пассажиров просят пройти в зеленый салон!”. Наш багаж японские таможенники незадолго до этого уже тщательно проверили прямо в каютах. Можно было, однако, не сомневаться, что в случае возникновения подозрений проверка проводилась повторно в отсутствие пассажира.

Пленки по-прежнему были со мной. Пришлось идти с ними на проверку. Вскоре в салоне собралось около двухсот пассажиров, и все двери его закрыли. Я чувствовала себя как мышь, угодившая в мышеловку. Удары сердца гулко отдавались в висках. Но именно сейчас важно было сохранить хладнокровие. Одна из дверей открылась, за ней виднелся проход, ведущий к леерному ограждению. Перед ней, образовав живой коридор, встали двенадцать полицейских – шесть мужчин и шесть женщин. Еще никогда мне не

приходилось видеть такого унижительного досмотра. Мужчины-полицейские проверяли мужчин, женщины – женщин. Со скрупулезной тщательностью досматривалось все: от дамских сумочек и жилетных карманов до обуви, которую полицейские заставляли снимать. Японские полицейские ощупывали каждый шов на костюмах и юбках, простукивали подметки обуви и прикладывали подметки к уху, сгибая их – не раздастся ли подозрительное потрескивание. Женщины в полицейской форме ощупывали груди, бока и бедра пассажиров. Протесты какой-то увешанной драгоценностями англичанки были грубо оборваны ссылкой на законы военного времени.

Контроль, естественно, тянулся очень долго. Мне казалось, что меня поджаривают на медленном огне. Оставался единственный выход: в тот момент, когда настанет моя очередь, с разбегу прорваться сквозь заслон полицейских и броситься через леера в море! Попади я в лапы полиции – пыток не миновать; потом либо обезглавят самурайским мечом, либо повесят. Нежели труды Бранко, усилия всей нашей группы пропадут даром? Не теряя из виду дверь, я изо всех сил прижалась спиной к стене, чтобы как следует оттолкнуться... Моя очередь неотвратимо приближалась, но я не имела права ничем выдать волнения. Думаю, что тот, кому не доводилось пережить подобное, не может прочувствовать все это до конца!

Наконец, в салоне осталось только четверо пассажиров. И вдруг произошло невероятное: японцы внезапно прекратили досмотр. Вероятно, они не рассчитали время, так как пароход уже причаливал. Я чувствовала себя словно родившейся заново, со всей быстротой, на которую были способны подкашивающиеся ноги, побежала за моим багажом, на всякий случай взяла за руку ребенка, принадлежавшего

англичанке с увесистыми чемоданами в руках, и как можно быстрее и незаметнее покинула японское судно, а затем и порт. Материалы я передала связному только на следующий день, поколесив предварительно в нескольких такси по городу, чтобы оторваться от возможного преследования и убедившись, что за связным тоже нет “хвоста”.

Вновь и вновь я спрашивала себя: неужели мне только повезло? Или “помог” мой германский паспорт? А может, за мной уже следили? А что, если японская полиция рассчитывала с моей помощью напасть на след наших связных в Шанхае?.. Но времени на размышления не оставалось, так как вскоре предстояло отправиться назад в Токио и опять везти с собой немало сведений, письменные материалы из Центра, а также пачки денег, необходимые для финансирования нашей деятельности: последние, правда, были вне подозрений...»

В качестве курьера ездил и сам Зорге – он был курьером германского посольства, возил в Маньчжурию и Гонконг документы, а заодно прихватывал и свой груз. Но в конце 1939 года держать связь через Китай стало и опасно, и затруднительно. Там шла война, береговая полиция усилила слежку, на судах тоже все время проводились дотошнейшие проверки. Тогда он сообщил в Москву, что встречи надо проводить в Токио. Через некоторое время ему ответили: «Два билета с более высокими номерами для Фрица. Один с меньшим номером для связного». Еще через какое-то время Макс нашел в почтовом ящике два билета в японский императорский театр – там они и обменялись пакетами с человеком из Москвы. Клаузен передал фотопленки и получил взамен пакет с деньгами. Связным был советский консул в Токио. На третью встречу пришел второй секретарь посольства В. С. Зайцев, который и

стал постоянным связником группы. С Клаузенем он встречался в офисе компании, с Рихардом – в ресторанах.

Особо срочные и ценные сообщения отправлялись по радио. Поэтому в группе должны были быть шифровальщик и радист. Иногда резидент сам шифровал радиogramмы (Зорге до приезда Макса тоже этим занимался), иногда это делал радист, а иной раз в группе был специальный шифровальщик.

Что такое шифровка? В свое время американский генерал Уиллоуби, руководитель секретной службы при штабе генерала Макартура, по поручению министра обороны Форрестолла подготовил доклад о работе резидентуры «Рамзай» – естественно, не всей работы, а того, что было известно. И он приводит, например, описание того, как группа согласовывала время выхода на связь. Для этого разведчики пользовались словами из немецкой пословицы: «Morgenstunde hat Gold im Munde». Их записывали против дней недели в три столбика. Сочетание букв обозначало день недели. Так, сочетание NH1 обозначало субботу. Допустим, передавали код: NH130. Тогда надо было взять дату ближайшей пятницы – допустим, это было 12 число, – отнять ее от переданного числа и получить время передачи. В нашем случае 18 часов. Как же тогда выглядел процесс шифрования донесений?

Макс Клаузен рассказывал о нем Юлиусу Мадеру:

«Я хотел бы подробнее объяснить нашу систему кодирования на примере одного из последних сообщений, переданных мне Рихардом. Текст этой столь важной радиogramмы гласил: “Советский Дальний Восток может не опасаться нападения Японии”. Его необходимо было так закодировать, чтобы его не мог расшифровать никто из посторонних. Поэтому я

воспользовался системой, надежно служившей нам на протяжении нескольких лет. Вначале необходимо было заменить буквы цифрами. Мы пользовались английским алфавитом. Наиболее часто употреблявшиеся буквы заменялись однозначными цифрами, прочим буквам соответствовали двузначные цифры от 80 до 99. Это однократное кодирование не представлялось нам достаточно надежным: служба радиоперехвата противника такой текст все же могла расшифровать.

Для вторичного кодирования мы пользовались “Статистическим ежегодником германского рейха”. Тогда, в 1941 году, я воспользовался выпуском 1935 года. Статистический ежегодник состоял из сотен таблиц, содержащих великое множество цифр. В первой его части были помещены статистические данные о Германии, отпечатанные на белой бумаге. Эту часть я использовал в качестве основы для кодирования. Во второй части справочника на листах зеленой бумаги приводились международные статистические обзоры: ею пользовался Центр для шифровки радиোগрам, предназначавшихся для нашей разведгруппы. Совершенно “аполитичный” статистический ежегодник мы выбрали не только потому, что с его помощью можно было составить сотни тысяч цифровых комбинаций, но и еще по той причине, что наличие такого издания у журналиста Зорге и у меня, слывшего солидным предпринимателем, не вызывало абсолютно никаких подозрений.

Каждая радиোগрамма начиналась нашим “обратным адресом”: DAL, то есть 83 5 93. Это были начальные буквы русского географического названия Дальний Восток. В конце каждой радиোগраммы я отстукивал условное имя Рихарда Зорге – RAMSAY, соответственно в цифрах 4 5 96 0 5 97. Шифровки передавались исключительно группами из пяти чисел.

Теперь мне хотелось бы попытаться как можно понятней разъяснить принцип вторичного кодирования. Числа, представлявшие собой зашифрованный полный текст радиোগраммы, записывались в виде групп из пяти чисел. При этом под каждой строкой я оставлял столько места, чтобы под ней записать цифры из “Статистического ежегодника”, а также результат суммирования обеих строк. Откуда появились цифры второго и третьего ряда? Цифры для второго ряда я брал со 193-й страницы “Статистического ежегодника Германского рейха” за 1935 год. Цифры для второго ряда я брал с этой страницы справочника, причем начиная с седьмой строки пятого столбца. Для еще большей надежности мы никогда не брали первую цифру, а всегда начинали с последней цифры соответствующего столбца. После того как числа из справочника были записаны под цифрами, получившимися в результате первичного кодирования, последние складывались с первыми, десятки при этом отбрасывались. Я записывал только оставшиеся единицы сумм – так получалась третья строка.

Теперь необходимо было сообщить Центру, с какого места в статистическом ежегоднике надо начинать брать цифры для расшифровки. Необходимость эта возникала оттого, что я всякий раз использовал новую страницу и отсчет цифр начинал с другой строки или с другого столбца. Это сообщение кодировалось отдельно. Под цифрами четвертой “пятерки” дважды закодированного текста я записывал номер страницы и цифры, обозначающие строку и столбец. Под ними я, кроме того, записывал еще и третью с конца “пятерку”. Все это складывалось...»

Надо несколько раз прочитать, чтобы понять, как все это, собственно, делается. А Макс занимался этим на практике! Шифрование – невероятно трудоемкий

процесс, но он оправдал себя. Их радиোগраммы перехватывали в нескольких государствах, и никто никогда не смог расшифровать ни единого слова. Сначала шифрованием занимался сам Зорге, а начиная с 1937 года – Макс. Привыкнув писать шифром, он мог закодировать до 500 «пятерок» в час.

Но ведь надо было еще и передать все эти радиোগраммы! Макс приехал в Японию, естественно, с пустыми руками – нечего было и думать пронести рацию через таможню. Однако советские радисты были обучены самостоятельно изготавливать аппаратуру, и достаточно быстро Макс собрал передатчик и опробовал его.

Затем они с Анной сняли в шестидесяти километрах от Токио летний домик на берегу океана и радиовали попеременно оттуда, из токийской квартиры, из квартир Штайна и Вукелича.

Макс был радистом высочайшего класса. Однако жизнь в постоянном напряжении дала о себе знать – неожиданно не выдержало сердце.

«В 1940 году у меня начались тяжелые сердечные приступы, – вспоминал Макс. – Лечащий врач-немец прописал мне строгий постельный режим. Я без конца получал уколы. Так продолжалось около трех месяцев. Врач посоветовал мне перестать думать о делах фирмы. Но шифровки-то надо было по-прежнему передавать. Тогда я попросил сделать в мастерской моего предприятия нечто вроде подставки под предлогом того, что с ее помощью я смогу читать в постели. На этой подставке я затем шифровал радиোগраммы. Как только я заканчивал эту работу, моя жена быстро собирала передатчик и устанавливала его на двух стульях возле кровати. Лежа в ней, я стучал ключом, стоявшим на одном из двух стульев. В эти дни Рихард приносил мне только самые срочные материалы. Потом

мне пришлось для окончательного выздоровления поехать в Хаоне, в горы. Оттуда я дважды в неделю приезжал в Токио, чтобы выходить на связь».

Юлиус Мадер вычленил несколько принципов работы радиста Макса Клаузена.

1. Для приемника и передатчика он покупал только такие радиодетали, количество и качество которых ни в чем не превосходили запросов рядового радиолюбителя. Это требовало особых конструктивных решений. Так, например, ключ он изготовил из деревянной формочки для масла. Даже попытка спросить в магазине телеграфный ключ немедленно привлекла бы внимание шпиков.

2. Чтобы максимально уменьшить размеры аппарата, он отказался от выпрямителей и работал с переменным током. (Один из радиоспециалистов ГДР так прокомментировал качество этой рации: «Из-за переменного напряжения, подаваемого на анод, и ключа в цепи сетки передатчик должен был генерировать очень много высших гармоник. Звук, получавшийся в результате этого, по нынешним понятиям был бы совершенно неприемлемым. Более низкую стабильность частоты передатчика, пожалуй, трудно себе представить».) Однако маленькие размеры были важнее...

3. После каждого выхода в эфир передатчик разбирался до максимально возможных пределов. Благодаря этому его трудно было бы найти в случае неожиданной полицейской проверки, а кроме того, в таком состоянии передатчик в любой момент был готов к транспортировке. Клаузен хранил в различных местах и в различных квартирах заранее подготовленные шасси, на которых в считанные минуты можно было смонтировать недостающие детали, легко умещавшиеся в портфеле, и тем самым быстро подготовить передатчик к работе. Приемник был

настолько малых размеров, что разбирать его не требовалось.

4. Длина волны, на которую был настроен передатчик, не оставалась постоянной: Макс попеременно работал то в диапазоне 39, то 41 метр.

5. Передачи велись всякий раз из другого района Токио. Кроме того, Макс часто разворачивал свою радиостанцию и на его окраинах, и в пригороде. Если шифровка была длинной – а однажды в течение одной-единственной ночи ему пришлось послать в эфир две тысячи слов, на что ушло два с половиной часа – радист прерывал сеанс и переезжал в другое место.

6. Выходы в эфир проводились в самое разное время суток.

По данным генерала Уиллоуби, в 1939 году Макс провел 60 сеансов связи, передав около 23 тысяч слов, в 1940 году – также 60 сеансов и 29 тысяч слов, в 1941 году – 21 сеанс и 13 тысяч слов (в этом году они работали до середины октября). Однако сам Клаузен вспоминает, что за эти годы он передавал ежегодно около 40 тысяч слов, и, конечно, радировать он начал не с 1939-го, а с 1935 года. Причем особенно много сообщений пришлось на 1941 год, когда было много срочной информации, а курьерская связь почти прекратилась.

Поначалу Зорге старался, чтобы члены группы как можно меньше знали друг друга. Теоретически он должен был быть единственным, кто имеет связь с остальными членами группы. Но это теоретически. А практически все было не совсем так.

Правда, совместных пикников и дружеских посиделок, как в Китае, они уже не устраивали. Но все же Рихарда знали все основные члены группы. Макса Клаузена тоже все знали, и он знал всех. Главных

членов группы знал и Мияги. Рихард и Мияги приходили в дом к Вукеличу, благо его первая жена была посвящена в работу мужа и даже иной раз ему помогала. В 1940 году он во второй раз женился – на японке, – и тогда эти посещения прекратились. С рядовыми информаторами, правда, встречались только те, кто держал их на связи.

Сначала с японцами Рихард встречался в ресторанах. Но примерно с 1940 года это стало затруднительно, поскольку беседующие между собой японцы и иностранцы привлекали слишком большое внимание. Тогда Рихард стал встречаться с японцами у себя дома. Вот и получилось так, что в ядре резидентуры все знали всех.

Уиллоуби в своем исследовании выделил несколько правил конспирации, которые действовали в группе «Рамзай» (и не только там они действовали, а во всей советской разведке). Одни из них общеизвестны, другие мало кто знает. Приведем их все.

1. Профессиональная деятельность каждого члена разведгруппы не должна была вызывать никаких подозрений.

2. После каждого выхода в эфир исходный текст для кодирования менялся. (Несколько позже в наших резидентурах вообще ввели одноразовые шифроблокноты).

3. Члены группы не имели права поддерживать контакт с лицами, известными своей принадлежностью к коммунистической партии или симпатизировавшими коммунистам. (Если бы эти контакты еще и на самом деле не поддерживали! Скольких провалов удалось бы избежать...)

4. После каждого сеанса радиосвязи рация разбиралась, ее детали хранились отдельно.

5. Встречи с курьерами московского Центра проходили в условиях строжайшего соблюдения конспирации; подлинные фамилии при этом, например, никогда не употреблялись.

6. Каждый из разведчиков имел конспиративную кличку. В текстах радиোগрамм и при разговорах нельзя было называть даже подлинные имена.

7. Все географические наименования и названия источников информации также шифровались. Так, Владивосток в радиোগраммах именовался «Висбаден», Москва – «Мюнхен». То же правило действовало и для источников информации. «Марта», к примеру, означало «военный атташе Германии в Токио», «Паула» – «вице-адмирал Венекер», «уайт боттл» – «военно-морской флот Германии», «грюн» – «Япония», «грин бокс» – «японская армия», «Мак» – «Мацуока и пр.

8. Все записки и документы, содержание которых могло вызвать подозрения, по использованию подлежали уничтожению.

Эти принципы, столь восхитившие американского генерала (одной из целей составления этой записки, кстати, было использование советского опыта в работе американских спецслужб, которые тогда находились в процессе становления) – так вот, эти принципы совсем не вызывали восхищения в Центре. Все это было нечто само собой разумеющееся, но в целом уровень конспирации группы «Рамзай» никакого восторга не вызывал.

Обычно кадровых разведчиков время от времени отправляли поработать в центральном аппарате, перемежая сидением в кабинетах Разведупра заграничные командировки. Это был совсем не отдых, а важная составляющая опыта разведчика. Иной взгляд на ту же работу, школа, точно так же необходимая, как и вторая ипостась той же деятельности – охота за

чужими разведчиками, участие в играх и пр. Зорге всей этой школы не прошел. Он был в чистом виде разведчик, агент – и в этом была его слабость.

«Вот идут двое – корреспондент и разведчик, – говорит Борис Гудзь. – Им нужна информация. А потом их пути расходятся. Журналисту вполне достаточно добытых сведений для статьи. Разведчик же продолжает движение, ему нужна информация постоянно новая. Значит, требуется агентура, вербовка... И если человек, даже талантливейший, уровня Рамзая, на этапе перехода от журналиста к разведчику минует школу, в которой он должен усвоить законы контрразведки, то у него могут случаться некоторые заскоки, потери, ошибки... И мы старались как-то обогатить Рамзая столь необходимыми ему знаниями...»

Корр. В чем же конкретно эти, как вы называете, “заскоки” проявлялись?

– Он, к примеру, гонял по Токио на мотоцикле. Да там в 30-х движение было такое, как у нас сегодня в Москве. Можете себе представить, чтобы серьезнейший резидент с мощнейшей сетью – и на мотоцикле! Происходит авария, Зорге – без сознания, с ним – секретные материалы. Да он тогда чуть не попал в полицию с этими документами! Мы, естественно, мотоцикл строжайше запретили. Или передает в Москву по радио вот такие длиннющие телеграммы. Они скорее характера журналистского, а не разведывательного. Конечно, интереснейшие – в газету, лучше даже по размеру в журнал для публикации. Но мы же имели здесь все японские газеты, здесь у нас японисты сидели, их анализировали и все прекрасно понимали. Опасно было столько передавать: Зорге же знал, что в Токио есть радары, которые стараются уловить все переговоры. К счастью, здесь пронесло...»

Еще в Китае Рихард полюбил гонять на мотоцикле, причем с недозволенной скоростью и далеко не всегда в трезвом виде, и авария, о которой говорит Гудзь, была для него не первой. Но прежние были не слишком серьезными, а в этот раз разбился он сильно. Отправляясь на встречу с Одзаки, Рихард наехал на камень у обочины, имея при себе секретные документы. Попав в больницу, он первым делом вызвал Макса Клаузена – тут уже было не до конспирации, – передал ему бумаги и лишь затем позволил себе потерять сознание.

«У меня был очень болезненный несчастный случай, – писал он Кате в Москву, – несколько месяцев я лежал в больнице. Правда, теперь уже все в порядке, и снова работаю по-прежнему. Во всяком случае, красивее я не стал. Прибавилось несколько шрамов и значительно уменьшилось количество зубов. На смену придут вставные зубы. Все это результат падения с мотоцикла. Так что, когда я вернусь домой, то большой красоты ты не получишь. Я сейчас скорее похож на ободранного рыцаря-разбойника... Хорошо, что я вновь могу над этим шутить, несколько месяцев тому назад я не мог этого: я должен был жутко много перенести. И при всем этом работать...»

Работа группы в самом разгаре

Итак, можно было сказать, что разведгруппа состоялась. Зорге и другие «белые» ее члены добывали информацию из дипломатических и журналистских кругов. Рихард персонально очень хорошо «выдаивал» немецкое посольство.

Отношения с Оттом развивались наилучшим образом. Вскоре немецкий атташе уже обсуждал со своим другом и советчиком рапорты, которые отправлял в Берлин, а иной раз Рихард даже помогал Отту шифровать донесения, получив тем самым доступ к коду посольства. Естественно, информация для этих рапортов подбиралась и советы давались в определенном ключе, так что Зорге был не только разведчиком, поставлявшим информацию, но еще и «агентом влияния»^[24]. Отт, в свою очередь, знакомит своего помощника с директивами и указаниями, которые получает, ну и, само собой, с документами, поступающими в посольство.

Летом 1936 года, уезжая в отпуск в Германию, Отт предложил Зорге включить его в штат посольства в качестве вольнонаемного сотрудника, своего помощника «по линии промышленно-экономического изучения страны». Казалось бы, чего еще хотеть? Однако Рихард отказался. Штатная работа в посольстве требовала согласования в Берлине, там начнутся проверки, и кто знает, что еще выплывет из архивов полиции и секретных служб? Лучше уж быть просто «другом господина полковника» – впрочем, уже не полковника, а генерал-майора. Из Берлина Отт привез новые погоны – военные атташе получали это звание

лишь в исключительных случаях, и не последнюю роль в этом повышении сыграли подробные и толковые рапорты, которые военный атташе посылал из Токио. А свободолюбивый журналист, превыше всего ценящий свою независимость, так и остался в числе его лучших друзей.

В начале апреля 1938 года – новое повышение. Генерал-майор Отт становится чрезвычайным и полномочным послом Германии. Не зная, что и думать по этому поводу, настолько все это было неожиданно и непредсказуемо, он предположил: «Мое назначение было задумано как прецедент, позволяющий сделать то же самое с Осимой». И действительно, генерал-майор Хироси Осима, старый друг Эйгена Отта, в середине 1938 года также был назначен послом.

Вместе со статусом Отта повышался и статус Рихарда Зорге. Бывший начальник отдела министерства Хельмут Вольтат писал:

«Посол относился к Зорге как к пресс-атташе посольства. Он регулярно обменивался с господином Зорге самой секретной информацией... Как посол, он с самого начала войны доверил господину Зорге ведение военного дневника посольства».

Дошло до того, что посольство оплачивало некоторые поездки Рихарда по Японии и даже на континент.

А вскоре Зорге дошел до такой... иначе, как наглостью, это не назвать. Естественно, получая для работы на дому документы, он их фотографировал. Но теперь он стал переснимать бумаги прямо в здании посольства. Время от времени он проделывал это уже в 1935 году.

В октябре 1936 года Борович, курировавший работу группы из Шанхая, сообщает в Центр: «Отт, получив

какие-либо интересные материалы или собираясь писать, приглашает “Рамзая” и знакомит его с материалами. Менее важные передает “Рамзаю” на дом для ознакомления, более важные, секретные “Рамзай” читает у него в кабинете. Бывает, что Отт, дав материал, уходит из кабинета по делам или с очередным докладом к послу. “Рамзай” выявил расписание этих докладов (продолжающихся 20–40 минут) и, пользуясь этим, приходит к Отту минут за 15 до доклада, с тем чтобы задержаться с материалами на время его отсутствия. За это время он имеет возможность сфотографировать материалы».

Но в массовом порядке Зорге начал переснимать документы в 1936–1938 годах. Иной раз он присылал с одной почтой по несколько сот кадров. Это было все что угодно: экономические и политические обзоры, доклады германских консульств и посольства в Китае, доклады Отта и Дирксена в Берлин и пр...

«Хорошая жизнь» продолжалась до 1939 года. Но постепенно штаты посольства разрослись, в том же доме теперь присутствовало гораздо больше народу, ужесточился и контроль за получением и использованием документов. В июне 1939 года Зорге пишет в Центр:

«При современных условиях переполненности помещений посольства и усиленной охраны возможность взять что-либо с собой из помещений аппарата посольства или ВАТа ^[25] почти совершенно исключается. В теперешней обстановке даже лучший мой друг не решился бы выдать из аппарата посольства даже простого клочка бумаги. Есть опасение, что вся новая техника, которую я здесь развернул, а именно обработка материала на месте, стоит под угрозой в связи с чрезвычайным недостатком места».

Впрочем, он по-прежнему может знакомиться с документами – лишь фотографировать их не удастся. Но у него хорошая память...

Однако он не знает о переменах, происшедших в Центре после чисток. Там почти не осталось опытных сотрудников. Не слыша или не желая слышать объяснений Рихарда, его упрекают, что он почти перестал присылать фотокопии документов. В феврале 1941 года он получает по этому поводу упрек Центра: «Дорогой Рамзай. Внимательно изучив ваши материалы за 1940 год, считаю, что они не отвечают поставленным вам задачам. Большая часть ваших материалов несекретны и несвоевременны. Наиболее ценные сведения достаете лично вы, а ваши источники ценных материалов не дают». И в марте 1941 года он повторяет: «В течение последних 3 лет учреждения германского посольства настолько расширились и появилось такое большое количество новых людей, что буквально не найти ни одного свободного местечка. При этих условиях почти совершенно исключена какая бы то ни было возможность фотографирования того материала, который еще сейчас мне удастся получить для прочтения. За все эти годы мне удавалось, несмотря на существенную смену аппарата, сохранить свое положение человека, пользующегося доверием. Сейчас мне также удастся читать почти столько же материалов, сколько и прежде, а может быть и больше. Но, к сожалению, в большинстве случаев я не могу их фотографировать, как я это делал прежде. Вы должны понять, что материалы и документы, которые мне разрешают читать, я не могу при существующих условиях ни в коем случае выносить за пределы учреждения. Только в самых редких случаях удастся что-либо подобное. Этому мешает строгая секретность

и предосторожность против местных шпионов, царящие в названных учреждениях».

Преуспевал Рихард и как журналист. Публикуемые в Европе материалы снискали ему достаточно широкую известность, причем не только как корреспонденту, но и как ученому – все-таки он был доктором социологии, не стоит об этом забывать. В 1936 году Алекс сообщает в Центр:

«В колонии “Рамзай” завоевывает все больший авторитет как крупный отечественный журналист. Он теперь является представителем не только одной маленькой газеты, с которой он начал, но, как вам может быть известно, корреспондентом одной из крупнейших тамошних газет и ведущего толстого экономического журнала».

Сам Зорге в донесении от 14 мая 1937 года пишет, что стал известным журналистом и заместителем руководителя Германского информационного бюро в Токио.

Он общается со множеством коллег из самых разных стран, есть у него знакомства и в деловых кругах. Большого разведывательного значения все это не имеет, однако полезно для репутации и для общего понимания обстановки. В этих кругах все время крутится довольно большое количество информации, и, высмеивая по журналистской привычке за рюмкой в хорошей компании очередное политическое начинание, можно много узнать. Естественно, никто из коллег и не подозревал, кто такой на самом деле Рихард. Он считался в журналистской среде хорошо информированным и нежадным товарищем, охотно скармливал коллегам не слишком ценную информацию, взамен приобретая хорошее отношение. Но,

естественно, секретные сведения коллеги не получали, Зорге приберегал их для Центра и для немецкого посольства.

«Другие журналисты уважали меня не только как известного германского журналиста, но и как отзывчивого друга, готового помочь в случае необходимости, – сообщал Рихард в Центр. – Например, когда Вайзе уезжал в отпуск, я оставался за него в Германском информационном агентстве. Также если случалось что-либо, заслуживающее телеграфного донесения, о чем другим узнать не удалось, то я их информировал. Мы не только встречались в служебном помещении, но и обедали вместе и бывали друг у друга дома. В свою очередь, когда они знали, что я не хочу идти куда-либо, например в “Домэй” или информационное бюро японского правительства, то они делали это за меня. Меня считали слегка ленивым, обеспеченным репортером. Конечно, они не имели понятия о том, что мне приходится делать очень многое помимо моей журналистской работы. В целом мои отношения с германскими журналистами были близкими, приятельскими».

По мере «похолодания» международной обстановки Рихард постепенно уменьшал количество контактов с коллегами из других стран. Не то чтобы это было обязательно – несмотря на любой градус международных отношений, журналисты все равно продолжали вместе пить и обмениваться информацией. Однако ни к чему было провоцировать германское посольство на выражение неудовольствия, тем более что с коллегами из противоположного лагеря поддерживал контакт Бранко Вукелич. На достаточном расстоянии Рихард держался и от японских коллег, поддерживая с ними лишь официальные отношения, встречаясь на приемах и пресс-конференциях да иной раз приглашая кое-кого на завтрак. Зачем, когда есть

Одзаки, Мияги и их многочисленные и разветвленные связи?

Бранко числился в агентстве «Домеи», через которое, как и через любое информационное агентство, проходило множество информации, далеко не всегда по цензурным соображениям попадавшей в прессу. Однако эти сведения, не подлежащие оглашению, естественно, никем не охранялись, информационные сводки валялись где попало, а японские журналисты, которые мало о чем могли писать, обсуждали в разговорах самые разнообразные темы. Бранко к тому времени свободно говорил по-японски. Работал он также во французском агентстве «Гавас» с тем же результатом.

К тому времени мнение резидента об этом его помощнике кардинально изменилось. Когда Рихард сообщал в Центр свои соображения по поводу дальнейшей реорганизации резидентуры с просьбой отозвать его и Клаузена, именно Вукелича он видел своим преемником.

«...В любом случае мы за то, чтобы он непременно возвратился назад для создания здесь крепкой кристаллизационной точки для всех будущих работ. Жиголо настолько хорошо здесь вжился, что просто было бы жаль его отсюда пересаживать. Разговор и чтение местного языка он освоил почти в совершенстве, а это весьма редкое явление».

Сюда можно добавить, что Бранко разошелся с Эдит, которая была в курсе его работы, и в 1940 году женился на японке Ямасаки Иосико, причем обвенчался с ней в церкви, а в 1941 году у них родился сын Хироси. Новую жену он в разведывательные подробности своей работы не посвящал. Теперь у него были еще более прочные корни в Японии. Эдит получила «за молчание» шесть тысяч долларов и вышла из организации.

Что касается Ходзуми Одзаки, то его карьерный рост не остановился на должности сотрудника газеты. Вскоре Одзаки стал членом так называемой «группы завтраков», или «группы среды» – так называли себя молодые аналитики, группировавшиеся вокруг князя Коноэ, высокопоставленного сановника, трижды занимавшего пост премьер-министра. «Группа завтраков» была «мозговым центром» кабинета князя. В 1938 году он был назначен советником кабинета – это уже была официальная должность, дававшая большие права на получение информации и на доступ к государственным документам, в том числе и секретным.

В основном Одзаки черпал из кабинета князя информацию, касающуюся внутренней и внешней политики Японии, несколько реже экономическую и еще реже – военную информацию, все ценное из которой становилось достоянием разведгруппы «Рамзай». Кроме того, эти знакомства много давали для понимания общей обстановки в стране, хотя трудно сказать, оставался ли ЦК ВКП(б) по-прежнему заказчиком Зорге или уже нет. Менялось время, менялись приоритеты, Радек был арестован и расстрелян, а Рамзай по-прежнему сидел в Японии, у него было свое представление о том, чем именно он должен заниматься.

Затем Одзаки начал работать в научно-исследовательском бюро акционерного общества Южно-Маньчжурской железной дороги. ЮМЖД была не просто дорогой, путем сообщения, а колоссальной экономической империей, державшей в руках экономику значительной части провинций Северного Китая и тесно связанной с планами японского генштаба и Квантунской армией. Территория, которую контролировали ЮМЖД и Квантунская армия, в три раза превышала территорию собственно Японии. А учитывая, что Южная Маньчжурия, согласно планам

Танаки, являлась плацдармом для нападения на СССР, нетрудно догадаться, что подробности жизни этого «государства в государстве» крайне интересовали Москву. С августа 1939 года Одзаки редактировал «Ежемесячный отчет» Общества, где содержалась вся информация о перевозках, а по ней можно было составить представление о действиях Японии в этом регионе, непосредственно примыкавшем к советской территории. А кроме того, обаятельный Одзаки легко заводил знакомства, и в число его друзей и приятелей входили достаточно высокопоставленные люди.

«Я по натуре человек общительный, – говорил он на суде, – у меня не только широкий круг друзей, но я поддерживал довольно близкие отношения с большинством из них. Эти друзья и были для меня источниками информации».

...

«Никогда не производи впечатление человека, страстно желающего получить какую-либо информацию, – делился он опытом. – Тот, кто занят важными делами, откажется беседовать с тобой, если заподозрит, что твой мотив – сбор информации. А если ты производишь впечатление человека, знающего больше, чем твой предполагаемый информатор, он даст тебе ее с улыбкой. Неформальные вечеринки – превосходное место для сбора новостей. И очень удобно быть специалистом в какой-либо области. Что касается меня, я был специалистом по китайским вопросам, и ко мне часто обращались люди из разных кругов... Жизненно необходимы связи с влиятельными организациями... Ты не сможешь быть хорошим разведчиком, если сам не являешься хорошим источником информации. А этого можно достичь лишь в ходе непрерывного образования и приобретения богатого опыта».

Мияги тоже поставлял информацию. Правда, его источники были далеко не такими ценными, как у Одзаки – высокопоставленный врач, унтер-офицер, фабрикат, биржевой маклер, дамская портниха, – но они тоже передавали сведения, почерпнутые в разговорах с офицерами, чиновниками и их женами, и пр. Был у него и один ценный контакт – личный секретарь японского генерала Угаки. Этот генерал четыре раза был японским военным министром, а в 1938 году стал министром иностранных дел. Мияги и его секретарь были старыми друзьями, и, что особенно ценно, по этому каналу шла военная информация. Не брезговал художник и прогуляться по низкопробным барам, выпить и поболтать с военными – способ, совершенно невозможный для элитарного Одзаки. Рихард в Китае добывал таким способом немало сведений, получалось это и у Мияги в Токио. Правда, как говорил Зорге про этого своего помощника: «Он часто жаловался на то количество спиртного, которое ему приходится выпивать, чтобы узнать самые тривиальные факты».

Через Одзаки и Мияги Рихард поддерживал контакт с остальными японскими информаторами своей организации – их, агентов и источников, было тридцать человек.

...Рихард Зорге был не только разведчиком и известным журналистом, но и ученым. Он говорил, что глубокое знание страны пребывания необходимо в разведывательной работе. Однако это лишь одно, первое объяснение его интереса к Японии. Он изучал страну не как разведчик, а как ученый, вживался в ее жизнь. Так, в 1941 году, когда Михаил Иванов попал на представление старинной японской оперы, которое МИД Японии устраивал для дипломатов и журналистов, то,

наблюдая за выражениями лиц присутствующих, пришел к выводу, что из всех гостей один лишь Зорге понял и оценил спектакль. Японское искусство весьма специфично, просто так его не поймешь.

В отличие от большинства европейцев Рихард не стремился жить в своей среде. Вскоре после прибытия в Японию он снял для себя маленький домик с крохотным садиком в «японском» квартале в районе Адзабу-ку. Эта Харих-Шнайдер, профессор консерватории, так описывала этот дом:

«В квартире было жарко, как в духовке. Очертания пыльных улиц расплывались в нестерпимом блеске солнечных лучей; на террасе, расположенной на крыше его дома, даже по ночам царила невыносимая духота... Воздух был наполнен ароматом горячего дерева, из соседних домов доносились звуки радио и детский смех...

Дом Зорге затерялся среди жилищ бедных японцев. Построенный в небрежном европейско-японском стиле, он выглядел неряшливо. Две комнаты внизу, вся их убогая обстановка ограничивалась несколькими шаткими столиками, на одном из которых лежал клочок потертого красного бархата... За стенкой находилась кухня. Наверху – его рабочая комната с большим диваном, письменным столом и граммофоном, во всю стену от пола до потолка – книжные полки. За дверью – спальня, которую почти целиком занимала широкая двуспальная кровать. К спальне вел узкий коридорчик. Двери обеих комнат верхнего этажа выходили на террасу».

Сам Рихард писал жене со своим обычным юмором:

«Здесь зима выражается в дожде и влажном холоде, против чего плохо защищают и квартиры, ведь здесь живут почти что под открытым небом: если я

печатаю на своей машинке, то это слышат почти все соседи. Если это происходит ночью, то собаки начинают лаять и детишки плакать, Поэтому я купил себе бесшумную машинку...»

Вскоре в домике появилась и хозяйка. 4 октября 1935 года Рихард отмечал день рождения в ресторанчике «Золото Рейна», где любили собираться скучающие по родине токийские немцы. В заведении старательно поддерживался немецкий дух, даже японских официанток звали европейскими именами. Впрочем, воспитаны они были в лучших японских традициях, были умны и умели развлекать гостей утонченной беседой. В тот день хозяин подозвал одну из официанток по имени Агнес и велел: «Этому господину сегодня исполнилось сорок лет. Постарайся, чтобы ему запомнился этот вечер».

Однако, несмотря на все старания девушки, «господин» чем больше пил, тем больше мрачнел.

– Люди веселятся в день рождения. А вам, наверное, у нас скучно... – сказала она, подливая гостю вина.

– Если тебе доведется отмечать сорокалетие так же далеко от родных мест, поймешь, насколько это весело, – мрачно усмехнулся тот.

Через несколько дней они случайно встретились в магазине грампластинок.

– Ты так старалась развеселить меня, что заслуживаешь награды, – улыбнулся гость. Сегодня он был весел и обаятелен, подарил Агнес несколько пластинок. В следующий раз они увиделись весной 1936 года, когда немец вновь появился в ресторане, затем – в июне... «Агнес», на которую он произвел неизгладимое впечатление, помнила каждый его визит. А вскоре они познакомились ближе. Исии Ханako – так было ее настоящее имя – стала третьей женой Рихарда Зорге.

Позднее на допросе в полиции она кратко и очень четко определила стиль его жизни: «По утрам он ходил в германское посольство, часто бывал пьян и иногда писал статьи». Если вечером Рихард был свободен, он непременно проводил время в каком-нибудь из любимых дипломатами, военными и журналистами ресторанов. Постепенно постоянное напряжение, да и разочарование в идеалах молодости накладывали свой отпечаток на его характер. Свойственный Зорге искрометный юмор все чаще уступал место сарказму, он становился циничным, все больше и больше пил.

Доктор Лили Абегг, корреспондент «Франкфуртер Цайтунг» на Дальнем Востоке, вспоминает:

«Собственно говоря, как человек Зорге был очень приятен и даже мил, если хотел этого... Он не терпел глупцов или людей, казавшихся ему неинтересными. В таких случаях он не скрывал своего презрительного отношения, а его сарказм мог переходить все границы».

И чем дальше по жизни, тем больше сарказма.

Генерал Уиллоуби по отзывам людей, знавших Зорге, дает такой его портрет:

«В физическом отношении Зорге был крупный человек, высокий и коренастый, с каштановыми волосами. Как заметил один из его знакомых японцев, с первого взгляда на его лицо можно было сказать, что он прожил бурную и трудную жизнь. В выражении глаз и линии рта сквозили надменность и жестокость. Он был горд и властен, сильно любил и горячо восхищался теми, чьей дружбы он искал, но был безжалостен к остальным и откровенно ненавидим ими. Многие его японские коллеги по печати видели в нем типичного головореза, высокомерного нациста и избегали его. Он был горячий человек, любивший сильно выпить и

привыкший часто менять своих любовниц. Известно, что за годы службы в Токио он находился в интимных отношениях примерно с 30 женщинами. И все же, несмотря на увлечение женщинами, запойное пьянство и тяжелый характер, он ни разу не выдал себя...»

Тот факт, что Рихард Зорге пил, западными исследователями не оспаривается как факт общеизвестный, а советскими стыдливо опускается. Друг Зорге, немецкий дипломат принц Урах, вспоминал:

«Выпивая, он проходил все состояния пьяницы: экзальтированность, слезливую униженность, агрессивность, паранойю и мегаломанию, делириум, ступор и серое одиночество похмелья, которое можно было разогнать лишь новой порцией алкоголя».

В нетрезвом виде он бывал агрессивен, иной раз ввязывался в драки, но даже в самом пьяном состоянии никогда не говорил лишнего. Контрразведчик Ивар Лисснер решил как-то раз проверить Рихарда на предмет знания русского языка.

«Однажды я принес русскую газету и положил ему на стол. Русским я владел свободно. “Прочтите это!” – сказал я. Зорге уже успел выпить добрых пятнадцать порций виски. “Прочесть это? Да надо быть не в своем уме!” – и от его хохота, как обычно, стены заходили ходуном».

(Интересно, а каким образом контрразведчик ухитрился не знать, что Зорге – сын русской матери? Тот ведь жил и работал под своей фамилией и, в общем-то, не скрывал свою подлинную биографию, а лишь ее... скажем так, корректировал.)

Много для понимания этого характера дает известная фотография Рихарда Зорге токийского периода. Он стоит возле укрепленной на небольшом столбике таблички, на которой написано что-то по-японски и дан английский перевод: «HANDS OFF», что означает дословно: «Руки прочь!». Рихард ухватился за столб рукой, поставил ногу на его основание и с вызовом смотрит с объектив. Собственно, сюжет этого снимка может считаться символом работы разведчика. Ну а что касается вызова, то это уже личная особенность самого Рихарда Зорге, для которого вся жизнь была: «И вечный бой – покой нам только снится...». И пока что он выигрывал этот затяжной многораундный матч.

Почему Сталин не поверил Зорге?

Среди легенд о Рихарде Зорге самая популярная, наверное, та, что он – именно он! – предупредил Центр о точной дате начала войны, а Сталин не принял его телеграмму во внимание. И потом, когда ход событий обнаружил его неправоту, не мог простить Зорге, что разведчик оказался прозорливей.

Из публикации в публикацию кочуют всемирно известные радиogramмы «Рамзая», преданные гласности сразу же после его «реабилитации», на волне всеобщего интереса.

11 апреля 1941 г.

«Представитель генштаба в Токио заявил, что сразу после окончания войны в Европе начнется война против Советского Союза».

15 мая 1941 г.

«Нападение Германии ожидается с 20 по 22 июня».

21 мая 1941 г.

«Германия сконцентрировала 9 армий, состоящих из 150 дивизий, против СССР».

И, наконец, та самая, знаменитая:

15 июня 1941 г.

«Нападение ожидается рано утром 22 июня по широкому фронту».

Выглядят они эффектно. По крайней мере, вполне в духе фильмов про разведчиков, только приписки

«Юстас – Алексу» не хватает. Но это эффектность для массового зрителя. Дело в том, что настоящее разведдонесение обязательно содержит ссылку на источник. А если ссылка нечеткая, то Центр еще непременно, со скрупулезной занудностью уточнит: «Доложите о ваших источниках – кто они?» Но допустим, что эти ссылки выпали в ходе написания книг и статей. В конце концов, важно не кто сказал, а что сказано. Зачем загружать читателя лишней информацией?

Так почему же Сталин не поверил Зорге? Неужели действительно потому, что эти сообщения не укладывались в его собственные прогнозы? Несерьезно как-то, умным был человеком Иосиф Виссарионович, умным и не склонным абсолютизировать собственное мнение. Или, может быть, начальник Разведупра побоялся доложить о радиограммах Зорге: говорят, он был пуглив и доводил до сведения «самого» лишь то, что тому угодно было услышать. Но, если он был пуглив, то должен понимать, что, начнись на самом деле война и раскройся такое недонесение – ему святят трибунал и «вышка». Пугливые люди как раз стремятся докладывать все, чтобы переложить тяжесть ответственности на плечи начальства. Так в чем же дело? Или, может быть, все вообще было совсем иначе?

...М. И. Иванов пришел в Разведупр в мае 1940 года, после окончания Военной академии. Это было своеобразное время для советской разведки, время стремительных карьер и вопиющего непрофессионализма. Только что прошедшие «чистки» обескровили управление, выбив абсолютное большинство квалифицированных работников. На смену им приходили люди, имевшие о разведработе более чем смутное представление, и сразу достаточно быстро продвигались вверх по служебной лестнице, начинали

руководить и оценивать информацию по мере имеющегося умения. Они бы, может, и не хотели таких карьер, да у них не было выбора.

Иванова направили работать в японское отделение. И вскоре – дело было все в том же 1940 году – как-то раз вышел такой казус, что начальник отделения находился в командировке, а его заместитель готовился к отъезду в Японию и на службе не появлялся. Иванов остался за начальника отделения, сам-друг с переводчицей.

«...Рабочий день клонился к вечеру, – вспоминает он. – Я сидел в комнате один и, как обычно, закончив текущие дела, изучал материалы агентурной сети. Тревожно зазвонил телефон. Порученец Проскурова ^[26] распорядился, чтобы я принес “главному” “Личное дело № 1”, как мы называли досье Зорге. Через несколько минут я уже был в приемной комдива. 33-летний Проскуров, как всегда свежевыбритый и бодрый, обычно встречал гостей, поднимаясь из кресла... Вот и тогда комдив вышел из-за стола и, протянув руку, сказал: “Здравствуйте, Михаил Иванович. Звонил товарищ Поскребышев. “Хозяин” интересуется, “что там выдумал ваш немец в Токио”? К ночи ждет моего доклада”. Я знал содержание последней шифровки Зорге, где он сообщал первые сведения о практических шагах по сколачиванию пакта между Римом, Берлином и Токио, и что после окончания войны во Франции предстоит переориентация главных сил Германии на восток, против Советского Союза.

Проскуров взял личное дело Зорге и, закончив чтение, неожиданно спросил: “Скажите, капитан Иванов, а вы лично верите Зорге?” ...Я об этом думал уже не раз и поэтому сразу ответил: “Да, верю!”. Он тут же задал следующий прямой вопрос: “А почему?”.

Мне предстояло не просто дать ответ, а фактически поручиться за человека, лично мне не известного... “Я верю Зорге, потому что он информирует нас заранее о событиях, а все его наиболее значительные информации были впоследствии подтверждены жизнью. А это в деятельности разведчика самое главное”. Я тут же назвал его упреждающие сообщения, поступившие за предшествующие заключению “Антикоминтерновского пакта” шесть месяцев, о начале войны Японии в Китае в 1937 году, о событиях в Монголии летом 1939 года.

Проскуров перебил меня и сказал: “Верно, товарищ Иванов! Так в большом деле не обманывают. Будем Рихарда защищать”.

В тот раз Проскуров вернулся из Кремля уже под утро следующего дня. Принимая из рук комдива личное дело Зорге, я вопросительно посмотрел на него. Но он только развел руками и разрешил идти отдыхать».

Из этого отрывка можно заключить, что Проскуров отстаивал перед недоверчивым Сталиным правоту «Рамзая», но не отстоял, что разведка верила Зорге, а глава государства – нет. Но в разведке игры в «верю – не верю» вообще неуместны. Речь шла об очень серьезном деле – кроме того, что война сама по себе очень серьезное дело, СССР и Германию в то время связывал пакт о ненападении, и надо было трижды подумать, прежде чем хоть что-то предпринять. А любому, даже самому надежному и проверенному разведчику нельзя доверять безоговорочно. Он может не обманывать, но быть обманутым, может стать жертвой дезинформации. И Сталин не зря в качестве приложения к разведсводке затребовал личное дело агента. И, что самое главное, за кадром осталась вся конкретика эпизода: по поводу какого именно сообщения Сталин вызывал Проскурова, ни в коей мере

не аса разведки, в недавнем прошлом знаменитого летчика-истребителя, ветерана Испании, «гусара войны». Какие у нас вообще основания думать, что речь идет о Германии?

О том, как выглядели такие аудиенции, рассказывает другой человек, начальник ИНО НКВД П. М. Фитин. Правда, это уже немножко другое время, но его тоже вызвал Сталин по очень серьезному делу.

«16 июня 1941 года из нашей берлинской резидентуры пришло срочное сообщение о том, что Гитлер принял окончательное решение напасть на СССР 22 июня 1941 года, – писал Фитин в своих мемуарах. – Эти данные тотчас же были доложены в соответствующие инстанции... Вызов к И. В. Сталину не застал нас врасплох... И. В. Сталин, не поднимая головы, сказал: “Прочитал ваше донесение... Выходит, Германия собирается напасть на Советский Союз?”. Мы молчим. Ведь всего три дня назад – 14 июня – газеты опубликовали сообщение ТАСС, в котором говорилось, что Германия так же неукоснительно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз. “Что за человек, сообщивший эти сведения?”».

Мы готовы были к ответу на этот вопрос, я дал подробную характеристику нашему источнику... Работает в Министерстве воздушного флота и очень осведомлен. У нас нет оснований сомневаться в правдоподобности его информации.

После окончания моего доклада вновь наступила длительная пауза. Сталин, подойдя к своему рабочему столу и повернувшись к нам, произнес: “Дезинформация! Можете быть свободны”».

16 июня войска приграничных округов уже вовсю приводились в боевую готовность, через два дня они получают приказ выдвигаться в районы сосредоточения –

о чем Сталин, как глава государства, прекрасно был осведомлен. В этой ситуации вопрос о том, что Германия, «значит, все-таки собирается напасть», выглядит особенно трогательно.

И вот глава государства вызывает начальника внешней разведки (Фитин был профессиональным чекистом, не танкистом и не летчиком) по наиважнейшему вопросу: начнется ли через шесть дней война, как утверждается в донесении? Спрашивает его мнение по этому поводу – а начальник разведки, читавший все разведывательные сообщения, а не только это, молчит! Видите ли, два дня назад он ознакомился с сообщением ТАСС! И, находясь на таком посту, не знает, что газеты – один из главных органов **дезинформации**, а с него спрашивают **информацию**.

Ладно, оставим в стороне загадку этих воспоминаний (в конце концов, кто его знает, что рассказывал Фитин на самом деле и рассказывал ли что-то вообще?). Если отрешиться от сути этой милой сказочки и взглянуть «в общем», то о чем говорится в данном эпизоде? Разведка, как и пресса, – это поле боя информационной войны. На нем сталкиваются потоки информации и дезинформации, и главная задача разведки всех уровней, получив сообщение, его осмыслить и сделать соответствующие выводы: что здесь правда, а что – «деза».

К агенту претензий меньше всех. Его задача проста: пришел, услышал, сообщил. И то он должен соображать: насколько осведомлен его источник, откуда он взял переданную информацию, не подставленная ли это неприятелем деза или, может, просто болтовня, чтобы цену набить?

На следующих этапах задача усложняется. В дело вступает новая неизвестная величина – сам агент. Он может быть перевербован, может быть арестован и

работать под контролем, наконец, может просто обладать дефицитом интеллекта. Взвесив все это, информация либо отбрасывается, либо ложится в копилку. Потом она проверяется и перепроверяется, и лишь тогда принимается как достоверная. И то еще не факт. НКВД порой такие многоуровневые игры закручивал!

А вот и пример. Всем, кто хоть более-менее в теме, прекрасно известна знаменитая непечатная резолюция Сталина на одном из предупреждений о грядущем нападении. Текст ее, кажется, скоро войдет в школьные учебники:

«Т-щу Меркулову. Можете послать ваш “источник” из штаба герм, авиации к... матери. Это не “источник”, а дезинформатор. И. Ст.»

Источник – это знаменитый агент НКГБ «Старшина», обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен, сотрудник управления связи германского министерства авиации. Любимая забава историков – гадать, что в этом документе могло так разозлить Сталина. Грешат все больше на пункт второй – типа вождь обиделся, что немцы иронично отнеслись к его заверениям о мире. Притом, что сам в таких случаях любил съязвить, да посолонее...

Однако резолюция резолюцией, а неплохо бы прочесть и текст сообщения. Он датирован примерно 16 июня – скорее всего, именно об этом сообщении шла речь и в рассказе Фитина. Итак:

«Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает:

1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР

полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время.

2. В кругах штаба авиации сообщение ТАСС от 6 июня ^[27] воспринято весьма иронически. Подчеркивают, что это заявление никакого значения иметь не может.

3. Объектами налетов германской авиации в первую очередь явятся: электростанция “Свирь-3”, московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки), а также авторемонтные мастерские.

4. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах.

5. Важные немецкие авиаремонтные мастерские расположены в Кенигсберге, Гдыне, Грауденце, Бреславле, Мариенбурге. Авиамоторные мастерские Милича – в Польше, в Варшаве – Очачи и особо важные – в Хейлигенкейле»^[28].

Что же в этом сообщении могло вызвать столь эмоциональную реакцию Сталина? Пункты 1 и 2 никакой новой информации не несут («сталинскую обиду» вынесем за скобки). По пунктам 4 и 5 также потрясающих открытий не сделано – здесь просто не на что реагировать. Третий же пункт выглядит забавным бредом в зюзу пьяного пилота. Конечно, высочайшее оборонное значение именно электростанции «Свирь-3» оспаривать трудно, притом что неподалеку находилась еще и Волховская ГЭС, а также Ленинград. Да и район этот относился к зоне действия не немецкой, а финской армии. Но как можно себе представить процесс бомбежки московских заводов, притом что:

а) большинство немецких самолетов от границы до Москвы элементарно не долетят (истребители уж

точно);

б) при точности бомбометания с высоты, на которой будут действовать бомбардировщики без истребителей, – как источник представлял себе возможность разбомбить именно авторемонтную мастерскую, а не что придется в радиусе километра?

Неудивительно, что это сообщение вызвало соответствующую реакцию Сталина, и он недвусмысленно высказал наркому госбезопасности товарищу Меркулову пожелание не спихивать свои обязанности по сортировке информации на главу государства.

Кстати, матерная резолюция относилась только к первой части сообщения. Во второй части, переданной «Корсиканцем» (доктор Арвид Харнак), другим знаменитым агентом, говорилось:

«Источник, работающий в Министерстве хозяйства Германии, сообщает, что произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений “будущих округов” оккупированной территории СССР, а именно: для Кавказа назначен Аммон, один из руководящих работников национал-социалистской партии в Дюссельдорфе; для Киева – Бурандт, бывший сотрудник Министерства хозяйства, до последнего времени работавший в хозяйственном управлении во Франции; для Москвы – Бургер, руководитель хозяйственной палаты в Штутгарте. Все эти лица зачислены на военную службу и выехали в Дрезден, являющийся сборным пунктом.

Для общего руководства хозяйственным управлением “оккупированных территорий СССР” назначен Шлоттерер – начальник иностранного отдела Министерства хозяйства, находящийся пока в Берлине.

В Министерстве хозяйства рассказывают, что на собраниях хозяйственников, предназначенных для

“оккупированных территорий СССР”, выступал также Розенберг, который заявил, что понятие “Советский Союз” должно быть стерто с географической карты».

И эту информацию Сталин матерно не комментировал.

...По-видимому, то же самое произошло и в 1940 году. Сталин вызвал к себе Проскурова, тот посоветовался с Ивановым. Первый работает в разведке чуть больше года, второй – несколько месяцев. Проскуров – боевой летчик, герой неба, за годы испанской войны ставший из командира эскадрильи генералом. Иванов – военный связист, тоже испанский ветеран, но он хотя бы академию окончил и имеет какое-то представление о военной науке. Оба они «верят Зорге», но едва ли эта «вера» что-либо значит в глазах Сталина, когда речь идет о специалистах такого уровня. И вот он берет в руки «Дело № 1». И что же он там видит?

...Еще работая в Коминтерне, Зорге вроде бы был замешан в какую-то правую оппозицию – может быть, нашу, а еще вернее, германскую, ибо дела ГКП ему всегда были куда ближе, чем дела ВКП(б). Об этом докладывал Берзину еще завербовавший Рихарда Басов. Берзина все эти партийные склоки волнует мало, однако первая бумажка в дело уже подшита.

А теперь вспомним резидента Горева и его встречу с Зорге в Берлине. После этой встречи он направил в Центр донесение, что Зорге как-то не так отзывался о Коминтерне, ВКП(б) и Сталине. Берзина это, опять-таки, мало волнует, в органах все время «стучат» друг на друга, если каждому такому «стуку» давать ход, то разведка останется без кадров, как оно несколько позже и случилось. Однако его подопечный, на свою беду, чрезвычайно словоохотлив, особенно в пьяном

виде. Из Шанхая приходит еще одна бумажка, что он как-то уж очень разоткровенничался с курьером, причем беспартийным, и опять там говорил что-то не то.

Что именно «не то» говорил Зорге? Об этом пишет М. И. Сироткин в документе: «Опыт организации и деятельности резидентуры “Рамзая”».

«Он утверждал, что “линия Коминтерна, начиная с 1929 года (т. е. с тех пор, как исчезли из руководства правые) построена на пассивной тактике удержания наличного, а так как наличное сводится главным образом к существованию СССР, то вся политика Коминтерна построена на задаче помощи социалистическому строительству в СССР, причем соответствующим образом ограничивается активность компартий на Западе. Он критиковал недостаточную активность нашей внешней политики, наше вступление в Лигу наций».

То есть, говоря грубо и упрощенно, ему было не по душе, что СССР слишком много занимается собственными делами и слишком мало – «мировой революцией». А Зорге, если мы вспомним, изначально работал на революцию, а на Россию – постольку, поскольку там был центр мирового коммунизма.

Но в целом никакого особого криминала за Рихардом нет, и Берзин все эти политические тонкости известно где видел – да у него половина кадров, если не 90 процентов, думает не так, как пишет газета «Правда». Он лично знает Зорге, с ним в свое время было много переговорено, и Берзин ему верит – он имеет основания именно **верить** Рихарду, к их отношениям это слово применимо.

Но время идет. К середине 30-х годов большая часть адептов «мировой революции» созрела до антиправительственных заговоров. «Тридцать седьмой

год» подобрал и Берзина, и большинство тех, кто знал Зорге лично, ибо в Центр его больше не вызывают (да и личное знакомство в таких обстоятельствах идет не в плюс, а в минус).

В 1937 году в его деле сделана пометка: «Политически совершенно не проверен. Имел связь с троцкистами. Политического доверия не внушает». Что делали в таких случаях? Известно, что. Вызывали домой «на отдых» – и дальше человек попадал в «ежовые рукавицы». В 1937 году было принято решение об отзыве Зорге и его людей, однако в конце концов все же решили этого не делать, и причина ясна: Рамзай давал ценную информацию, его исчезновение пробило бы слишком большую брешь в работе, а заменить его было нечем. В разведке прекрасно умеют работать как с достоверными, так и с сомнительными данными, так что отзывать Зорге не стали, однако пометка в деле осталась.

Но и это еще не все. Как известно, Рихард снабжал посла Отта, да и не только его, информацией по японским делам. Естественно, он прекрасно понимал, что Отт был разведчиком. Понимал это и Берзин. Тем не менее начальник Разведупра всячески такую деятельность поддерживал, ибо заручиться доверием посла можно было, лишь снабжая его первоклассной достоверной информацией. «Сливки», конечно, доставались Москве, ну а «молоко» шло в Берлин. Однако Рихард фактически работал на немецкую разведку – и вполне возможно, что и Разведупр, и НКВД получали об этом информацию от своих немецких агентов. В Разведупре знали, кто такой на самом деле Зорге, а в НКВД – совершенно не факт, у них он мог идти как «немецкий шпион».

Дальше – больше. В августе 1941 года в недрах Разведупра была составлена записка «Истоки

политического недоверия Инсону^[29]», в которой вспомнили, что множество бывших начальников Зорге являлись «немецкими и японскими шпионами» и, по логике вещей, должны были сдать своих агентов иностранным разведкам. Эта проблема не дает покоя разведупровскому начальству Зорге, имевшему к тому времени совсем другой уровень понимания специфики собственного ведомства, чем во времена Берзина и даже в 1937 году.

«Вопрос Инсона не новый, неоднократно ставился на обсуждение, – говорится в записке. – Основной вопрос: почему японцы или немцы не уничтожат его, если он выдан им как советский разведчик? Всегда делается один вывод: японцы или немцы не уничтожают Инсона с той целью, чтобы отправить его к нам для разведывательной работы».

Зато итог этих мучительных размышлений совершенно изумителен:

«Информацию Инсона необходимо всегда сопоставлять с данными других источников и общим переживаемым моментом международного положения, а также тщательно ее анализировать и критически к ней относиться».

Надо же, немецкий и японский шпион, троцкист, но с ним надо продолжать работу, лишь перепроверять его информацию. Как будто в разведке существует такая информация, к которой можно относиться иначе!

Широко известно, что преемник Проскурова на посту начальника военной разведки, танковый генерал Голиков завел специальную папку для «сомнительных и дезинформирующих сообщений “Рамзая”». История

умалчивает, существовала ли вторая папка – «для достоверных сообщений». По логике вещей, такие папки должны были заводиться для каждой резидентуры, ибо любой разведчик, как уже говорилось, может как быть перевербован, так и стать жертвой дезинформации.

...И вот это досье, с пометками: «политически совершенно не проверен», «бывший троцкист», «возможно, двойной агент» и представил Проскуров Сталину. Как отнесся к ней глава государства? Едва ли он стал информировать начальника разведки о своих выводах.

Кстати, по поводу «информации и дезинформации». 21 сентября 1940 года Зорге прислал в Москву сообщение, касающееся «пакта трех держав» – возможно, одно из тех, которые Проскуров обсуждал с капитаном Ивановым:

«От посла Отта... Японцы готовы подписать пакт и оказывают давление на посла Отта о скорейшем его подписании... В связи с этим Риббентроп отправился в Италию, чтобы получить согласие Италии... Немцы будут пытаться привлечь к этому пакту Советский Союз. В пакте нет ни одного пункта, направленного против СССР, что и будет опубликовано...»

Интересно, в какую папку легло это сообщение?

А теперь – о том, с чего мы начали, о предупреждениях по поводу грядущей войны. Как они выглядели на самом деле?

28 декабря 1940 г.

«Каждый новый человек, прибывающий из Германии в Японию, рассказывает, что немцы имеют около 80 дивизий на восточной границе, включая Румынию, с целью воздействия на политику СССР. В случае если

СССР начнет развивать активность против интересов Германии, как это уже имеет место в Прибалтике, немцы смогут оккупировать территорию по линии Харьков Москва, Ленинград... Новый ВАТ в Токио заявил мне, что цифра в 80 дивизий несколько, видимо, преувеличена».

Она и в самом деле преувеличена. Готовясь к войне с Советским Союзом, Гитлер начал не одну, а сразу несколько кампаний дезинформации, плюс к тому сами собой зарождались слухи и сплетни, в результате чего на информационном поле боя царил полный хаос.

2 мая 1941 г.

«Отт заявил мне, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР и получить европейскую часть Советского Союза в свои руки в качестве зерновой и сырьевой базы для контроля со стороны Германии над всей Европой. Оба, посол и атташе, согласились с тем, что после поражения Югославии во взаимоотношениях Германии с СССР приближаются две критические даты.

Первая дата – время окончания сева в СССР. После окончания сева война против СССР может начаться в любой момент, так что Германии останется только собрать урожай.

Вторым критическим моментом являются переговоры между Германией и Турцией. Если СССР будет создавать какие-либо трудности в вопросе принятия Турцией германских требований, то война будет неизбежна.

Возможность возникновения войны в любой момент весьма велика, потому что Гитлер и его генералы уверены, что война с СССР нисколько не помешает ведению войны против Англии.

Немецкие генералы оценивают боеспособность Красной армии настолько низко, что они полагают, что

Красная армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба. Решение о начале войны с СССР будет принято только Гитлером либо уже в мае, либо после войны с Англией...»

На этой телеграмме стоит пометка начальника Разведупра Голикова: «Дать в пять адресов». То есть направить Сталину, Молотову, Берии, наркому обороны и начальнику генштаба.

Как видим, Голиков отнюдь не ловил настроения начальства, а все, что положено, вовремя докладывал «наверх»...

19 мая 1941 г.

«Новые германские представители, прибывшие сюда из Берлина, заявляют, что война между Германией и СССР может начаться в конце мая, так как они получили приказ вернуться в Берлин к этому времени. Но они также заявили, что в этом году опасность может и миновать. Они заявили, что Германия имеет против СССР 9 армейских корпусов, состоящих из 150 дивизий...»

В этот день было получено две телеграммы Рамзая. Первая касалась японо-германских отношений и политики Японии в случае начала германо-советской войны – она была дана в пять адресов. Вторая, по всей видимости, положена в «сомнительную» папку, а куда еще прикажете ее деть? Война, может быть, начнется в конце мая, а может, и не начнется... Что-то там напутано в соотношении корпусов и дивизий, потому что бывший армейский генерал Голиков накладывает резолюцию: «Уточните – корпусов или армий?». Кроме того, по самым пессимистичным данным Разведупра, к 1 июня на советских границах было сосредоточена 120 дивизий (а на самом деле, как оказалось, всего около

70). Это была дезинформация в чистом виде, правда разведчик тут не виноват: он что услышал, то и передал.

30 мая 1941 г.

«Берлин информировал Отта, что немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня. Отт на 95 % уверен, что война начнется. Косвенные доказательства, которые я вижу к этому, в настоящее время таковы:

Технический департамент германских воздушных сил в моем городе получил указание вскоре возвратиться. Отт потребовал от военного атташе, чтобы он не посылал никаких важных сообщений через СССР. Транспорт каучука в СССР сокращен до минимума...»

1 июня 1941 г.

«Ожидание начала германо-советской войны около 15 июня базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолль привез с собой из Берлина, откуда он выехал 3 мая...»

15 июня 1941 г.

«Германский курьер сказал военному атташе, что он убежден, что война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня. Военный атташе не знает, будет война или нет...»

20 июня 1941 г.

«Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна... Инвест [\[30\]](#) сказал мне, что японский генштаб уже обсуждает вопрос о позиции, которая будет занята в случае войны...»

Ну и где же здесь эти отчаянные крики в эфир: «Война начнется 22 июня по широкому фронту!»? Да и существовали ли они, эти радиogramмы с точными датами?

Точку в этом вопросе ставят опубликованные 16 июня 2001 года в «Красной звезде» материалы круглого стола, который проходил в редакции перед 60-летней годовщиной начала войны. Одного из участников, полковника Службы внешней разведки В. Карпова, спросили о радиogramмах Зорге. Ответ был категоричным: «К сожалению, это фальшивка, появившаяся в хрущевские времена». Такие «дурочки» запускаются просто: кто-то из авторов публикаций о Зорге эти радиogramмы для красного словца придумал, а остальные, со ссылкой на него, подхватили – и пошла писать губерния. Затем добавили психологизма, придумали мстительного Сталина, который не мог простить Зорге этих сообщений. ГРУ не протестовало – зачем бы ему? Ну а потом состоялся переход количества в качества. Это от повторения слова «халва» во рту сладко не становится, а от повторения слова «радиogramма» новые исторические истины появляются только так...

Нет, на самом деле о начале войны, и даже о ее приблизительной дате, советское правительство превосходно знало. Но радиogramмы Зорге были вспомогательными и служили в основном для проверки информации. Еще 18 февраля 1941 года «Альта» (Ильза Штёбе) передавала из Берлина о том, что сформированы три группы армий, называла имена их предполагаемых командующих и направления, по которым они будут наступать. В марте Арвид Харнак («Корсиканец») сообщал о скором начале войны. О том же информировало множество источников, легальных и нелегальных, называя самые разные сроки – от 15 марта до конца июня. Самый близкий географически

информатор сидел в Москве, работал в германском посольстве и дал последнее экстренное предупреждение 21 июня. Так что нападение гитлеровской Германии никоим образом не было неожиданным. В Кремле обо всем прекрасно знали, были приняты необходимые меры, своевременно отданы распоряжения о приведении войск в боевую готовность. Почему же тогда наша армия катилась от границ до самой Москвы? А вот чтобы не отвечать на этот вопрос, и была запущена сказка о неожиданном нападении. Ибо лето 1941 года – не то время, когда уместно обсуждать проблемы боеспособности Красной армии...

...С началом войны значение группы «Рамзай» возросло необыкновенно. Если о немецких планах у советской разведки было кому сообщать и без Зорге, то в освещении японских планов у него конкурентов было немного. Здесь информация шла почти что эксклюзивная. Именно в это время и был составлен документ «Истоки политического недоверия Инсону» – если агент действительно работал под контролем, то пришел его «Час X» – время гнать «дезу». Сталин несколько раз по своей собственной инициативе спрашивал у Голикова: «Что там пишет ваш немец из Токио?».

В самом деле, слишком многое зависело от того, куда направит свои военные усилия Япония – на север или на юг.

Придется ли СССР воевать на два фронта? Германия была заинтересована в «северном направлении», против Советского Союза, но были ли заинтересованы в этом сами японцы?

3 июля 1941 г.

«Германский военный атташе... думает, что Япония вступит в войну через 5 недель. Источник Инвест думает, что Япония вступит в войну через 6 недель. Он также сообщил, что японское правительство решило остаться верным пакту трех держав, но будет и придерживаться пакта о нейтралитете с СССР».

2 июля 1941 года в Токио собрался Высший совет с участием императора Хирохито. На нем была утверждена «Программа национальной политики японской империи», где говорилось:

«Наше отношение к германо-советской войне будет определяться в соответствии с духом Тройственного пакта. Однако пока мы не будем вмешиваться в этот конфликт. Мы будем скрытно усиливать нашу военную подготовку против Советского Союза, придерживаясь независимой позиции... Если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, мы, прибегнув к вооруженной силе, разрешим северную проблему и обеспечим безопасность северных границ».

Япония выбрала позицию «мудрой обезьяны», которая сидит на холме и наблюдает за дракой двух тигров. Через несколько дней текст «программы» лежал перед Голиковым. Зорге через Одзаки продолжал отслеживать дальнейшие движения души японского правительства.

30 июля 1941 г.

«...К середине августа месяца в Японии будет под ружьем около 2 миллионов человек. Начиная со второй половины августа Япония может начать войну, но только в том случае, если Красная армия фактически потерпит поражение...»

11 августа 1941 г.

«В течение первых дней войны Германии и СССР японское правительство и генштаб решили подготовить войну, поэтому провели большую мобилизацию. Однако после 6 недель войны руководители Японии, готовящие войну, видят, что наступление германской армии задерживается и значительная часть войск уничтожена Красной армией. В генштабе уверены, что в ближайшее время последует окончательное решение, тем более что уже приближается зима. Ближайшие две-три недели окончательно определяют решение Японии».

12 августа 1941 г.

«Военный атташе германского посольства в Токио совершил поездку в Корею и Маньчжурию и сказал мне, что шесть дивизий прибыли в Корею для возможного наступления на Владивосток. В Маньчжурию прибыли 4 дивизии. ВАТ точно узнал, что японские силы в Маньчжурии и Корее вместе насчитывают 30 дивизий. Подготовка к операциям закончится между 20-м числом и концом августа месяца, но ВАТ лично телеграфировал в Берлин, что решение на выступление японцев еще не принято. Если Япония выступит, то первый удар будет нанесен на Владивосток, куда и нацелено большинство японских сил...»

14 сентября 1941 г.

«Источник Инвест выехал в Маньчжурию. Он сказал, что японское правительство решило не выступать против СССР в текущем году... Инвест заметил, что СССР может быть абсолютно свободен после 15 сентября...»

Эти сообщения действительно сыграли огромную роль. Но все же не такую огромную, как о том пишут: что именно на основании информации Зорге было

принято решение о переброске дальневосточных и сибирских дивизий под Москву. Крайне слабо верится, что такой важный шаг – оголить огромный участок границы, который в любой момент может стать линией фронта – был предпринят исключительно на основании данных одной разведывательной группы. Как-то очень уж это несерьезно выглядит. Допустим даже, разведчики не ошибаются, не стали жертвой дезинформации, но что мешает японскому правительству изменить свое решение? Что тогда – срочно перебрасывать дивизии обратно? Но Москва далеко, а Япония совсем рядом. И, кстати, в одной из телеграмм Зорге сообщает: «Япония сможет выступить только в случае, если СССР перебросит в большом масштабе свои войска с Дальнего Востока...»

Павел Судоплатов по этому поводу пишет:

«Не соответствует действительности, что мы перебросили войска с Дальнего Востока под Москву и выиграли битву под Москвой, так как Зорге сообщил о предстоящем нападении японцев на США в октябре 1941 года. У нас были документальные данные о низких наступательных возможностях Квантунской армии, о том, что она увязла в длительной и бесперспективной войне с Китаем и не имела достаточных резервов топлива...». Ну и можно добавить еще, что наступала зима, а жители теплых японских островов любят русскую зиму не больше, чем немцы...

Для Рихарда начало войны стало страшным потрясением. 22 июня 1941 года он начал пить едва ли не с самого утра. А после обеда засел в баре отеля «Империял» и принялся за дело всерьез, и чем дальше пил, тем больше мрачнел. Часам к восьми вечера черная энергия стала требовать выхода. Зорге подошел к телефону и вызвал резиденцию германского посла.

«Эта война проиграна!» – рявкнул он в трубку оторопевшему Отту и принялся набирать следующий номер. Тем вечером мрачное пророчество первого аналитика немецкой колонии получили все «столпы» германской общины – некоторые из них тут же выразили свое возмущение Отту. Конечно, все понимали, что Зорге пьян, но надо же и меру знать!

Макс Клаузен вспоминал, как Рихард сказал ему: «Плохо мы с тобой любим свою родину – не уберегли ее от беды», – и на глазах у него появились слезы. Он был сильным аналитиком, хорошо знал Советский Союз и понимал, во что ввязалась Германия с этой войной. Или кто-то думает, что под «родиной» Зорге имел в виду СССР? Это в разговоре с немцем Максом Клаузеном, который пробыл в России считанные месяцы? Рихард всегда считал себя и хотел быть не просто агентом, но и агентом влияния. Ему запрещали, а он все равно компоновал отсылаемую в Германию информацию в соответствующем ключе, как стал бы делать, впрочем, любой...

Если до того положение Зорге было тяжелым, то теперь оно стало невыносимым. Две его родины, две страны, которые он любил, сцепились друг с другом в смертельной схватке. Кроме того, он очень много работал в предшествующие месяцы и сейчас, по правилам разведки, ему надо было на какое-то время «лечь на дно» – законсервировать часть группы, прекратить передачи. Но это было невозможно. Именно теперь настало время, когда Зорге не мог заменить никто. Центр требовал от него информацию, давал трудные задания и жесткие сроки. Как раз тогда Сталин сказал, что в Японии военная разведка имеет разведчика, цена которого равна корпусу и даже армии.

Внешне он мало изменился – разве что стал серьезнее. Его связник, В. Зайцев, вспоминал об одной из встреч того времени:

«Я встретил Р.З. в одном из захолустных ресторанчиков... Зорге пришел с опозданием в несколько минут и подошел к моему столику. Внешне ничто не говорило о его паническом состоянии. Он был спокоен и, как всегда, собран, однако первым разговора не начинал и внимательно смотрел на меня, как бы изучая мое состояние. А мое выслушав сообщение о том, что руководство в Москве высоко оценивает деятельность его и других членов его резидентуры в последние месяцы и ходатайствует перед ЦИК СССР о высокой награде, Зорге немного смутился и с улыбкой сказал: “Дорогой Серж, разве награда и благодарность для коммуниста и разведчика имеют какое-либо серьезное значение? Главное в том, что мы с вами не сумели предотвратить войну. Теперь за это люди будут платить большой кровью”».

А вот Ханako видела его другим. После 22 июня он потемнел, все время пропадал где-то, возвращался поздно и все больше тосковал. А однажды перепугал ее взрывом отчаяния. Он был уже не на пределе, а за пределом человеческих сил, понимал, что их не отзовут и, наверное, уже предчувствовал катастрофу. Тогда, плача, он говорил ей:

- Я умру раньше. Я хочу, чтобы ты жила. Пожалуйста, живи долго... Ты не волнуйся, Зорге сильный. Он никогда не скажет ничего о тебе. А ты живи, выходи замуж... - И тут же сам себя одернул: - Прости меня, пожалуйста. Мне просто очень одиноко и грустно... - и вдруг обнял ее: Давай умрем вместе...

Провал

И снова слово Борису Гудзю:

«В отношении Зорге была допущена очень крупная ошибка... Зорге держал связь с реэмигрантом, коммунистом Иотоку Мияги. Но как же можно работать с коммунистами? Они ведь везде были под наблюдением... Художник Мияги выехал из Японии в США, где разведка ИНО его завербовала. Потом передала разведке военной, и он там на них работал... Но начальнику разведки Берзину пришла мысль использовать Мияги в Японии. Он берет художника-коммуниста из нормального японского окружения в Штатах и посылает на связь в Японию. Вышло, что в Токио Зорге работал с коммунистом. Напомню, дело Рамзая было открыто в Японии не военной контрразведкой, а их политической охранкой... Такие люди – всегда под наблюдением охраны...»

Можно сколько угодно спорить – и спорят – со старым чекистом. Но факт есть факт: именно коммунистическое прошлое Мияги послужило причиной раскрытия сети.

Многие исследователи просто-напросто отказываются верить в то, что все произошло так, как произошло. Слишком много было вещей, которые неотвратимо вели группу к провалу.

М. И. Сироткин отмечал в своей записке:

«Установившееся в течение последних четырех лет предвзятое отношение к “Рамзаю” как к “двойнику” неизбежно привело к резкому понижению качества руководства резидентурой со стороны Центра. Раз

резидент – “двойник”, то резидентура работает под контролем противника и рано или поздно бесспорно обречена на провал. Пока она существует, надо ее использовать по мере возможности, но нет смысла тратить усилия на ее укрепление или развитие...»

И на самом деле возникает такое ощущение, что Центр не рассчитывал использовать группу Рамзая долго и потому стремился выжать из разведчиков все, что возможно. Начиная с 1938-39 годов Рихард постоянно просился в Союз, хотя бы на время, на отдых – и неизменно получал отказ.

«У меня такое впечатление, – пишет он в июне 1939 года, стараясь использовать в своих целях возникшие в последнее время трудности работы в германском посольстве, – что лучший период моей работы здесь на месте уже прошел совсем или, по крайней мере, на долгое время... Вернейшим я считаю новые начинания с новыми силами. Мы же постепенно становимся использованными и ненужными...

Фрицу ^[31] в его работе пока везет... Однако и здесь я могу повторить мою старую просьбу еще раз: посылайте новых людей, по меньшей мере в качестве помощников, которые смогут служить заменой. Это ж не дело, что всю работу практически ведут я и Фриц. Мы должны были много лет тому назад получить помощь...»

Центр ничего не сделал, резидентура осталась в том же составе.

В январе 1940 года новое письмо:

«...Фриц страдает серьезной сердечной болезнью... не приходится более рассчитывать не его выздоровление и тем более на возвращение им былой

работоспособности. Лечащий врач заявил мне, что даже при полном изменении его образа жизни и работы он сомневается, чтобы Фриц прожил более двух лет... Необходимо, чтобы Фриц самое позднее в начале будущего года после передачи своего легального дела и воздушной работы мог бы поехать домой для серьезного лечения и отдыха...

...Я хотел бы, господин директор, чтобы вы мне ответили на следующие вопросы: могу ли я рассчитывать сразу же по окончании войны вернуться в Центр, где бы я мог наконец остаться...»

И так все время. В его письмах руководству, в письмах жене все время сквозит: домой, домой... Я устал, мне уже сорок пять лет, я одиннадцать лет работаю на вас, сколько же можно? А в ответ: надо остаться, надо поработать еще. И он обреченно отвечает: «Как бы сильно мы ни стремились отсюда домой, мы, конечно, выполним ваше указание и будем продолжать здесь работу...». А Кате пишет: «Основное сейчас приехать домой, ибо здесь собачья жизнь в буквальном смысле этого слова. Будь бы это еще другая страна! А эта, поberi ее черт...»

Рихард не все знал. Ему не было известно, что группу хотели отозвать в 1937 году, но, к счастью, передумали. Затем его собирались отозвать еще раз, теперь уже вняв этим отчаянным просьбам. И вот что из этого вышло – рассказывает М. И. Иванов.

«Примерно в середине декабря 1940 года мы получили от Зорге телеграмму с просьбой разрешить ему приехать в Москву “в связи с физической и нервной усталостью”, а также для проведения операции и лечения старой травмы в стационарных условиях. Попутно Зорге сообщал, что в отдыхе и лечении нуждаются также Макс Клаузен и Бранко Вукелич. Он считал, что остальная часть резидентуры под

руководством нелегала “Коммерсант” с успехом может выполнять работу в течение нескольких месяцев.

Командование разведуправления склонялось к тому, чтобы удовлетворить просьбу Зорге и предоставить ему отпуск на шесть месяцев».

Однако в дело вмешалось непредвиденное обстоятельство. Начальник ИНО НКВД П. М. Фитин сообщил:

«По нашим данным, немецкий журналист Зорге Рихард является немецким и японским шпионом. Поэтому после пересечения государственной границы СССР сразу же будет советскими органами арестован...».

Спасибо, как говорится, что предупредил. Сам разведчик, Фитин знал цену хорошему нелегалу. Естественно, Зорге извещать об этом обстоятельстве не стали, просто объяснили, что нужно еще поработать. Однако к 1941 году и Рихард, и Макс, и Бранко были уже вымотаны до предела. А обстановка становилась все сложнее и сложнее, слежка все плотнее, и все больше возрастала вероятность ошибки просто из-за усталости или нервного срыва...

Это первое обстоятельство, которое неотвратимо вело группу к провалу. Есть и другие. Когда разведчицу Марию Полякову спросили о причине многочисленных провалов резидентур в 1941–42 годах, она ответила: в основном из-за того, что разведчиков заставляли работать на рации часами, не считаясь с опасностью. Трудно сказать, что было тому причиной – то ли низкая квалификация руководителей разведки, то ли просто пренебрежение правилами безопасности – какая там осторожность, когда идет война! В итоге этого героизма многие сети был разгромлены, а если

уничтоженный при лобовом штурме высоты пехотный батальон можно заменить другим, то нелегальные сети выращиваются годами, и за короткий срок новые не создашь. Макс Клаузен тоже выходил в эфир ежедневно, пренебрегая всеми правилами безопасности, и, несмотря на то что он вел передачи из нескольких точек, его раскрытие было лишь вопросом времени.

Да, разведчики невероятно устали, да, Центр руководил ими далеко не лучшим образом, да, Клаузен работал на рации невероятно много, и любой из этих факторов мог послужить причиной провала. Но роковую роль в судьбе группы сыграли не эти объективные причины, а нарушение старого-старого запрета привлекать коммунистов для работы в разведке...

Впрочем, первый звонок прозвенел раньше, еще в 1940 году, о чем сам Зорге, возможно, и не узнал. Тогда сыграла свою роль плохо продуманная легенда. Эту историю поведал в своих мемуарах Вальтер Шелленберг.

В 1940 году фон Ритген, глава Германского информационного бюро в Берлине, попросил его «проверить в соответствующих органах гестапо дела Зорге с целью определить, нельзя ли найти возможность оградить Зорге, как ценного и нужного информатора, от препятствий, которые ему чинит токийская организация нацистской партии в связи с его политическим прошлым». Рихард тогда был заместителем начальника Германского информационного бюро в Токио, и Ритген очень высоко оценивал его информацию. В чем там было дело – неясно. Может быть, «шанхайские грехи» отозвались, кстати, сам Рихард примерно в это же время глухо упоминал что-то о проблемах, связанных с шанхайским прошлым. А может статься, какой-нибудь вновь

прибывший торговец или чиновник взглянул на знаменитого журналиста и воскликнул про себя: «Да ведь это тот самый парень, который в 1918 году в Киле заправлял всем в Совете!». Или всплыло еще что-нибудь из его бурной биографии. В общем, у токийских нацистов возникли какие-то сомнения, и произошло то, чего сам Рихард все время опасался – фон Ритген попросил Шелленберга проверить прошлое Зорге.

Шелленберг затребовал дело... и обнаружил там не пойми что.

«Если не было никаких доказательств, что Зорге был членом германской компартии, – писал он, – то не было сомнения в том, что он, по крайней мере, симпатизировал ей. Зорге, конечно, был в связи со множеством людей, которые известны нашей разведке как агенты Коминтерна, но он в то же время имел тесные связи с людьми из влиятельных кругов, и последние обычно защищали его от нежелательных слухов. В период между 1923 и 1928 годами Зорге был связан с немецкими националистами и крайними правыми кругами, и в то же время он держал связь с нац. социалистами. Таким образом, прошлое Зорге по тем делам, с которыми я познакомился, было довольно запутанным».

Полная, по правде сказать, ерунда получается. С 1924 по 1928 год Рихард вообще находился в СССР и никоим образом не мог быть связан ни с какими германскими националистами и национал-социалистами, даже если бы и захотел. Его коммунистическое прошлое установить было нетрудно, но даже тени «красного» компромата в полицейских досье не возникает. Про работу инструктором Коминтерна тоже ни слова. Создается четкое ощущение, что чиновники гестапо или же полиции, к

которым обратился Шелленберг с требованием предоставить материалы на Зорге, попросту, поленившись искать в архивах, написали первое, что взбрело в голову. Так русский «авось» был компенсирован германским разгильдяйством. Повезло...

После этой так называемой «проверки» в Берлине пришли точно к тому же выводу, что и в Москве – что Зорге можно использовать как информатора.

«Фон Ритген, – пишет Шелленберг, – наконец решил, что, если даже предположить о наличии связи у Зорге с русской секретной службой, мы должны, приняв необходимые меры предосторожности, найти путь к использованию его глубоких знаний.

В конце концов мы пришли к соглашению, что я должен буду защищать Зорге от нападков со стороны нацистской партии, но только при условии, что Зорге в своих докладах будет включать секретные сведения о Советском Союзе, Китае и Японии. Я сообщил этот план Гейдриху. Последний согласился, но добавил, что Зорге необходимо держать под строгим надзором и всю его информацию пропускать не через обычные каналы, а предварительно подвергать специальной проверке.

Поскольку в то время полицейское представительство в Токио должен был возглавлять Мейзингер, я решил перед его отъездом поговорить с ним о Рихарде Зорге. Мейзингер обещал тщательно следить за Зорге и регулярно информировать вас по телефону. Все это он впоследствии делал, но обычно Мейзингер и Мюллер разговаривали по телефону с таким сильным баварским акцентом, что я ничего из их разговора понять не мог»^[32].

Проверять донесения Рихарда можно было сколько угодно, хоть «специально», хоть как – информацию он

всегда давал достоверную. Не совсем, кстати, понятно, каким образом Зорге мог включать в свои секретные доклады в Германию сведения о Советском Союзе. Где он и где Союз? А Мейзингер вообще не оправдал надежд шефа.

«Вместо того чтобы заняться выполнением порученного ему задания, Мейзингер стал наслаждаться спокойной жизнью и разыгрывать из себя порядочного человека. Хотя он и регулярно передавал сообщения о “почте” – так мы условились называть Зорге, – я не припомню, чтобы в них когда-нибудь содержался отрицательный отзыв о нем. Мейзингер беспрестанно повторял, что Зорге имеет прекрасную репутацию как в посольстве Германии, так и в японских инстанциях».

И уж, наверное, в наслаждении гестаповца «приятной жизнью» Рихард играл не последнюю роль – уж очень хорошим он был собутыльником. Зато какой шок ожидал немцев впоследствии...

К провалу разведгруппы «Рамзай» привела длинная цепочка событий. Началась она тогда, когда в конце 30-х годов вернувшиеся из Штатов японцы-коммунисты создали подготовительный комитет для работы по воссозданию коммунистической партии Японии. В 1940 году полиция арестовала одного из руководителей этого комитета, Рицу Ито. Он держался несколько месяцев, а потом «раскололся» и назвал всех, кого знал. В число людей, выданных им, попала 55-летняя портниха Китабаяси Томо. 28 сентября 1941 года женщина была арестована и тоже заговорила, назвав в числе прочих Итоку Мияги. Несколько дней полиция следила за домом художника и за ним самим. О том, что было дальше, поведал Хоцуки Одзаки, брат Ходзуми.

«10 октября полицейские агенты подъехали к дому Мияги. Увидев их в окно, тот в испуге, с трудом соображая, что предпринять, забаррикадировался в комнате. Взгляд его упал на самурайский меч, висевший на стене... Когда агенты полиции ворвались в комнату, они увидели истекающего кровью Мияги – он сделал себе харакири, но был жив. Старший офицер приказал быстро доставить его в больницу. Но, несмотря на обострение болезни [\[33\]](#) и страшную рану, организм цеплялся за жизнь. В больнице Мияги поместили в палату на третьем этаже. Когда охранник притупил бдительность и отошел в дальний конец комнаты, он попытался выброситься из окна. Охранник бросился к нему, но было поздно. Оба они вывалились. Однако судьба и здесь не позволила Мияги уйти из жизни. Полицейский разбился насмерть, а Мияги, ударившись о ветвь дерева, лишь сломал ребро. Его привели в чувство, и сразу начались допросы».

Правда, в полицейских документах все выглядит несколько более прозаично. Ни о каком харакири речи нет. Мияги допрашивали на втором этаже полицейского отделения. Во время допроса, когда двое сотрудников полиции вышли из кабинета, художник выбросился из окна. Трудно сказать, на что он рассчитывал, прыгая со второго этажа с целью покончить с собой, по правде сказать, это больше похоже на попытку к бегству, чем на самоубийство. Остававшийся в комнате полицейский недолго думая прыгнул следом. Внизу была каменная ограда, так что разбились оба. Мияги сломал ногу и повредил позвоночник, а полицейский провел две недели в больнице. После того как арестованному была оказана первая помощь, сразу же начались допросы. И

тогда он, сломленный арестом и неудачной попыткой самоубийства, заговорил.

Итак, на группу Зорге вышли по коммунистическим каналам, и арестовали Мияги не как агента иностранной разведки, а как возможного коммуниста – этим, кстати, можно объяснить и редкое разгильдяйство при допросе, когда арестованного оставляют в комнате с открытым окном, а единственный охранник находится где-то на другом конце помещения. Но теперь даже само поведение подследственного должно было показать полицейским, что не все в этом деле так просто, как кажется. А уж когда арестованный заговорил... Нет, это была совсем не коммунистическая деятельность. Речь шла о хорошо законспирированной шпионской организации, работавшей на Советский Союз. Полицейские чувствовали себя как школьники, поймавшие игрушечной удочкой метровую щуку.

15 октября Клаузен, придя к Зорге, застал его в большой тревоге. 13 числа у него была назначена встреча с Мияги, но обычно пунктуальный художник почему-то не пришел. И вот сегодня на встречу не явился и Одзаки (именно в этот день, 15 октября, он был арестован). Рихард передал Максу текст телеграммы с просьбой срочно вернуть группу в Союз или отправить ее в Германию. Но это уже был жест отчаяния. Если японцы на самом деле арестованы, то единственное, на что можно надеяться – это на их мужество. Бежать некуда, Япония – остров, где на каждом углу торчит по осведомителю. Укрыться в германском посольстве и вместо японской полиции попасть в лапы гестапо?

17 октября они снова встретились, на сей раз троим: к Рихарду, кроме Макса, пришел и Вукелич. Посидели, обсудили ситуацию, выпили бутылку саке и разошлись, так ничего и не придумав. Сказалась вторая

роковая ошибка Центра – им не дали никаких инструкций на случай провала. Так, Макс, придя домой, некоторое время размышлял, не стоит ли уничтожить или хотя бы убрать из дома передатчик и сжечь документы, но решил не предпринимать ничего. Это кажется невероятным для человека с таким опытом работы, но это так.

На следующий день рано утром их взяли. Больше всего полицейские боялись, что Зорге, известный своим безудержным характером, окажет вооруженное сопротивление. Но он вел себя на удивление спокойно. Ему не дали даже переодеться, так и увели в пижаме. При обыске нашли три фотоаппарата, фотокопировальный аппарат и, что хуже всего, отпечатанный на машинке текст радиогаммы в Центр, копию которого обнаружили у Макса Клаузена. Макса взяли не дома – его пригласили в полицейский участок под предлогом выплаты компенсации за ущерб, нанесенный какому-то японскому велосипедисту, и там арестовали. Анну пока оставили дома в качестве приманки.

Когда полиция постучала в дверь к Бранко Вукеличу, тот пил кофе. Попросил жену: «Иосико, посмотри, кого там принесло так рано?». Когда вошли полицейские, он как ни в чем не бывало продолжал завтракать, предложил кофе и непрошеным визитерам. Спокойно простился с женой, поцеловал сына. Иосико ничего не знала о его работе на разведку, она была только женой...

Центр не готовил Рихарда к возможному аресту, и он не знал, как себя вести.

Сначала он решительно отрицал все обвинения, требовал встречи с послом и добился обещания устроить ее 25 октября. Потом ему были предъявлены вещественные доказательства – и он внезапно

сломался. По крайней мере, так утверждает следивший за делом японский прокурор Ёсикава.

«Арестованный 18 октября Зорге решительно отрицал предъявленные ему обвинения. Полиция обязалась устроить 25 октября встречу Зорге с послом Германии и поэтому стремилась добиться от него признания... 24 октября Охаси ^[34] доложил начальству, что появилась возможность получения признания, а на следующий день это подтвердилось, и в большой инспекторской комнате собралось 12-13 человек...

Для получения признания насилия к Зорге не применяли. Ему были предъявлены вещественные доказательства, и потребовали их объяснения. Таким образом, в конце первой недели он признался...

Примерно в четыре часа дня в субботу я вместе с моим коллегой Тамасавой и полицейским пошли к нему выяснить, позволяет ли его здоровье продолжать допрос. В это время он и признался. Перед признанием он попросил бумагу и карандаш. Затем, взяв бумагу, он написал на немецком языке следующее: "Я с 1925 года коммунист и продолжаю им оставаться и в настоящее время". Эту записку он передал мне. После этого он снял пиджак и, поднявшись, громко сказал: "С того времени, как я стал коммунистом, я никогда не терпел поражений, теперь я впервые проиграл". Сказав это, Зорге заплакал. Затем... дал согласие приступить к допросам в понедельник».

Прокурор пишет, что «насилия к Зорге не применяли». Но в это верится слабо, а по правде говоря, не верится совсем. Зачем тогда Ёсикава интересовался состоянием его здоровья? Это можно понять, если бы речь шла о тяжело больном Клаузене, но у Рихарда было достаточно хорошее здоровье, чтобы не следить

за его состоянием... если, конечно, не применять пыток. Но, как бы то ни было, спустя неделю после ареста разведчик заговорил. В своих показаниях он старался взять всю вину на себя, выгораживая остальных. И еще – особо попросил не трогать «девушку из кафе», которая не имела ни малейшего отношения к его работе. Узнав, что его выдал Одзаки, Рихард сказал лишь: «Японец остается японцем».

Самым стойким из всех оказался мягкий интеллигентный Бранко Вукелич. Сохранилась пометка японского следователя: «У Вукелича совершенно отсутствует желание раскаться». Даже генерал Уиллоуби, ярый антикоммунист, отметил: «Он обладал большим мужеством, потому что даже в самых подробных обвинительных материалах, которые сохранились, невозможно найти никаких детальных сведений о его работе. Его ранняя смерть в тюрьме также доказывает, что он оставался тверд...»

Брошены и забыты

Эйген Отт был возмущен до глубины души. Едва узнав об аресте своего друга и помощника, он 23 октября отправляет в Берлин сообщение:

«Здесьшний многолетний представитель “Франктуртер цайтунг” Рихард Зорге и другой подданный германского рейха Макс Клаузен арестованы японской полицией по подозрению в поддержании будто бы враждебных государству связей. Одновременно арестовано некоторое число японцев, один из которых якобы близко стоял к кругу сторонников бывшего премьер-министра князя Коноэ... Можно предположить, что речь идет об акте мести или об интриге, в которую оказался запутан Зорге. Как здесь известно, относящаяся к нам враждебно группа все еще обладает большим влиянием в полиции и в среде чиновничьего аппарата министерства внутренних дел и министерства юстиции, в связи с чем в обстоятельствах дела Зорге нельзя исключать враждебных Германии намерений».

Он подозревал провокацию и требовал свидания с Рихардом, а также чтобы его ознакомили с материалами предварительного следствия. Свидание было получено, правда всего на пять минут. Арестованному категорически запретили касаться в разговоре обстоятельств его дела, впрочем, едва ли он сам стал бы об этом говорить с немецким послом. Вопросы посетителей сначала переводились на японский, а уж потом с разрешения следователя Зорге мог отвечать. «Он был плохо выбрит, – вспоминал впоследствии Отт, – одет в куртку заключенного и

производил ужасающее впечатление». Присутствовавшему на свидании посланнику Кордту запомнилось другое: «Он держался прямо и производил впечатление человека, владеющего собой. “Мне запрещено давать вам разъяснения”, – ответил он на наш вопрос. Он не высказал никаких желаний, отказался также и от услуг адвоката...». В самом деле, можно себе представить адвоката, предоставленного посольством германского рейха, который защищает в судебном процессе коммуниста, обвиняемого в шпионаже на Советский Союз!

В конце ноября Отт получил и письмо из прокуратуры с кратким резюме данных следствия. Лучше бы он его не получал! «Находящийся под подозрением Рихард Зорге, – говорилось там, – в ноябре 1919 года в Гамбурге вступил в германскую коммунистическую партию...» – и так далее, все, о чем уже говорилось в этой книге, с одной лишь разницей. Зорге почему-то упорно утверждал, что работал не на военную разведку, а на Коминтерн. Совершенно отрицать контакты с Четвертым управлением было невозможно, и он путал, говоря, что точно не знает, к какой структуре относится организационно, что Четвертое управление обеспечивало его работу только технически. Вряд ли он на самом деле не знал, на кого работал – скорее делал вид, что не знает, чтобы избежать передачи в ведение военной контрразведки.

Отт, все еще находясь в состоянии шока от сделанного открытия и втайне надеясь, что это все-таки провокация, потребовал предоставить «вещественные доказательства», известил представителя гестапо и отправил приведенные японцами данные в Берлин, естественно умолчав о степени откровенности, с которой обсуждал со своим другом Рихардом дела посольства. Началось расследование «дела Зорге» в Германии.

Пока шла вся эта бюрократическая канитель, Отт оставался германским послом, чего никак не могли понять имевшие восточные представления о чести японцы, ведь он, как говорят на Востоке, «потерял лицо». Нет, никто не ожидал, конечно, что генерал сделает себе харакири или же застрелится, до такой степени уважение к европейцам в Японии не простиралось, но все же ожидали, что посол после такого скандала подаст в отставку, потом – что его снимут.

Ничего подобного! Уже в самый разгар скандала Отт писал Риббентропу, доказывая, что в высоких кругах Японии к нему относятся по-прежнему: «Премьер-министр пригласил меня, когда я передал ему мои новогодние поздравления, на семейную встречу; его супруга по-прежнему тесно сотрудничает с моей женой в организации помощи японским солдатам. Меня, как и раньше, приглашают члены кабинета на ужины в узком кругу...» – и так далее... но все это была только видимость, восточная вежливость, не более... По мере выявления того, какое количество информации получала советская разведка через посла Германии и военных атташе, японские чиновники и дипломаты становились все осторожнее в контактах с немецкими коллегами. Посольство было основным инструментом, с помощью которого германское правительство могло влиять на правительство Японии, и этот инструмент катастрофически быстро переставал быть эффективным. Японо-германские отношения начали ухудшаться. Конечно, не следует считать, что причина тому – одно лишь «дело Зорге». К тому времени стало ясно, что Германия безнадежно увязла в войне с Советским Союзом, и это также не вдохновляло японцев на сотрудничество. Но и это дело сыграло свою роль. Отта отозвали через год, когда этот шаг уже не мог

ничего исправить. Так Рихард, уже находясь в тюрьме, в последний раз стал агентом влияния.

...Их содержали в тюрьме Сугамо. Врач Токутаро Ясуда, арестованный по этому же делу, оставил описание тюремных порядков.

«В шесть часов утра – подъем. Через час – проверка. Дверь камер открывается. Трое тюремщиков спрашивают: жив? Заключенный должен встретить их, распластавшись в поклоне на полу. Далее – завтрак: горстка риса или ячменя, чашка супа. Обед и ужин из прогнивших продуктов приходилось покупать за свои деньги. Если родственники заключенного были бедны, он не получал ничего. Днем – прогулка...».

В общем, обычный тюремный режим с некоторой восточной спецификой, в виде поклонов и питания за свои деньги. С заключенными в то время нигде не церемонились.

Впрочем, возможно, европейцам делались некоторые послабления. Так, Макс Клаузен вспоминал, что когда их возили на допрос, то японцам надевали кандалы, а его удерживали наручников.

После растерянности и отчаяния первых недель Рихард держался мужественно. Переводил на допросах Иоситоси Икома, профессор германистики. Режим проведения допросов был либеральным, и в перерывах подследственный мог спокойно общаться с переводчиком. Тот вспоминает:

«Мы беседовали с доктором Зорге на самые разные темы, но главным образом о войне Германии с Советским Союзом; как видно, это интересовало его больше всего. Если советские войска одерживали верх, как это было на заключительной стадии Сталинградской битвы, он приходил в хорошее

расположение духа, становился разговорчивее. В противном случае он выглядел разбитым и был очень скуп на слова. Он был большим другом Советского Союза. Доктор Зорге был прирожденным журналистом с характером искателя приключений... Мне точно известно, что уже после оглашения смертного приговора он писал в дневнике: "Я умру как верный солдат Красной армии"».

Процесс против группы «Рамзай» начался в сентябре 1941 года.

Зорге предъявили обвинение в шпионаже, которое он отрицал, аргументируя это так:

«Советский Союз не желает никаких политических конфликтов или военных столкновений с другими странами, и в первую очередь с Японией. Он также не намеревается нападать на Японию. Следовательно, мы – я и члены моей группы – приехали в Японию не врагами этой страны. Смысл, который обычно вкладывается в слово "шпион", не имеет к нам никакого отношения. Шпионы таких стран, как Англия или США, пытаются выявить слабые места в политике, экономике и обороноспособности Японии и соответствующим образом их атаковать. Мы же, напротив, в процессе сбора информации в Японии совершенно не имели подобных намерений...». Впрочем, суть их работы от этой казуистики не менялась...

На суде Рихард полностью брал на себя ответственность за свои действия и за действия своих людей, может быть именно благодаря этому по «делу Зорге» были вынесены довольно мягкие приговоры. В январе 1943 года они были оглашены. Рихард Зорге и Ходзуми Одзаки приговаривались к смертной казни, Макс Клаузен и Бранко Вукелич – к пожизненному заключению. Сначала Зорге не хотел подавать

апелляцию, но потом все же сделал это, равно как и Одзаки. По делу Клаузена апелляцию подал прокурор, требовавший для радиста смертной казни. Еще через год состоялось решение – приговоры утвердить. Японцы – народ, который ценит мужество. Адвокат Асанума, защищавший Рихарда на процессе, вспоминал: «Зорге – героический мужчина. Он ничего не говорил без юмора, был очень отзывчивым, а когда смеялся, то был похож на любящего отца».

Анна Клаузен получила семь лет тюрьмы. Итоку Мияги умер во время следствия. Еще 11 японцев получили разные сроки заключения, а 18 из 35 арестованных по делу были признаны «пособниками» и вскоре освобождены. Члены семей тоже остались на свободе. Ни в СССР, ни в Германии участники шпионской группы так легко бы не отделались.

Больше девяти месяцев Рихарда и Одзаки продержали в камере смертников. Им разрешили писать, «что они захотят», и Зорге оставил после себя «Тюремные записки» – рассказ о своей жизни, политических взглядах и работе. Рихард ни в чем не раскаивался и ни о чем не жалел. Он не был рефлексирующим интеллигентом, а перед смертью в нем окончательно проснулся древний воин-германец, варвар, для которого все просто: бери от жизни, что можешь, а пришло время умирать – умри, не показывая страха. Усталость, отчаяние – все было позади. Он выбрал свою линию поведения и следовал ей до конца – превыше всего в этом характере была гордость...

Утром 7 ноября 1944 года дверь камеры смертников открылась. Вошел начальник тюрьмы, отдал официальный поклон и спросил, действительно ли заключенного зовут Рихард Зорге.

- Да, это мое имя.
- Сколько вам лет?
- Сорок девять.

– Ваш адрес?

Удостоверившись, что перед ним тот самый человек, тюремщик снова поклонился.

– Мне поручено сообщить, что по распоряжению министра юстиции барона Ивамура зачитанный вам приговор сегодня будет приведен в исполнение. От вас ждут, что вы умрете спокойно.

Снова поклон, на который Зорге отвечает вежливым кивком.

– Имеете ли вы какие-нибудь желания?

– Нет, свою последнюю волю я уже изложил письменно.

– В таком случае прошу вас следовать за мной.

– Я готов.

Они вышли во двор и направились к небольшому каменному домику, где уже ждали прокурор, палач и священник, правда буддийский, но Рихард все равно был неверующим. Он, не повернув головы, прошел мимо статуи Будды в первой комнате домика для казней и сам ступил на крышку люка под виселицей, сжал кулак в традиционном приветствии немецких коммунистов. Говорят, перед смертью он воскликнул: «Да здравствует Советский Союз! Да здравствует Красная армия!».

Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!

А как вел себя «цезарь»? В нашем консульстве узнали о провале почти сразу. Арестовав Макса Клаузена, полицейские оставили дома его жену в качестве живой приманки. Ее даже особо не охраняли – все равно бежать некуда. И вот как-то раз, когда охранники отлучились перекусить, в дверь постучали. Вошел незнакомый человек, европеец, отличавшийся от других не совсем обычной одеждой и произношением английских слов, сказал, что хочет снять комнату. Анна тут же поняла, что перед ней русский. Она быстро выпроводила гостя, сказав: «Идите, идите, здесь

случилось большое несчастье». Это был сотрудник посольства, разведчик Михаил Иванов. В Центр ушло срочное сообщение: «По имеющимся сведениям, пять дней тому назад арестованы Инсон и Жиголо за шпионаж, в чью пользу, неизвестно. Данные проверяю».

Долго проверять не пришлось.

Взятый в плен в Маньчжурии японский генерал-майор Томинага Кёдзи рассказывал, что японцы через советских представителей в Токио трижды предлагали обменять Зорге на кого-либо из провалившихся в СССР японских разведчиков. И трижды получали ответ, что такой человек нашим представителям неизвестен.

М. И. Иванов в то время находился в Токио.

«Меня часто спрашивают, можно ли было спасти Зорге, – пишет он. – Мое мнение – да. Ведь вызволили же, правда после смерти Сталина, советских разведчиков Джорджа Блейка, приговоренного британским судом к сорока двум годам тюремного заключения, и Хайнца Вольфе, получившего 12-летний срок в ФРГ, или Рудольфа Абеля, отбывающего пожизненное заключение в США, Думаю, мы имели такую возможность в отношении Рихарда Зорге даже в день, предшествовавший казни...

6 ноября 1944 года наше посольство в Токио давало прием по случаю октябрьских торжеств, и впервые за дни войны на него явился высокий чиновник – министр иностранных дел Мамору Сигэмицу, лис, каких свет не видывал. Во время беседы с советским послом Я. А. Маликом, рядом с которым стоял я, он пространно говорил о том, что-де между нашими странами никогда, кроме 1904–1905 годов, не было военных конфликтов, всячески выказывал дружелюбие, витиевато рассуждал о японском благородстве. Он чего-то ждал от нас, я это явно ощущал. Замолви мы слово за Зорге – и казнь бы на следующий день, скорее всего, не состоялась. Но кто

нас уполномочивал? А ведь варианты имелись. В Советском Союзе было арестовано несколько японских шпионов... Да и японская сторона, похоже, этого желала и ждала: два с лишним года она не приводила в исполнение смертный приговор, вынесенный Рихарду еще в 1942 году. Но НКВД СССР и посольство в Токио отмалчивались...

Сигэмицу озадаченно потоптался и раскланялся с нами. На другой день – в 10 часов утра 7 ноября 1944 года – Зорге был казнен...»

Трудно сказать, чего ждал от советского посла министр иностранных дел Японии, может быть, и чего-то иного, а не просьбы о помиловании советского разведчика. Но в самом деле – почему Зорге не обменяли? Неужели он не заслужил этого?

«Он погиб, поскольку мы не поставили вопрос о его выдаче или обмене, – считает генерал Павел Судоплатов. – Такая практика вообще была. И как правило, мы выручали своих людей, например Федичкина в Польше в 1934 году, Вольвебера, будущего министра госбезопасности ГДР, в 1938 году в Швеции. Я помню, что Фитин... писал запрос в Коминтерн о Зорге в 1941 году. Но Зорге нарушил правила, он начал давать показания, рассказывать о своей работе на СССР».

Да, это правило соблюдалось непреложно – арестованный разведчик должен был молчать. Правда, Зорге не получил инструкций на случай провала, но кого это интересовало?

Но тут опять же есть один нюанс, который почему-то всегда опускается. Говорят, что Сталин не захотел обменять Зорге. Должно быть, видится это так: на каком-нибудь из заседаний он должен был вынуть изо рта трубку и сказать: «А не обменять ли нам этого

немца из Токио на какого-нибудь японца?». Но, чтобы захотеть, он для начала должен был знать, что японцы предлагают такой обмен. Кто-то должен был доложить ему, попросить за Рихарда – мол, человек столько сделал для Советского Союза, вы сами говорили, что он стоил целой армии, он заслужил жизнь... Вопрос только: кто конкретно должен был это сделать? Зорге относился к Разведупру, а значит, и выйти с этим ходатайством следовало начальнику Разведупра.

Наверное, будь на этом месте Берзин, он бы так и поступил. И должно быть, так же поступил бы боевой летчик Проскуров. Да и танковый генерал Голиков тоже, может быть, не оплошал. Но ни того, ни другого, ни третьего к тому времени уже не было в разведуправлении. Первые два – расстреляны, последний командовал фронтом и давно забыл обо всех на свете агентах и резидентах. После Голикова многострадальный Разведупр принял еще один танкист – генерал-майор Панфилов, через девять месяцев тоже убывший на фронт. А управлять разведкой пришел генерал-майор Ильичев, профессиональный политрук, за ним – генерал-лейтенант Кузнецов, тоже политрук. «Комиссарское» начальство прославилось тем, что безропотно сдавало своих разведчиков госбезопасности, едва оное ведомство проявит к ним интерес, даже не пытаясь их отстоять. Сколько надо выпить, чтобы предполагать, что это руководство поставит вопрос об обмене «политически сомнительного» провалившегося разведчика, да еще признавшегося в работе на СССР?

...Ходзуми Одзаки перед казнью повел себя совершенно иначе. О его предсмертных записках не пишут в советской печати. Он тоже написал историю своего сотрудничества с советской разведкой, но совсем в другом ключе – как историю падения.

«Сейчас я ожидаю окончательного приговора. Я достаточно хорошо осведомлен о важности законов, которые я нарушил... Выйти на улицу, жить среди друзей, даже после того, как пройдет много лет, уже невозможно и с точки зрения моей совести, и с точки зрения моих возможностей и сил... Я счастлив при мысли, что родился и умру в этой, моей, стране...»

Зорге остался в тюрьме таким же, каким был, или, по крайней мере, ничем не выдал происходивших в нем перемен. Одзак же изменил свои приоритеты. В тюрьме он по-новому оценил то, что имел в жизни. За время заключения он написал 250 писем жене и дочери. 73 письма были потом изданы и составили книгу, которая вышла под названием: «Любовь подобна падающей звезде».

«Моя любовь к семье проявила себя как неожиданно мощная сила... поначалу читать письма жены было для меня так болезненно, что я не мог взглянуть на фотографию моего ребенка. Иногда я рыдал, иногда обида переполняла меня, и я думал, насколько все было бы проще, не будь у меня семьи... Профессиональные революционеры не должны иметь семьи...»

А еще он написал: «Я не трус, и я не боюсь смерти».

Клаузена после суда продолжали содержать в тюрьме Сугамо. В то время американцы уже бомбили Токио. Японские тюремщики мстили европейцу по-своему: во время бомбежек камеры заключенных-японцев отпирали, чтобы те могли укрыться во дворе тюрьмы, а на Макса это правило не распространялось.

«Во время одного из налетов я чуть было не погиб. При этом в моей камере в три часа дня было темно, как

ночью... С неба градом сыпались тысячи зажигательных бомб. Едкий дым проникал в мою камеру. Сквозь решетку в окне беспрестанно влетали горящие и тлеющие куски дерева, должно быть обломки некогда стоявших поблизости домов. Я едва успевал тушить то и дело загоравшиеся циновки на полу...».

Потом Макса перевели в каторжную тюрьму на острове Хондо, в каменную одиночку под землей, где не было даже соломенных циновок. Раз в день давали по чашке риса и два раза в неделю – по кусочку хлеба. Раз в месяц – баня, всяческое общение с кем бы то ни было запрещено. Долго в таких тюрьмах не живут, особенно европейцы, но война уже близилась к концу, и Макс выжил. Из тюрьмы его освободили американцы. Он был в ужасающем состоянии, страдал от авитаминоза и фурункулеза, не говоря уже о том, что он и вообще был болен, но живой. В четвертый раз ему удалось обмануть смерть. Первое, о чем спросил Макс, это о судьбе жены. Ему ответили, что тюрьму, где содержалась Анна, разбомбили. Но она тоже выжила.

...Женская тюрьма постепенно пустела, заключенных-японок эвакуировали. Наконец, Анна осталась одна во всем блоке. Ей стали приносить все меньше еды, а в довершение всего соседнюю камеру превратили в морг, как будто в пустой тюрьме не было другого места. Но она не жаловалась, понимая, что именно жалоб от нее и ждут. Однажды бомба упала совсем рядом, потолок частично обрушился, дверь завалило. Трое суток Анна провела в разрушенной камере, пока ее не откопали. Когда они с Максом встретились, то не узнали друг друга. Но, несмотря на все болезни и невзгоды, именно им повезло – после войны Макс и Анна Клаузены, у которых в очередной раз отняли их фамилии, под именем Кристиансенов до старости прожили в Германии.

Бранко Вукелича отправили в концлагерь Абасири на острове Хоккайдо – самое холодное место Японских островов. Летом 1944 года он еще раз увидел жену и сына. Потом были только письма...

«В отношении моего здоровья не беспокойся, – писал он 8 января 1945 года, за несколько дней до смерти. – Я переношу холод гораздо лучше, чем ожидал. (Вот только мой почерк становится от него хуже, чем обычно.) Печка, которую я так долго ждал, наконец установлена; с ее появлением я сразу же вообразил себе картину: “Мы вдвоем. Жарится сукияки. Ребенок спит. В печке огонек. Тепло так же, как сейчас...”. Пожалуйста, расскажи нашему маленькому мальчику, как я был рад его письму...».

13 января Бранко Вукелич умер в лагере от воспаления легких. Его кремировали, урну с прахом прислали с Хоккайдо жене. Исико решила похоронить ее в православной церкви, где они с Бранко венчались. Священник согласился, а пока унес урну домой. На следующий день домик священника смела очередная бомбежка.

...Рихард внезапно вошел в жизнь Ханако Исии и так же внезапно исчез из нее. До лета 1942 года она не знала, где человек, которого она считала мужем. Летом женщину арестовали. Ее недолго держали в полиции, потому что ясно было, что Зорге говорил правду – «девушка из кафе» ничего не знала о его работе. Но теперь она поняла, что случилось с Рихардом. Однако все просьбы о свидании, все попытки выяснить его судьбу были безуспешны.

Время шло. Закончилась война. И вот как-то раз она увидела статью в японской газете: «Тайны дела Зорге – Одзаки». Из нее Ханако узнала, что оба разведчика

были повешены. Тело Одзаки отдали его жене, а Зорге похоронили на тюремном кладбище, поскольку официальных родственников у него не было, а любовница – не в счет... Американские оккупационные власти пытались отыскать могилу, но не сумели. И тогда Ханako решила найти своего Рихарда.

Легко сказать – найти! Бомбежки превратили тюрьму в развалины, а кладбище – в перепаханный бомбами пустырь. Нужны были деньги, и Ханako написала воспоминания: «Зорге как человек». Интерес к разведчику был по-прежнему велик, воспоминания напечатали в популярном журнале, а полученный гонорар Ханako употребила на то, чтобы организовать поиски. Но безуспешно.

И вот как-то раз к ней наведалься один из рабочих, занимавшихся какими-то земляными работами на месте кладбища – многие знали о поисках этой женщины и сочувствовали ей. Рабочий рассказал, что они обнаружили останки какого-то человека, слишком высокого, чтобы быть японцем. Может быть, это тот, кого она ищет?

Да, это был он, несомненно, это Рихард. На одной из берцовых костей след перелома – память о войне. Знакомая пряжка от ремня. Знакомые коричневые ботинки. Зубной протез, появившийся после аварии. Очки... Откуда тут очки, ведь у Зорге было превосходное зрение? Впрочем, может быть, в тюрьме оно испортилось? Она вспомнила описание казни – там говорилось, что осужденный был в очках... Да, это он!

В тот же день останки Рихарда сожгли в крематории, пепел ссыпали в специальную деревянную коробочку и вручили Ханako. Она завернула коробочку в специальный платок. Теперь никто не мог отнять у нее Рихарда. На оставшиеся деньги она купила участок земли на кладбище Тама в пригороде Токио и похоронила там урну с пеплом. Себе она оставила на

память очки, пряжку от ремня и протез, из золотых коронок заказала себе обручальное кольцо. «Через землю венчанная,» – сказали бы в России...

...Еще одна легенда гласит о том, что признание пришло к Рихарду Зорге не через Францию, а через Токио. В мае 1962 года, во время своего триумфального турне по миру, в Японии побывал Юрий Гагарин. Там он услышал историю Рихарда Зорге и был потрясен тем, что в СССР о нем никто не знает. И будто бы сообщил о разведчике в своем докладе Хрущеву. Через семнадцать дней после награждения Зорге было пересмотрено дело Екатерины Максимовой, и ее посмертно реабилитировали. На могилу разведчика три раза в год – 23 февраля, 9 мая и 7 ноября – приходят сотрудники российского посольства. Сейчас стали даже говорить о переносе его праха на российскую землю. Но все это уже совсем другая история, и к советскому разведчику Рихарду Зорге отношения не имеет.

Использованная литература

Алексеев М. «Монах» с черным поясом. // Родина. 1997 № 8.

Андрянов В. И. В. Сталин: «Дезинформация! Можете быть свободны...» // Труд. 2002. 18 июня.

Бережков В. Риббентроп и Зорге. // Новое время.

Вернер Р. Соня рапортует. М., 1980.

Группа Зорге: штрихи к портретам руководителя и его соратников. // «Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2-4.

Гирин Н. Был ли обречен Рамзай?

Горбунов Е. Схватка с черным драконом. М., 2002.

Гудзь Б. «Рамзай» был обречен...

Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. Москва. 2000.

Долгополов Н. Рядом с Зорге. Интервью с Б. Гудзем. // Дальний Восток. 2002.

Захаров Н. Обручальное кольцо из зубов «Рамзая». Зорге Р. Тюремные записки.

Зорге Р. Тюремные записка. // В сб. Знаменитые шпионы XX века. М., 2002.

Иванов М. «Рамзай» выходит на связь. // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 4.

Колесникова М., Колесников М. Рихард Зорге. ЖЗЛ. М., 1971.

Колпакиди А. Прудникова Е. Энциклопедия ГРУ. Рукопись.

Колчанов Р. Она всю жизнь любила Рихарда Зорге. // Труд-7. 2001. 7 марта.

Кошкин А. Японская дилемма. //

Кубеев М. Ваша биография продолжается, доктор Зорге. // «Советская Россия». 1989. 16 апреля.

Кубеев М. Обреченный на казнь. // «Дальний Восток».

Мадер Ю. Репортаж о докторе Зорге. Берлин. 1988.

Малеванный В. Незакрытое дело «Рамзая». // Независимое военное обозрение. 2000. № 40.

Овчинников В. Не просто был путь к могиле Зорге. // Российская газета. 2002. 21 июня.

Разумовский И. Загадка провала доктора Зорге. // Российская газета. 2001. 1 июня.

Сизов И. Что делал доктор Зорге в 1926 году в Сочи? // «Трибуна» 1999. 18 августа.

Толедано Ральф. Шпионы, простофили и дипломаты. // В сб. Крупнейшие шпионы мира. М., 2001.

Томаровский В. Дело Рихарда Зорге (из архива японских спецслужб). // Секретные службы.

Фадеев Е. Постараюсь быть бодрым. // «Комсомольская правда».

Хинштейн А. Подвиг жены разведчика. // Московский комсомолец. 2001. 14 января.

Цветова Н. Анна Клаузен. Шпионка поневоле. // Cosmopolitan. 1999. № 10.

Черняк М. Рихард Зорге: жизнь и любовь. // Ветеран.

Шелленберг В. Лабиринт: Мемуары гитлеровского разведчика. М., 1991.

Шпаковский А. Работа для джентльменов.

---

notes

Примечания

Цит. по: *Мадер Ю.* Репортаж о докторе Зорге.
Берлин. 1988. С. 11-12.

Э. М. Ремарк. На Западном фронте без перемен.

Э. М. Ремарк. На Западном фронте без перемен.

Цит. по: *Мадер Ю.* Репортаж о докторе Зорге.
Берлин, 1988. С. 14-15.

Цит. по: *Мадер Ю.* Репортаж о докторе Зорге.
Берлин. 1988. С. 20.

Э. М. Ремарк. Возвращение.

Основной военный флот кайзеровских ВМС.

Мне встретилось четыре варианта того, кто именно стрелял: военный патруль, полиция, группа флотских офицеров, пулеметный взвод. Наверное, существуют и еще варианты.

Разведупр, или Разведывательное управление РККА, – советская военная разведка, в которой впоследствии и будет работать Зорге.

Так тогда называлась советская военная разведка.

Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. Сост.
А. Фесюн. М., 2000. С. 44.

Там же. С. 27.

Там же. С. 33.

Там же. С. 34.

Там же. С. 37-38.

Там же. С. 40.

Сеттльмент – компактное поселение иностранцев на территории Китая, обладавшее правами экстерриториальности.

По другим данным, ее фамилия была Раутман.

Литературный псевдоним Рут Вернер, самая известная книга – воспоминания, изданные под названием «Соня рапортует».

Однако в середине 30-х годов Сёдзима за вознаграждение выдал Каваи японской полиции. В течение пятидневных пыток журналист ничего не рассказал и никого не выдал: его приговорили всего к 10 месяцам тюремного заключения, да и то условно.

По оценкам западных исследователей, за 8 лет работы в Японии на группу Зорге было потрачено около 40 тысяч долларов – всего в два раза больше.

Цит. по: *Горбунов Е.* Схватка с черным драконом. М., 2002.

Скорее всего, под этим именем здесь упоминается не Улановский, а совсем другой человек – Лев Борович, который в то время был ответственным секретарем Информбюро, а впоследствии курировал в центре группу Зорге.

Летом 1941 года Зорге попросил санкции Центра на использования Одзаки в качестве агента влияния – тот имел возможность воздействовать на князя Коноэ, настраивая его против вступления Японии в войну с СССР. Центр такой санкции не дал. Однако это никоим образом не означает, что Зорге, ни у кого не спрашивая разрешения, не был агентом влияния в немецком посольстве.

ВАТ – военный атташат.

И. И. Проскуров в то время был начальником Разведупра.

На самом деле сообщение ТАСС датируется 14 июня.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1 Накануне. Книга вторая. С. 237–238.

Агентурный псевдоним Зорге в то время.

Х. Одзаки.

Значит ли это, что Шеленберг прослушивал телефон Мюллера?

Мияги был с детства болен туберкулезом.

Помощник полицейского инспектора,
непосредственно допрашивавший Зорге.